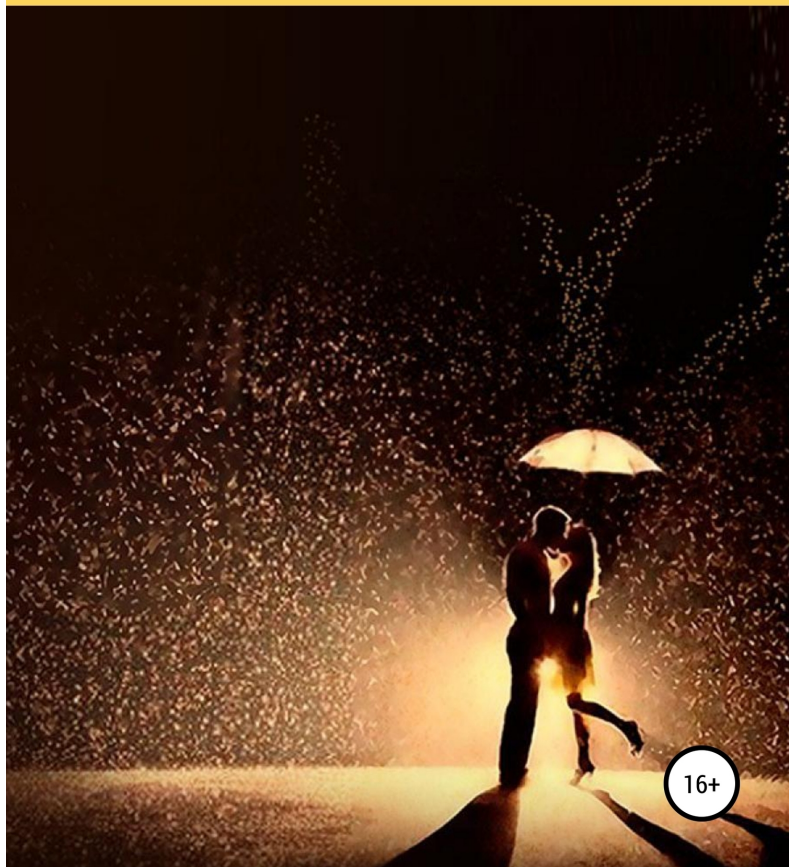

Лиса Фарова

Венерианка

16+

Лиса Фарова Венерианка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51609300

SelfPub; 2020

Аннотация

Бес мечтает погубить Землю с момента ее образования, но Бог не сдает позиции и готовит отчаянный ультиматум. Загадочная сущность с планеты Венера становится козырем в руках Бога, последней надеждой на спасение жизни. На протяжении всего романа Бог прячет девушку-венерианку в разных параллелях времени, в разные земные тела в надежде выстроить алгоритм спасения жизни. После долгих мытарств и скитаний сценарий Бога удаётся воплотить. Бес побежден. Венерианская сущность в теле девушки влюбляется в земного парня. Только остаться на Земле ей нельзя. Неужели, вкусив счастье, она исчезнет навсегда?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	45
Глава 11	48
Глава 12	51
Глава 13	59
Бесово племя.	64
Глава 1	64
Глава 2	68
Глава 3	71
Глава 4	74
Глава 5	77
Глава 6	80
Глава 7	85
Глава 8	91
Глава 9	98

Пацанка.	99
Глава 1	99
Глава 2	102
Глава 3	109
Глава 4	115
Глава 5	120
Глава 6	122
Глава 7	127
Глава 8	132
Глава 9	137
Глава 10	147
Глава 11	149
Глава 12	154
Глава 13	161
Глава 14	168
Глава 15	172
Глава 16	177
Глава 17	179
Глава 18	183
Глава 19	187
Глава 20	194
Глава 21	196
Глава 24	209
Глава 25	215
Глава 26	219
Глава 27	228

Глава 28	232
Доктор Афонина.	242
Глава 1	242
Глава 2	244
Глава 3	255
Глава 5	266
Глава 6	271
Глава 7	278
Глава 9	293
Глава 10	296
Глава 11	302
Глава 12	307
Глава 13	309
Глава 14	312
Глава 15	318
Глава 16	322
Глава 17	326
Глава 18	329
Глава 19	335
Глава 20	339
Женское сопротивление	352
Глава 1	352
Глава 2	358
Глава 3	366
Глава 4	370
Глава 5	375

Глава 7	383
Глава 8	386
Глава 9	391
Глава 10	396
Глава 11	403
Глава 12	412
Глава 13	418
Глава 14	427
Глава 15	430
Глава 16	435
Глава 18	446
Глава 17	450
Глава 18	455
Глава 19	465
Лилечка – любимая	469
Глава 1	469
Глава 2	473
Глава 3	477
Глава 4	481
Эпилог	486

Начало

Миллиарды лет назад зародилась наша планета. Мы до сих пор не имеем понятия, при каких обстоятельствах это произошло. Нас и сегодня мучает вопрос одни ли мы во Вселенной? Нам очень не хочется верить в то, что Земляне единственные в своем роде, и кроме нас во всем космосе нет ни души. Мы часто слышим из телевизора или радио, читаем в печатных изданиях об инопланетянах, о жизни на Марсе и тому подобное. Откуда же взялась такого рода информация? Явно же, не на пустом месте? Явно, кто-то не удержал язык за зубами.

В нашем мире просто так ничего не бывает – это факт. А как же наша солнечная система? Восемь планет миллионы лет кружатся в космосе вокруг солнца, и все? Не может быть. На самом деле все начиналось гениально и просто. Сегодня семь планет, как вулканы, дремлют, а восьмая – Земля, активна. Некогда активными были Меркурий и Венера со своими формами жизни, отдаленно похожими на человеческую. Жизнь на Меркурии вымерла странным образом. Сначала это был огромный газообразный шарик с одним обитателем. Это существо образовалось из блесток-чешуек, которыми создатель наполнил свой газовый аквариум. Организм радовал глаз творца, что наполняло второго неутолимой злобой. Однажды обрушился удар астероида, превративший обретающую смысл планету, в облако серого дыма.

Глава 1

Огромная белая комната. На полу сидит белесый маленький мальчик. Ему четыре года. Он увлеченно строит башню из кубиков. У него долго не получается: башня накреняется и рушится, но он начинает строить вновь.

У стены пристально наблюдает старший брат лет шести. На мальчике светлая пижама, такая же, как у младшего. Он темноволосый и хмурый. Он не сводит глаз с занятия юного строителя, но не желает ему помогать.

Наконец, башня готова. Она стоит ровно, кубик к кубику. В глазах мальчугана восторг. Это вознаграждение за труды. Это самое лучшее, что у него когда-либо получалось. Он зовет брата, чтобы порадоваться с ним вместе. Брат медленно подходит к башне и толкает ее. Башня рушится на глазах у ребенка и вызывает огромное разочарование и обиду. Малыш плачет, но начинает собирать разлетевшиеся по всей комнате кубики. Старший брат отходит на прежнее место и ухмыляется, наблюдая старания младшего. Он выжидает. Ему доставляет удовольствие огорчать младшего брата. Причинять слезы и отчаяние – стало его смыслом жизни.

Глава 2

Вершина мира. Огромная белая площадка в открытом космосе. Вокруг черная бесконечность и звезды. На краю стоят две молодые фигуры. Один – блондин, другой – брюнет. Их взгляды устремлены вдаль. Они пытаются что-то разглядеть среди звезд. Через несколько мгновений вершина мира переносит их на миллионы километров световых лет вперед и останавливается перед галактикой. Она кажется им миниатюрной. Солнце, и расположившиеся вокруг маленькие безжизненные шарики.

– Пришло время творить, – послышался мягкий тенор откуда-то сверху.

– Интересная игрушка, – прокомментировал высокомерно старший брат.

– Их можно двигать? – поинтересовался младший и попытался дотянуться рукой до первого от солнца шара. Дотянулся, закрутил.

– Вам предстоит править бесконечной Вселенной. Пора создать то, над чем вы будете работать целую вечность, – продолжил разговор бесплодный голос, Наставник, наблюдавший все это время за растущими, во всех смыслах, звездами во плоти. – Вы вместе.

– Предлагаю спалить этим светилом шары и наблюдать за фонтаном огней, перетекающим один в другой, – изрек во-

одушевленно старший брат.

– Я предлагаю вдохнуть жизнь в эти пустые шары. Они будут самостоятельно вращаться, и питать себя энергией вращения, – воодушевленно затараторил светловолосый братец. – Можно будет наполнить шарики жидкостью и пустить блески. Будет невероятно красиво, – не унимался создатель.

– Это хорошая идея, – одобрил голос. – Что скажешь, брат? Тебе нравится затея?

– Пусть будет так. Я буду помогать, – тихо произнес старший. В глазах его сверкнул огонь, но тогда его никто не заметил.

– Я займусь запуском планет, брат, а ты возьми на себя светило. Пусть оно светит вечно, является источником питания и сопутствует жизни обитателям, которых я сотворю, – ликовав младший и уже рисовал что-то на сенсорном большом мониторе.

– Как скажешь, брат, – покорно согласился брюнет и отвернулся, замислив что-то недоброе.

– Вам обоим полагается выбрать по оружию труда. Есть кольцо, и есть кинжал.

Конечно же, Бесу по вкусу пришелся кинжал. Он выдвигался на сорок сантиметров и мог совсем прятать острие. Рукоять была стальная, в нее был глубоко водружен красный камень в виде капли. Богу досталось кольцо. Ни менее интересное: из желтого металла, впереди прозрачный крупный камень. Он ярко переливался. При малейшем попада-

нии света, из камня исходили разной длины лучи. Необыкновенно. Камень, увидев солнце, спроецировал огромный монитор, на котором отобразилась вся планета, и осталось нарисовать на нем будущее. Солнце светило, и монитор мог работать уже без камня. Просто чудо.

Первую завертевшуюся планету было решено назвать Меркурий. Розовая планета, наполненная газом и защищенная от палящих лучей толстым слоем прозрачной пленки. От преломления света и отражения газа внутри шара планета казалась розоватой. Этот цвет стал невероятным событием в космосе. Вечно черной с редким мерцанием звездочек вселенной появился праздник – началась эра жизни.

Яркой планете не хватало живых искр, которые бы переливались на солнце и перемещались внутри своих владений, даря еще больше счастья глазам мира.

Светлый создатель светился от счастья. Его идея воплотилась. Темный, молча, наблюдал и выжидал. В глазах его время от времени пылал огонь, унять который могли только слезы брата.

Через десятки лет искры-чешуйки слетелись вместе и образовали единый организм – блестящую на солнце живую особь. Она меняла форму по своему желанию. Но на дополнительное умение тратилось энергии больше, чем раньше, и тварь начала тускнеть и блекнуть. Придумал старший брат выход – направлять на планету огненные камни, заряженные энергией. Орбита будет поглощать энергию огненных

камней – это и станет дополнительным источником питания для зверя. Поблагодарил младший старшего за блестящую мысль, поразился ей и позволил воплотить затею.

Сначала камни были умеренного размера. Они, действительно, восстанавливали силы питомца, электризуя верхние слои розовой планеты, таким образом питая живое существо. Потом огненные глыбы начали сторать на подлете к поверхности планеты и рассыпаться, не касаясь ее границ. Темный брат прибавил мощность огненным глыбам, что привело впоследствии к катастрофе. Вместе с мощностью выросла и сама глыба. Она пробила защитную пелену планеты и уничтожила все основательно.

Горю младшего из братьев не была предела. На его глазах созданная им жизнь погибла. Дело, которым он так гордился, загублено. Он собственноручно дал уничтожить свое творение. Это крах!

– На ошибках учатся, брат, – притворно утешал темный брат. – Мы создадим еще. Они будут лучше, совершеннее, – твердил он.

– Я не хочу больше творить. Они все равно погибнут. Я не хочу привыкать и терять.

Уныние брата не понравилось темному. Нужно, во что бы то ни стало, вдохновить создателя на новое творчество. Иначе не будет больше триумфа победы у него самого.

– Это было бесчувственное создание. Оно ничего не поняло, ничего не почувствовало. В следующий раз ты учтешь

изначально все тонкости: количество, форму, цвет, источник питания...

– Интеллект, – перебил светленький брат и взглянул на собеседника другими глазами. Слезы высохли на его щеках.

– Так-то лучше, братец, – подбодрил его братец и широко улыбнулся.

Прошел еще не один десяток миллионов лет, и во Вселенной закрутилась новая эра – Венера. Меркурий же бессмысленно продолжил вращаться вокруг своей оси. Запуск новой планеты состоялся. Получилась неповторимая по красоте планета. Она поражала своими золотыми пейзажами. Вся ее природа была цвета золота. Ее дни были бесконечно долгими, а о зиме на ней даже не слышали. Температура на планете была идеальной для пустыни. Ее грунт был рыхим, как песок. То были различные соединения металлов и сотые доли золота. На планете было достаточно жидкости. Воды Венеры были точно медовые реки, чем и суждено было питаться ее жителям. Условием жизни на планете было дыхание. Дышали венерианцы углекислым газом и заряжались энергией солнца. Жители Венеры лишь общими чертами напоминали людей. Их средний рост составлял примерно три метра, их тела были худые, бронзовые, безволосые. Большие черные глаза, маленькие носы и рты без зубов. Они стремились к красоте, умели ее видеть, ценить, поддерживать. Главным их достоинством был высокий интеллект и способность тепло относиться к ближнему. Венерианцы начали объеди-

няться в пары и сожительствовать, питая друг к другу чувства, которые сегодня мы называем любовью. Детородных органов у них не было, также не было смерти. Их создали количеством сто особей попарно. В течение жизни они находили свои половинки и составили семьи.

Светлый создатель не мог нарадоваться идиллии, которая у него получилась. На золотой планете царила любовь, гуманность, сытость и вечность.

– Братец, ты создал Богов, – заметил однажды нервное замечание старшего брата младший.

– Разве это плохо? Мои питомцы счастливы и ничто им не угрожает, – весело констатировал светлый.

– Их не погубит скука?

– Они изучают свою планету, научились взаимодействовать друг с другом, открывают все новое и новое для себя.

– Они вечны и вечно будут наполняться знаниями. Скоро они найдут тебя, брат и сместят с вершины мира, – язвительно предрек брат.

– Не волнуйся, они никогда не доберутся до нас. Они всего лишь мои питомцы.

Глава 3

– Мун, подай мне держак, – потянулся за инструментом фиолетового оттенка венерианец.

– Ты устал, Шаян, передохни, – сказал, подавая ему нужный инструмент, супруг.

У венерианцев не было пола, и отношения были трепетные, платонические. А находили свои половинки венерианцы по цвету. Цвет давал им индивидуальность. Каждый любил свой оттенок и искал себе подобного.

– Я должен понять, почему мой летатель не развивает большую скорость. Я не успокоюсь, пока не увеличу скорость своего устройства, – монотонно объяснял Шаян.

Мун на электронном блокноте стилусом, изображал своего партнера и его изобретение. Многие в округе и за пределами, пытались совершенствовать свои летательные аппараты, чтобы можно было летать за пределами планеты без дозаправок на многие километры световых лет.

Изучать на планете уже было нечего. Планетян влек необузданный космос и извечный вопрос: «Одни ли мы во Вселенной?».

– Я пойду к водоему, наберу нам питания, – проговорил грустно Мун и нацепил что-то наподобие рюкзака, в котором был глиняный вытянутый сосуд для питательной жидкости.

– Я, действительно, сейчас не могу. Вот-вот я додумаюсь

до главного. Ты иди, принеси питания. Мы вместе сядем и примем пищу, обещаю, – глядя в глаза, пообещал супруг, и глаза Шаяна блеснули от радости. Они улыбались глазами, а не ртами, лоб искрился блесками.

Он пошел. Мог и полететь на своем летателе, конечно, но соскучился по ходьбе. У них не было машин, они сразу создали летательные аппараты. Но прогресс некоторым уже опостылел. Многие отдыхали от него, рисуя, изобретая новые оттенки цветов. Некоторые смешивали новые химические элементы, чтобы добраться до чего-нибудь нового, неизведанного.

Странно, что в прогрессивном обществе нельзя заказать питание на дом? А вот и не странно. С населением – сто человек на целую планету, ничего странного. Все заняты поиском нового, отношениями друг к другу. Поэтому один из пары занимается доставкой питания для их общей пользы. Работать им ни к чему, так как в их мире нет денег. Разнообразия в питании у них нет, и питания предостаточно. Нет болезней, смерти – только жизнь в удовольствие.

Мун – долговязый, сиреневого оттенка венерианец, с большими выразительными желто-коричневыми глазами, нос впалый, два отверстия вместо него, губы – маленькая тонкая ровная линия. Венерианцы ходили без одежды. Им нечего было скрывать, прикрывать. Правда, некоторым не нравился свой цвет, и они наносили на себя пищевые краски другого цвета, иногда нескольких цветов, иногда в виде

рисунков.

Мун брел километра четыре до обрыва, где обычно раз в три дня набирал питательную жидкость. Когда сосуд наполнялся, он заметил торчащий из-под камня шип. Его никогда не было здесь. Мун заинтересовался и подошел ближе. Шип рос из колючки. Мун протянул руку и, наколов палец, быстро одернул ее. Никогда еще никто на планете не чувствовал боль. Настолько сильно жгло палец, что Мун зажал его другой рукой. Он не мог шевельнуться и произнести ни слова, только свернулся калачиком и ныл.

Пролежал он так около пятнадцати часов, пока не прилетел к водоему Шаян. Он обнаружил любимого в бессознательном состоянии. Тревога охватила его. Он пытался поднять Муна, но не мог, говорил с ним – безрезультатно. Такого на планете еще не было. Шаян все-таки погрузил супруга в вертолет и доставил домой. Дом представлял собой огромный конус из прозрачного подобия оргстекла. Ничего лишнего, что мы называем комфортом, у них не было. С пульта в нужный момент можно разложить встроенную в стену постель и стол. В основном, стены прячут электронные книги – пережиток их прошлого. Современные иллюстрированные книги – можно было читать на сенсорном столе и проецировать перед собой в любом масштабе.

Шаян расположил Муна на матрасе, служившим постелью. Пока располагал, отломилась кисть руки. Это было шоком для Шаяна. Он нервно бросился связываться по сото-

вону браслету с одним уважаемым венерианцем, живущим в двухстах километрах от него. Сосед-венерианец, друг семьи, выслушал тревожное обращение Шаяна и ужаснулся – он впервые слышал о таком. Венерианцы не фантазировали, не шутили – это не свойственно их сущности. Впервые планетяне испытали страх и задумались над новым явлением – смерть.

* * *

Наблюдая в монитор нелогичную обстановку, младший создатель начал искать причину возникновения подобной ситуации. Нашел неизвестный шип, удалил его.

– Как он мог возникнуть? – задал он вслух вопрос.

– Прогресс, брат. Планета развивается вслед за ее обитателями, – разводил руками старший.

Без ведома создателей такое не могло происходить. Младший думал об этом.

Глава 4

Для звонка они использовали специальные браслеты. При соединении изображение собеседника проецировалось перед собой в масштабе один к одному. Можно было одновременно показывать любое видео, фото, маршрут, даже можно было что-нибудь нарисовать стилусом.

Рассказанное его собратом не укладывалось в голове. Увиденное доказательство испугало венерианца. Помочь он ничем не мог, не знал как, а прибыть на помощь бессмысленно и боязно. Странное, необъяснимое. Шаян начал действовать один. Он обматывал гниющие конечности супруга лентой, смоченной питательной влагой. Все напрасно – вторая кисть высохла и отвалилась. Начала крошиться стопа. Он наблюдал ужасающие вещи – его половинка исчезала на глазах. В отчаянии, Шаян записал сообщение и разместил видео рассыпающегося супруга в общую сеть. Каждый венерианец увидел это сообщение. Шаян надеялся на отклик, помощь, но соотечественники лишь звонили полюбопытствовать, пожалеть. Горе заполнило весь его дом. Он не мог питаться, заниматься летателем, как раньше. Мун, молча, покидал его. Шаян просто лежал рядом и рассуждал вслух о том, как все изменится, когда Мун восстановится. Он не знал, что останется один

Еще через два дня, супруг превратился в труху. Его груд-

ная клетка рухнула, следом голова. Шаян отвернулся, не желая смотреть на это. На ощупь он вышел из дома. Он пылал жаром и, округлив свой маленький рот, издавал что-то похожее на крик. В округе не было никого. Он побродил с чашек и вернулся домой. На постели лежала груда тлена, а на выпирающем штырьке для рюкзака сидело и хлопало глазами какое-то существо размером с кисть, белое, черноглазое, с коричневым острым выступом на физиономии, вместо ног – маленькие коричневые палки. Шаян попятился назад от неожиданности, спугнул существо, оно взмыло вверх и заметалось по огромной комнате то в правый угол, то в левый. Это существо было похоже на птицу, а точнее – на голубя. Но на Венере их не было. Птиц никто никогда не видел. Откуда она взялась в доме Шаяна? Он попытался снять ее на видео при помощи видео-очков и удивился тому, что она рябит на записи, а периодически совсем не видна. Затем открыл дверь и попытался ее прогнать, но она пугалась и исчезала из виду. Птица была эфемерна, мелькала, появляясь и исчезая. Шаян пробовал поговорить с ней, но она не отвечала, лишь металась из угла в угол.

Шаян сел и успокоился. Голубь тоже.

– Значит, не хочешь покидать мой дом? – подытожил хозяин, перестав за ней гоняться. – Ты появился вместо Муна. Может ты и есть Мун?

Как объяснить необъяснимое? Птица появилась, когда не стало Муна. Он поменял форму жизни? С ума можно сойти.

* * *

– Нет смерти на планете! – кричал в экран младший создатель. – Нет горя и потерь! Как такое могло произойти? – негодовал он, обратившись к старшему брату.

– Успокойся, никто не умер. Он перешёл в другое состояние. Он живёт в своем же доме, – спокойно изрёк старший.

– Как? Я не мыслил такого, – искал правду светлый Бог в глазах темного.

– Ты создал живые существа, дал им возможность думать. Весь их жизненный процесс записывается на коробочку памяти в головах. Все их эмоции: страх, интерес, любовь – это жизненная энергия. Она движет ими. Неужели ты не понимаешь? Твои питомцы наращивают внутри себя этих белых и чистых существ. Они питают их в своих же жилищах. Я не зря говорил, они скоро доберутся до нас.

– Я приму их. Я создам еще один мир для этих душ, – не унимался вдохновленный Бог. – Души я буду перемещать на следующую планету. Только надо ее запустить.

– Отдай их мне, брат, – попросил темный, но светлый также пристально смотрел на него. – Я тоже буду творить. Организуем красную планету, души будут под моей властью. Я поменяю форму, цвет...

– Братец, а кто погубил венерианца?

– Это тоже непредвиденный поворот жизни. Планета жива.

Младший начал сомневаться в искренности старшего. Тот

правдиво говорил, хотелось верить, но проверить тоже не лишне. Уговор не вмешиваться в созданную жизнь, заключённый между братьями, кажется, односторонне нарушался.

Глава 5

Спустя неделю Шаян поместил прах в сосуд, с которым Мун ходил в последний раз за пищей. Угол, в который он убрал урну с прахом, он украсил рисунками возлюбленного. Голубь все-таки покинул его дом, растворившись в остром углу конусообразного потолка, но появлялся периодически, держался возле пирамидки венерианца. Шаян пытался заниматься делами, поиском вечного двигателя или, хотя бы концентрированного топлива для космических полетов. Он разговаривал с голубем, когда вновь видел его, считая его частью Муна.

– Когда-нибудь мы улетим далеко-далеко отсюда, – бубнил он этому странному существу, кружившему над ним, разбирая очередной раз топливную систему своего летателя.

Зазвенел браслет, развернулось голографическое сообщение.

– Возле водохранилища «Инстр» нашли пятерых венерианцев. Они плавали на поверхности воды в полуживом состоянии. Это уже не первый случай на этом водохранилище. Как они оказались в воде, не понятно. Сбор воды автоматизирован, и нужды спускаться в воду, нет. Ни один из пяти не был в паре. Их нашли супруги, спустя двенадцать часов. Ситуация небывалая. Решено было положить всех пятерых в изолированное помещение под наблюдение и обследование.

– Что-то грядет... Я думаю, что разгадка не здесь, а там, – указал он наверх. – А? Мун? Ты ведь со мной? – обратился Шаян к небу. Потом снова продолжил ремонт.

Через семь дней, несмотря на различные неуклюжие попытки лечения, пятеро превратились в прах. Из груди пятерых также исключительным образом высвободились белые эфемерные птицы. Они разлетелись и исчезли в небе Венеры. Объяснить подобное венерианцы не смогли.

* * *

В небесной канцелярии Бог вновь и вновь пересматривал запись происшествия на водохранилище. На повторе ясно видно, что пятеро венерианцев любезно общались между собой и наполняли сосуды водой. В одно мгновение они повернули головы к небу и, увидев что-то, синхронно попятились в воду с обрыва, на их лицах застыл ужас. В воде, скорее всего, были скрыты злополучные шипы, раз у них те же симптомы, что и у Муна. Сколько ни старался Бог рассмотреть изображение на небе, не получалось. Это была проекция с их браслетов, но при ярком солнечном свете на оранжевом небе Венеры изображение нереально было разглядеть. Именно то, что скрывало истину, нельзя было разглядеть. Совпадение?

– Что же было? – гадал Бог. – От моих глаз невозможно что-либо скрыть. Как такое может быть? – сокрушался Бог.

Его брат стоял молча у стены и не сводил с него глаз, пока не наткнулся на взгляд.

– Это твой мир. Я здесь не причем, не смотри на меня.

– Мой мир рушится. Шесть семей стали несчастны. Баланс нарушен. В мире без смертей, не стало шестерых ее представителей, а я не вижу причину, – страдал светлый брат.

– Ты найдешь ее, – успокаивал его собеседник, не сходя с места.

«Солнце контролирует братец. Не его ли это проделки?» – думал Бог про себя. «Наверняка, шипы – это тоже его рук дело». Ничего не сказал Бог, но впредь стал бдительнее.

Глава 6

Последние события взбудоражили общественность. Стали озвучиваться различные гипотезы относительно несчастных случаев. Венерианцы стали бояться подходить к источникам своего питания. А водохранилищем «Инстр» вообще рекомендовали не пользоваться. Но были смельчаки, кто все же отваживался, в силу своей самоуверенности, набирать там жидкость для питания.

Шаян решил передохнуть после долгого пребывания на изнуряющем, палящем солнце. Казалось, оно хочет выжить из него все соки. Это было слишком для обитателей Венеры. Слишком жаркий денек.

Он побрел в сторону своего дома. В оранжевом небе Шаян заметил белое пятнышко. Птица обогнала его и, покружив над головой, направилась на пустырь и села между множеством мелких камушков. Шаян заинтересовался и пошел посмотреть. Птица суетилась над белым овальным камнем. Она будто бы пыталась закопать его или раскопать. Камень был гладкий на вид. Таких камней Шаян ещё не встречал, и ему захотелось его потрогать. Он раскопал это тяжёлое яйцо. Голубь спокойно наблюдал в стороне. Шаян выкатил яйцо и заметил, что оно расколото. «Интересный объект для изучения», – подумал венерианец, походив вокруг, и покатил его к своему дому. Совсем рядом с домом яйцо окончательно

но расколосось. Из яйца показалось существо, похожее на него, только маленькое, с черепом, покрытым темным пушковым волос. Само сантиметров пятьдесят в длину, сморщенное, бледное и слабое. Сначала находка насторожила Шаяна. Он не знал, как поступить с существом. Оставил его, убеждая себя, что в последнее время, все новое опасно. Когда находка начала пищать и хныкать у него за спиной, он вернулся. Над малышом уже суетилась птица, гулюкая ему своеобразную песенку. Шаян попытался катить малыша дальше, но нарвался на ещё больший крик, потом распростер объятия. Он взял малыша на руки, прижал к плечу, чтобы унять крик, и внёс в дом. Дверь открывалась, как купе, одним прикосновением ладони. На правой ладони у венерианцев был шрам в виде солнца, деленного пополам. Он служил им идентификационным номером при открытии любой двери. У кого-то шрам был бледный, у кого-то четкий, темный. Внутри жилища Шаяна малыш затих и уснул на постели. Хозяин ходил из стороны в сторону, размышляя о находке и плане действий далее. Он решил присмотреться к малышу и исследовать его. Может, малыш поможет понять происходящие вокруг несчастья.

Малыш рос не по дням, а по часам. Он стал вдвое больше за три дня. Его волосы стали еще гуще и длиннее, в отличие от остальных безволосых венерианцев, и зубки – мелкие и тупые, когда как верерианцы вообще были без зубов. Из трубочки он научился пить питание. Очень быстро на-

чал понимать язык. Шаян заметил, что на находке грубая и бледная кожа. На пальцах, как будто костяные бугры. Он мямлил ее пальцы, рассматривал сквозь увеличительные стекла ее и свои пальцы, пытался разглядеть идентификационный рисунок на ладони, но он отсутствовал. Свои предположения он записывал на видео. Однажды Шаян решил сделать прокол пальцев: своего и малыша. Свой палец он проткнул легко, а его – проткнуть не смог. Фиолетовая жидкость из своего пальца была идентична с анализами других представителей планеты. Конечности же малыша были защищены от травм. Может, в нем кроется сыворотка от недуга венерианцев? Для предотвращения летальных исходов на планете, если повторятся такие случаи, можно было бы попробовать использовать биологические данные загадочного существа. Заявления делать пока рано, нужно добраться до содержимой главной жидкости малыша.

***

– Новая жизнь на планете? – саркастично высказался старший брат.

– Это эволюция, брат. Планета жива. Она восстанавливает баланс, – предположил светлый.

– Это тебе нравится? – ухмылялся старший.

– Конечно, я счастлив. Пусть моя планета тоже будет счастлива, – гордо заявил творец у главного монитора, наблюдая, как Шаян пытается поймать малыша в своем доме.

Глава 7

На Венере при загадочных обстоятельствах на водохранилище «Инстр» в воде обнаружили ещё четверых венерианцев. Они также были помещены в изолятор и наблюдались. Исследования и попытки как-то им помочь были тщетны.

Прошел месяц. Шаян нашел способ проткнуть костяной панцирь Ману, так он начал называть малышку, которой, кстати, уже была полтора метра ростом. Шип, изобретённый Шаяном, был прочен и загнут, что позволило протыкать под углом. Шип зашёл под плотный шарик и не причинил боли пациенту. Жёлтая жидкость из-под панциря отличалась по строению от анализов венерианцев. Совершенно другая структура.

Венерианец решил, что пора сообщить общественности. Ману – другая. Ее надо исследовать тщательно. Ввиду странностей, которые творятся в последнее время на планете, надо заняться ее плотным изучением. Вдруг она – ответ на вопросы, пытающие лучшие умы Венеры. Звонок был совершен. Шаян показал малышку, рассказал о ее появлении, о своих исследованиях и догадках.

За Ману прилетели на вертокрылах представительные особы. Малышка начала прятаться за Шаяном, жалобно пищать слова отчаяния, но ее все-таки вывели насильно из дома. На улице, Ману удалось вырваться, и она побежала к во-

дохранилищу «Инстр». Она бежала быстрее венерианцев. Те не привыкли к бегу. У них размеренный образ жизни, и бегать им обычно было ни к чему. Прибежав с криками к обрыву, она спугнула парочку, стоявшую у крутого берега. Парочка оступилась, и один утянул другого вниз. Туда же бросилась и Ману.

Шаян пытался бежать за венерианцами, которых вызвал. Его переполняла тревога за малышку. Она полюбила его, и он проникся к ней тёплыми чувствами. Он ощущал что-то недоброе, ведь все бежали к злополучному водохранилищу. «Ману, только не ты», – повторял внутри Шаян, боясь, что она прыгнет в воду.

Опасения подтвердились. Трое в воде. Вертокрылы зависли над водой с веревками, в неуклюжих попытках спасти. Всех троих вскоре вытащили на берег. Двоих без чувств, а Ману – возбужденную и расстроенную. Они все загремели в изолятор. Было любопытно, почему с Ману ничего не произошло. Предположили, что дело в ее особой ДНК. Тем более Шаян сказал о проведенных им исследованиях, об особенностях ее кожных покровов и особого состава главной жидкости.

Шаян просился к своей подопечной, говорил, что поможет в изготовлении лекарства, на основе ее анализов. Эксперименты провели без него. Собрали нужную жидкость из пальца малышки и без промедления ввели в руки пострадавшим. Все застыли в ожидании эффекта. Что же будет? По-

страдавших затрясло. Их тела замигали цветами. Затем они открыли глаза и зашевелили конечностями. Сработало! Венерианцы запрыгали от радости, а парочка заговорила. Они рассказали свои ощущения и момент падения в воду. Под водой скрыты острые шипы. Они ждут своих жертв. Это иглы-убийцы.

Лекарство от Ману ввели и тем четверым несчастным, попавшим в беду ранее. Их рассыпавшимся телам уже, казалось, ничего не поможет. Ни рук, ни ног уже не было, ведь прошло пять дней. В их плечи ввели сыворотку и отошли на всякий случай. Тела затрясло спустя три минуты. Было видно, что от тряски остатки их высохшей кожи разлетаются в разные стороны. Надежды было мало. Тряска прекратилась и на основе тел начал расти новый материал. Очень медленно, но тела восстанавливались. Понадобилось три дня, чтобы те четверо вновь заговорили. «Что же их заставило прыгнуть в воду с обрыва?» – прозвучал главный вопрос. «В небе возник огромный циферблат с обратным отсчетом. Циферблат обнулится, и планета запылала очень ярким огнем. Языки этого пламени дошли до нас, и мы попятились от этого жара», – твердили четверо одно и то же.

Что это могло значить, венерианцы не имели понятия. Но в небесной канцелярии разгорелась нешуточная дискуссия.

* * *

– Не имеет смысла отрицать явное, – начал Бог, – шипы под водой – это твоих рук дело. Не знаю, к чему ты клонишь,

но это перебор. Ты бессовестно губишь мое творение. Ты беспощадно смотришь на то, как разваливаются живые существа. Зачем? – бессильно уставился на брата Бог.

– Я тоже хочу творить, – без эмоций ответил бессовестный и беспощадный брат. – Мне надоело смотреть на идиллию и любовь. Ты творишь скуку. То ли дело проблемы, препятствия – это придало новый оттенок просто оранжевому. Существа заёрзали, заметались, начали открывать что-то новое. Не это ли интересно?

– Они несчастны, напуганы, – закачала головой от отчаяния создатель.

– А не ты ли, братец, внедрил новую жизнь на планету? Что-то новое. Что оно вытворяет? Одному Богу известно, прости за выражение. Я ничего не предъявил, хотя ты утаил от меня свой новый шедевр, – помотал старший в воздухе пальцем, журуя младшего.

– Что за послание в небе? Что за отсчёт и взрыв? В этом хоть есть смысл? Или это очередная твоя бессмыслица?

– Слишком много «бес» в твоих словах, братец.

– Тебе, как раз. Я замечаю бессмыслицу, беспощадность, бесстрашие, беспринципность в твоих действиях и глазах. Они горят огнем. Я прошу, не губи мой мир, – взмолился светлый.

– А ты спаси его... Сумел создать, попробуй сохранить. У тебя ещё есть время, – расплылся в улыбке Бес, так и назвал себя темный создатель, и в его глазах сверкнула молнией ра-

дось.

Он демонстративно пошагал к огромному витражу, открывающему вид на Вселенную. Перед ним возник ещё один огромный монитор, на котором отображался весь сотворённый мир и все действия венерианцев.

Значит, братец давно вел двойную игру. Его участие – бесовская подлость. Его цель – разруха и огонь.

Отчаялся Бог, присел на корточки и схватился за голову. Как бороться с братом, который не видит ничего светлого, который помешан на уничтожении? Нужно перехитрить его. Спасти свой народ, пока ещё есть время. Но одному ему справиться ли с таким хитрым соперником.

Глава 8

Шаяну удалось вернуть малышку Ману домой. Без радостных эмоций, в изоляции, Ману превращалась в каменную глыбу. Как только видела Шаяна сквозь стекло, обретала мягкость и переливалась блестками. Ее отдали назад, с условием являться по первому требованию. Тем более таких случаев больше не повторялось. Водохранилище «Инстр», наконец, внушило всем табу. За питанием местные теперь летали на соседнее хранилище, что на двадцать километров южнее от «Инстр».

Все заметили активность солнца в последнее время. Как будто кто-то прибавил температуру в духовке. Тяжело венерианцам было переносить непривычную жару. Учёные планеты предполагали, что защитный слой даёт сбой, и поэтому стало жарче. Конечно, венерианцы уже давно бороздили просторы околопланетной орбиты, но по-прежнему не могли летать далеко. Секрет вечного двигателя ещё не был раскрыт. Но на пороге этого открытия стоял Шаян.

Однажды он в качестве пробы смешал анализ жидкости из пальца Ману и питательную влагу из водохранилища, добавил прах Муна и обычное топливо, заправил этим летатель и попробовал взлететь. В воздух поднялся, как ни странно, вышел в открытый космос и ускорился. Результат поразил Шаяна. Летатель мчался с невероятной скоростью, обогнув всю

планету за считанные минуты. С приземлением на такой скорости не повезло. На подлёте у летателя рассыпалась посадочная ось, четыре мощных парашутообразных воздушных тормоза, можно сказать, не справились с такой скоростью и порвались. Но результат, все же, был невероятен. Скорость, плюс экономия топлива. Его было израсходовано минимально.

В космосе невооружённым глазом было видно, что солнце пылает. Оно из бледно-жёлтого, стало сочно оранжевым, временами красным. В нем будто бурлила злость, плескалась ненависть со вспышками ярости. Венерианцы наблюдали такое явление в мощные телескопы и при выходе в открытый космос. Опасениями своими они делились в сообщениях через сотовый канал. Венерианцы были умны, но со стихией им справиться было не под силу.

Шаян не заявлял о своих открытиях. Он решил проверить все сам и спасти свою планету от разрушения. Он верил, что разгадка близка, и Ману ему послана не зря.

На планете началась паника. Венерианцы поняли, что планета обречена. Некогда счастливые, обременённые лишь своими открытиями, беззаботные венерианцы превратились в пессимистичных и безразличных существ. Они разучились радоваться. Единицы все ещё верили и проводили исследования, надеясь, что успеют разработать лекарство от гибели планеты.

Медлить было нельзя. Шаян решился на путешествие к

звёздам. Он наполнил огромное количество ёмкостей питанием и для себя, и в качестве добавки к топливу. Загрузил дополнительно ёмкости с разбавленным в нужной консистенции топливом. Взял, конечно же, с собой Ману.

– Вроде бы все, – констатировал глава семейства. – Помажем на прощание, – сделал он жест прощания конусу на крыше своего дома и кружившему над ней облачному голубку.

– Мы вернёмся? – спросила малышка, доросшая до двух метров ростом.

– Я надеюсь, что да, – продержав паузу, ответил Шаян. – Иначе, зачем мы все время к чему-то стремимся. Думаю, кто-то наверху нас ждет, и посылает нам знаки, – высказал догадку мудрый венерианец.

И он заторопил ее путь. Пассажирка заняла свое место, Шаян сел в кресло пилота. Ключ на старт. Волнительный отрыв, и они уже взмывают ввысь. В период тряски Ману взвизгнула, но взрослый ее успокоил. Ее обязанностью было следить за топливным прибором. Говорить об изменении топливной стрелки. Она справлялась.

Они летели на предельной скорости. Шаян беспокоился, выдержит ли конструкция летателя такой нагрузки, не подведёт ли топливо и, вообще, хватит ли его. Они направлялись на третью планету. Если повезёт долететь, то все венерианцы просто так же покинут Венеру, тем самым спасутся, переселившись. Идея грела Шаяна. Это риск во имя блага

всего живого. Кстати, а если там уже кто-то живёт? Другая форма жизни? Другие условия для существования? Дружелюбный венерианец был готов к любому повороту. Лишь бы долететь.

Пришло время долить топлива. Через специальное отверстие и ёмкости с воронкообразным горлышком топливо было загружено. Полет продолжался.

Удивительно, но космолёт выдерживал нагрузки и стремительно рассекал просторы вселенной. Прошло много времени, прежде чем перед иллюминатором возникло зияющее пятно. Это пятно было обрамлено золотым кольцом, и, к сожалению, Шаян поздно заметил этот капкан, расставленный звёздами. Такие пятна именуется черными дырами, и они поглощают все, что приближается к ним. Как раз к такой дыре близился летатель венерианцев. Управление не слушалось, их затягивало в звезду.

– Ману, зафиксируйся, – как можно более уравновешенно сказал Шаян, пытаясь что-то изменить. Они смотрели, как молниеносно и верно летели в бездну. Пугало то, что управление было утрачено, и неизвестность.

Шаян тоже закрепился спасательным тросом и ждал. Через несколько минут началась сумасшедшая тряска. Казалось, летатель рассыплется на кусочки. Наверное, от волнения или от напряжения Шаян потерял сознание на минуту и очнулся из-за крика Ману. За стеклом возникла незнакомая пристань. На ней было пусто. Летатель Шаяна рухнул на

пустую плоскую площадку. К счастью, удар, с которым венерианцы воткнулись на неизвестную территорию, их не травмировал, и они благополучно выбрались из своей посуды. Именно посуды, потому что это уже нельзя было назвать космолетом или летателем.

Глава 9

Они последовали по каменистой дорожке прямо. Вдали возвышалась крутая серая гора. Подняться на нее можно было по деревянным ступеням, парившим над склонами вплоть до вершины. Они пошли по ним. Ступени под ногами проминались и ерзали. Держаться было не за что, а внизу была пустота. Они шагали долго, выбились из сил, но останавливаться было нельзя. Удивительно, Ману не жаловалась, твердо и стойко шла вперед. На вершине были высокие стеклянные ворота. Они были открыты. Странники вошли. Изнутри это было помещение. Улицы не было видно, никого и ничего в помещении не было. Лестница вела выше – они пошли выше. По мере их подъёма послышались голоса. Один голос был уверенный, крепкий, громоподобный, а другой – мягкий, добрый, располагающий. Они спорили. Громоподобный намеренно провоцировал мягкий голос на конфликт. Мягкий голос, в основном, отмалчивался, лишь изредка сокрушался по поводу доверия.

– Меня предал собственный брат... – будто не мог поверить в происходящее, добрый баритон.

– Нам завещано править обоим. Почему-то ты взял на себя бразды правления, –высокомерно продолжил бас.

– Ты не умеешь творить. Твой удел – разрушать. Я всегда это знал, но любил тебя.

– Братец, как ты наивен. Я поражаюсь твоей глупости, – рассмеялся громогласный. – Я вечно буду сеять хаос. Я испорчу все, что ты сотворишь, пока ты не возненавидишь себя, меня, каждое свое творение, – голос наращивал массу, а с последним словом прогремел.

– Я спасу венерианцев, – почти шептал добряк.

Опять послышался раскатистый смех.

– А я посмотрю на это зрелище. Обещаю, если тебе удастся, я не буду мешать, – пробасил уверенный с нотками хитрицы, растягивая слова, будто наслаждаясь триумфом. – А если нет, то буду уничтожать каждую планету, которую ты населишь.

Молчание. Шаян тоже притих, не переставая держать палец у губ, чтобы Ману не издавала звуков. Кто же так хочет уничтожить Венеру? Кто же стоит за сотворением жизни? Все зря, если не войти и не увидеть. Венерианец колебался. Страх перед неизведанным оковал его, но Шаян решился войти. Будь, что будет!

В огромной белой комнате стояли два огромных монитора. На одном было изображение мучений от изнуряющей жары венерианцев, а на другом – пылающий шар и электронный циферблат с убывающими секундами. Венере, по-видимому, осталось два дня. Кроме мониторов в комнате никого не было. Царило молчание.

– Как спасти Венеру? Как нам спасти жизнь? – тяжело дыша из-за увиденного, выдавил Шаян.

Ответов не было. Венерианец подошёл к мониторам, хотел попробовать понажимать, может, станет что-то понятно, но тут же оказался с Ману возле летателя, а горы с лестницей больше не было. Странно, но летатель был невредим, как будто не было миллиардов километров сквозь космос. Ману хотела вернуться и поискать, но Шаян посадил ее в летатель и завел свою реактивную машину. Она завелась, и что-то будто бы толкало их скорее на борт. Это был знак, что надо улетать. Неизвестно, куда? Неизвестно, зачем? Но они оказались возле целёхонького летателя. Значит, надо лететь. Летатель взмыл, и его также стало засасывать в золотое кольцо черной дыры. Также потрясло, также кратковременная потеря сознания, и их вышвырнуло из петли времени.

На мятом и пищащем от перегрузки летательном аппарате, они продолжили свое космическое путешествие. Вскоре за иллюминатором показалась голубая планета. Замечательно, это третья планета, та, которая им нужна. Курс на нее. Шаян судорожно повторял шепотом, обращаясь, к пустоте:

– Пожалуйста, не подведи.

Его мольба была всему вокруг: и своему шатлу, и доброму голосу, наверняка, ведущему их, и эфемерному существу, оставшемуся на Венере, а может, и летавшему рядом. В этой панике ему начали мерещиться спасители. Он начал верить в то, что его, действительно, кто-то ведёт.

Они стремительно приближались к третьей планете. Топливо заканчивалось. Наверное, это их последняя прогулка в

космосе. Оставалось надеяться, что планета примет их. Иначе, зачем их ведёт невидимая сила? Нужно надеть костюмы и скафандры.

Ещё немного, и летатель вошел в атмосферу Земли. Сильная тряска уничтожила часть фюзеляжа. Но на такой случай есть катапульта, с помощью которой они в защитном модуле катапультировались в пустыню. Парашют раскрылся, капсула мягко села. Наконец, венерианцы на Земле. Ману перестала кричать и улыбнулась, посмотрев на попутчика. Шаян отстегнулся и пошевелился. Тело болело. Он ощущал тяжесть и боль – это планета их знакомила с собой.

– Ману, ты как? – обратился к молодому штурману венерианец.

– Все хорошо, – улыбалась она.

– Надо встать, – сказал и одновременно встал, помог Ману. – Ну что, обследуем голубую планету! – оптимистично воскликнул Шаян.

Они с трудом открыли люк. Первым вывалился сам Шаян, следом – девушка-подросток. Место, куда они приземлились, отдаленно напоминало Венеру, представшим пейзажем, только светлее. Вокруг простиралась жёлтая безжизненная пустыня с песчаным переметом. Шаян поправил шлем и пошагал. Три шага – непривычная тяжесть – устал. Ману медленно переваливалась за ним. Они оглядывались вокруг в поисках кого-нибудь живого или чего-нибудь примечательного. Напрасно, кроме песка и солнца над головой

ничего примечательного. Чужая неизученная планета. Шаян прошел ещё шагов шесть, но решил вернуться к модулю, так как пустыня казалась бесконечной и быстро выбила из сил инопланетян. Он успел набрать в формочку-пробирку немного песка и воздуха.

– Мы в западне, Ману. Что будем делать? – уже в капсуле отчаянно констатировал Шаян, глядя в иллюминатор на бескрайние барханы.

– Шаян, я хочу снять костюм, – начала Ману.

– Ни в коем случае. Мы не знаем об атмосфере этой планеты ничего. Я исследую пробирку и тогда... – отрывисто говорил отец.

– У нас нет времени на это. Наш газ на исходе, посмотри, – указала она на болоны с углекислым газом. Уровень показывал критичную отметку.

Шаян не слушал спутницу. Он отвернулся к аппарату, чтобы выяснить химический состав собранных проб. Ману не стала ждать. Возможно, это женская нетерпеливость или какая-то внутренняя уверенность в своих возможностях, либо банальное непослушание, но она открыла капсулу и выпрыгнула наружу. Шаян запротестовал. Но куда ему, догонять ее? Она встала в десяти шагах от модуля и, вдохнув глубже, сняла шлем. Шаян застыл на месте, наблюдая. Воздух Земли не убил Ману сразу. Она подняла пятерню – знак, что все под контролем. Попыталась вдохнуть земного воздуха, но тут – неудача. Кислород не пошел для ее дыхания.

Она начала задыхаться. В панике она попыталась опять натянуть шлем, но зафиксировать застёжку не получалось. Ситуацию видел и Шаян, даже попытался подбежать к ней на помощь, но через пять шагов просто рухнул на песок и пополз. Его мышцы были слишком слабы для земного притяжения. А Ману уже лежала без сознания на том же песке. Шаян отчаянно полз, преодолевая боль и бессилие. Когда он дополз, было уже поздно натягивать шлем с газом. Ману была молода и прекрасна. Казалось, она закрыла глаза на мгновение, что она сейчас откроет их, ведь так должно быть. Шаян держал ее худую руку и кричал в свой шлем. Неужели он потерял ее. Зачем тогда это путешествие? Зачем тогда она была послана ему? Чтобы вновь испытать потерю? Как жить дальше? Одному на чужой земле. Шаян смотрел на нее, прекрасную, и из глаз впервые в жизни у него текли слезы. В отчаянии он начал трясти ее, пытаясь пробудить, как от страшного сна.

– Вставай... вставай, – кричал он, – не бросай меня, – плакал и теребил ее руку и тело. – Я не смогу без тебя.

Шаян обессилил, и сам потерял сознание.

Глава 10

Очнулся в модуле, на кресле. Повернул голову – рядом Ману, живая, жизнерадостная. Она улыбалась и хлопотала у пробирок.

– Ману? Как? – слабо вырвалось у него.

– Не знаю как, но я задышала местным воздухом. Сначала я почувствовала опустошение, панику, отключилась, но, очнувшись, сделала пару попыток вдохнуть и адаптировалась, – тараторила девушка-венерианка и вдруг, запрыгала от радости.

– Что? – удивился Шаян.

– Я была права. Кислород при дыхании превращается в углекислый газ. Сегодня не умрем, – оптимистично констатировала Ману и надела маску с трубкой.

– Зачем это?

– Пойду наружу и надышу тебе газа, – сняв маску, отчиталась она. – Ты оставайся здесь, не двигайся, дыши спокойно, я постараюсь успеть, – договорила девушка и решительно прыгнула из капсулы.

Шаян по привычке дернулся за ней, но остановился и сел на место. Газа, действительно, оставалось очень мало. Ману, видно, знала, что делала.

Венерианец устало выдохнул и выдал что-то наподобие улыбки, мотая головой. Она не ушла. Она жива. Жизнь про-

должается.

Под сидением Шаян нащупал мобильные видеоочки. Это мощная вещь. Она могла не только снимать видео, передавать на такие же мобильные устройства, но и служить, как мощный телескоп, микроскоп. Универсальная нужная вещь. Хорошо, что она работала. Сотовый браслет, например, не работал, а мобильные очки, слава Богу, не подвели. Они ещё пригодятся.

Шаян надел их и направил взгляд на небо. Где, интересно, Венера? На темнеющем небе он отыскал свою планету. Она предстала мерцающим оранжевым пятном, мерцающим то ярко, то тускло. Далёкая, недостижимая и погибающая родина. Сородичи вот-вот сгинут, а его жизнь не определена. Адаптируется ли он? Примет ли чужака Земля? Как дышать здесь?

Он отложил видео-очки и нашел в окне безмятежную Ману, копающую местный грунт. Не узнать всего, сидя здесь. Шаян сделал глубокий вдох и открыл капсулу. Через несколько мгновений венерианец упал, не имея возможности вдохнуть. Ману, увидев его попытку адаптации, занервничала и поспешила к нему. Попытка не сулила ничего хорошего, он мог умереть, чего не могла допустить его спутница. Ману надела ему свою маску с газом, который надышала, но он не реагировал, побледнел. Ману в панике затрясла его, а потом сильно ударила в грудь. Он начал возвращаться к жизни. Ману продолжала трясти его и причитать громко:

– Не смей оставлять меня! Шаян, открой глаза! – била его и рыдала Ману.

Он резко привстал и глубоко вдохнул газ в маске. Его сердце бешено колотилось. Он видел отчаяние в глазах спутницы и понимал, что попытка чуть не закончилась плачевно. Он не адаптируется к кислороду, хотя хорошо, что атмосфера Земли не сплющила и не растворила его.

– Я в порядке, – сказал он сквозь маску. Ману прижала его к себе. Шаян ощутил жар в теле и боль от нахлынувших смешанных чувств.

– Не пробуй больше, – попросила слёзно Ману, – я буду дышать за двоих.

На следующий день «Робинзоны» наблюдали в видео-очки, как полыхает их родная планета. Заворожено смотрели они на огненный шар в далёком космосе и ничего не могли сделать.

– Все-таки уничтожили, – бессильно пробормотал Шаян.

– Но мы живы, – подбодрила его Ману.

– Ману, мы обречены, – пессимистично констатировал венерианец, взглянув на девушку.

– Мы обречены строить новый мир, – не сдавала позиции Ману и прижалась к его груди. Он невольно обнял ее, по телу пробежала холодная дрожь.

Глава 11

Венерианцы начали осваивать просторы Земли. Ману третий день уходила далеко от лагеря в поисках ответов, в поисках чего-нибудь. И, наконец, нашла. Она нашла зеленый оазис с деревьями и проточной водой. Столь чудесная находка привела в восторг девушку. Она попила и попробовала на вкус росшую там зелень. Прекрасно! Ей безумно захотелось привести сюда Шаяна. Здесь они смогут жить дальше. Планета не даст им погибнуть.

Путь Шаяна к оазису был нелёгок, но мучения стоили того. Глаза его засверкали счастьем от увиденного прекрасного новшества. Ману покормила его земной пищей, и Шаян наполнился силами. С каждым днём он становился крепче.

Земное тепло и ласковая девушка пробудили в венерианской сущности новые желания. Они любили друг друга, и это вылилось в нечто большее, чем просто забота. Это изменило их физиологию, дало им новые возможности.

Однажды Ману принесла в их треугольный навес, сделанный из сухих веток, яйцо. Она знала, что сама явилась в мир из такой же формы. Шаян ошеломленно смотрел то на яйцо, то на свою супругу. Он понял, что жизнь продолжается и был несказанно рад этому событию.

Из яйца через восемь месяцев появился малыш. Он был бледный и мягкий, в отличие от венерианцев. Малыш был

покрыт темной шапкой волос, с вытянутым черепом, с мелкими частыми зубцами, беззащитный и прекрасный. Счастью Ману не было предела. Они с Шаяном постараются любить его и друг друга вечно. Может, это не последнее яйцо на планете Земля.

* * *

В небесной канцелярии тихо. Два брата стоят за мониторами и наблюдают.

– Я сохранил жизни венерианцам, – констатировал факт Бог.

– Тебе удалось. Bravo! – расплывались в притворной улыбке, воскликнул темный брат.

– Ты обещал не вмешиваться в жизнь моих тварей в этом случае, – продолжил светлый.

– Я не трону выживших. За кого ты меня принимаешь? – ухмылялся Бес.

– Солнце далеко. На этот раз ты не сможешь сжечь планету. Земля ещё развивается, но это лучшее, что могло с ней произойти. Я имею в виду – жизнь.

– Солнце, брат, прекрасно, без него планете не выжить, – продолжал издевки темный.

– Оно прекрасно и безопасно. Расстояние и мощный озоновый слой – я позаботился о безопасности на этот раз и, будь уверен, ты не сможешь ее сжечь, – кивал головой, будто уверял себя и собеседника в несокрушимости идеи.

– Я все же поучаствую в твоём проекте. Половина пред-

приятя моя, – настойчиво и честно заявил старший брат.

– Участвуй, но не губи жизнь, – настаивал и почти молил Бог брата.

Бесу нравился тон собеседника. Он наслаждался своим положением – наводящего страх, опасного и непредсказуемого божества.

Глава 12

Венерианцев Бес, как и обещал, не стал губить. На них он возложил другую, не менее важную миссию, итог которой Бога просто изматает. Губить детей венерианцев – другое дело, не сразу, потешив чувства брата, дав ему полюбить своих чад ещё больше. Он отмерил их жизнь, дал им сто лет. Если для венерианцев вода являлась источником вечной жизни, то для землян вода – медленная смерть. Бес пустил в воды Земли различные микроорганизмы, микроэлементы, губительно влияющие на крупные организмы землян. Водными процессами Бес управлял с помощью естественного спутника Земли – Луны. На Луне он оборудовал устройство, воздействуя на которое мог вызвать шторм, ураган, дождь, град, цунами и тому подобное, что касается водной стихии. Вода отныне служила Бесу. Жизнь на водной планете стала отныне подчиняться болезням и смерти.

Пока Бог занимался обустройством Земли, наведением порядка и красоты, идиллии и продолжения рода, Бес устанавливал свои порядки, перпендикулярные Божьим, перечеркивающие человеческое вечное, счастливое. Бог не знал о хитрой ловушке брата. Перпендикулярные прямые – с тех пор стали пересечением добра и зла в судьбе, определенной Богом для человека. Визуально на мониторе Беса они образовывали крест, а в жизни меняли судьбу человека. До-

рожка направо по небольшому перпендикуляру— это болезни и горе, дорожка налево – скоропостижная смерть. Человек мог повернуть в любое направление, а мог не сворачивать. На мониторе Беса отображались положительные начала на Земле от Бога. Каждая такая прямая была перечеркнута, это означало, что Бес наложил свой отрицательный отпечаток на доброе и праведное. Носящие крест сегодня, должны понимать, что борьба темного и светлого в каждом из нас. Мы не должны поддаваться искушениям, жить, как завещали нам предки, чьи заветы кажутся нам сегодня бредом. Мы должны бороться с желанием свернуть с верного пути, ведь первые наши предположения самые правильные. Двигаться прямо и жить счастливо – вот наше предназначение, пока душа не покинет дарованное тело и не вернется к своему создателю.

Шли столетия, а Бес воплощал свой план. Шаян и Ману выстроили целую цивилизацию. Их песчаный город был необыкновенно красив, а их гробницы в честь умерших напоминали жилища венерианцев на их планете, только они были из камня. Гробниц удостаивались те, кто доживал до ста лет и при жизни многого добивался, был мудр. К этому стремились все. Это почет и достойный исход праведной жизни.

Первые люди создавали семьи, жили в любви и согласии. Долго и терпеливо созерцал идеальный мир Бес. Первые люди занимались огородничеством, строительством. Они были умны и воздвигали храмы в честь светлых сил. Они ставили

опыты, научились исцелять, что не входило в планы темного создателя. Родители научили детей верить во Всевышнего, почитать его и опасаться злого его собрата. Венерианцы позаботились о том, чтобы каждый их ребенок знал правду о возникновении жизни и даже в момент смерти думал о благом, что невероятно выводило Беса из себя. Болезни, которыми ранее награждал темный создатель порой даже маленьких детей, должны были сломить веру праведников и вселить в них сомнение и ненависть, но светлый ум людей перевешивал. Долго дела у землян шли в гору. Прогресс был велик. Они даже пытались долететь до Луны на своих летательных аппаратах, скопированных с венерианского древнего летателя Шаяна. Но Бес не мог этого допустить. Коварный Бес задумал следующую пакость.

Город, переваливший численностью за три тысячи человек, буквально в один миг взорвался восстанием. Приливы, которые начали затапливать жилища некоторых прибрежных жителей, стали непредсказуемы. Из водных глубин на берег начали выбираться ужасные свирепые твари. То были творения Беса, выросшие из микроорганизмов, которые он когда-то поместил в мировой океан. Они выросли в огромных ящероподобных хладнокровных убийц и достигали более пяти метров в длину. Молниеносно они выпрыгивали из воды и бежали, пока не догонят добычу, разоряли дома. Они не щадили ни взрослых, ни детей.

Тогда люди сплотились и пришли к Шаяну и Ману, к их

высокой пирамиде с золотым пиком.

– Почему нас всех съедают эти твари? За что нещадно убивают наших детей? Ответьте, старейшины? – взмолились первые люди.

На эти вопросы не было ответов у родоначальников. Они знали, что есть два голоса, которые противостоят друг другу.

– Дети мои, – сняв маску с лица, тяжело вздохнув, начала Ману, – мы единственные свидетели того, что есть два начала – светлое и темное. Эти два начала соревнуются между собой. Один причиняет зло, другой творит добро. Благодаря добру мы сегодня до сих пор живы и продолжили свой род. Верьте в то, что добро одержит победу. Терпите, дети, все встанет на свои места, – жалобно молила взрослая и мудрая Ману.

– Почему терпеть приходится нам? Умирать тоже нам? – выкрикнула чья-то жена.

– Да, вы не умираете. Вы избранные, а нам советуете терпеть, – возмутился кто-то из толпы.

– Может, это вы распоряжаетесь нашими жизнями? Может, сидя в своих замечательных пирамидах, вы за счёт нас зарабатываете себе вечность? – яро сказала женщина с ребенком на руках.

– Вы можете возмущаться, я вас понимаю, но я не выбирала себе такую жизнь, – оправдывалась Ману и с любовью взглянула на Шаяна в маске для дыхания. – Я до сих пор дышу за двоих и вынуждена заполнять баллоны для супруга,

чтобы он мог жить. Если бы было можно, я бы дышала за всех своих детей, только, чтобы они не умирали.

Она вспомнила то страшное время, когда одного за другим хоронила дочерей и сыновей. Они были старые и немощные, но все же ее дети. Она видела их страх перед исходом, их единственные и последние мучения, переживала их вместе с ними. Потом они с мужем построили небольшие гробницы, как на Венере, с отверстием на пике, чтобы из груди к небу воспарила птица, но такого не произошло на Земле. Может, из-за голубизны неба ее просто невозможно разглядеть? Главное, верить. Венерианцы продолжали.

– Что делать нам? Мы можем не дожить и до завтра, – продолжали обеспокоенные земляне.

– Они виноваты во всем. Что-то не чисто. Обратитесь к Богам, пусть оставят нас в покое! – кричали люди из толпы.

– Они не говорят с нами. Мы просто верим, что Бог спасет нас, как тогда спас, – продолжала говорить за двоих Ману.

– Вы предлагаете сидеть и верить? Вам? Богам? Голосам? Народ, мне тоже порой много кажется, но потом я понимаю, что это только мои мысли, – сказал подросток. – А я не хочу, чтобы меня сожрали, как моего брата.

– Нужно решать! – крикнул мужчина из толпы.

– Может, Боги или эти морские твари ищут наших бессмертных? Может, Боги давно хотят призвать их себе, а они прячутся за нашими спинами, рассказывая байки? – предположил один старик из толпы.

– Да, может, и так! – согласились некоторые. Толпа заголосила. Кто-то считал это предположение бредом, нашлись и сторонники.

– Тихо, – безуспешно пыталась унять вопли разделившейся толпы Ману, одновременно успокаивая взволнованного, кричащего что-то в маске мужа.

Толпа начала штурмовать жилище предков. Можно представить отчаяние Бога и ликование Беса за своими мониторами. Ману и Шаян никак не ожидали такого. Столетия они строили мир без зла, почитающий Бога, даровавшего им жизнь. Поколения гнали от себя сомнения, воспитывали в себе покорность и принимали как есть конец жизни. Сегодня их мир рухнул. Та истина, свидетелями которой являлись венерианцы, растоптана. Грозный голос снова одержал победу.

Остервенев, люди проникли внутрь и, схватив за грудки, потащили Шаяна и Ману к воде. Шаян не сопротивлялся. Для него это было освобождением. Наконец, жизнь в маске за счёт супруги закончится. Он взглядом успокоил свою Ману, дал знак, чтобы она не сопротивлялась, и она перестала. Ни слова больше, пусть будет так. Если люди окажутся правы и убийства прекратятся, то пусть все так и будет. Если же нет, то они раскаются в содеянном, вспомнят истину и перестанут сопротивляться, и Бог обязательно их спасет. Сопротивления порождают экспрессию чувств, отрицательные действия, туманят разум и возникает не решение проблемы, а усугубление. Все катится по наклонной, наращивая все но-

вые и новые проблемы, как снежный ком. Ловушка Беса сработала в один миг.

По веревочному мосту предков их повели по одному. Шаян был первый. Они с провожатым, крепким мужчиной, уже не вытянутой головой, дошли до середины моста и остановились. Сверху открывался красивейший вид на просторы Земли. Под ногами бушевала бурная широкая река. По берегам ее росла удивительнейшая растительность: и разнообразные огромнейшие деревья, и шикарный камыш, и густая сочная зеленая трава. Это их подарок. Этот мир, как же он прекрасен!

Шаян в последний раз посмотрел на Ману, снял с плеч тяжёлый баллон с газом, маску, улыбнулся ей и шагнул в пропасть. Ману от ужаса закрыла глаза и взвизгнула. В глазах палачей же не было ни капли сострадания. Они, будто бы мстили родоначальникам за то, что они бессмертны. Ужасные твари в воде не слышали о бессмертии.

Повели Ману. Река бурлила, будто кипящая и ревела, будто слышала всхлипы Ману.

– Я люблю вас всех, – выдавила из себя Ману и тоже шагнула в пропасть. Водная пасть захлопнулась за ней.

* * *

Бес ликовал. Он словно чувствовал вкус венерианцев во рту и еле сдерживал злорадный смех. Бог не смотрел на него. Он смотрел на монитор стеклянными глазами. Его тело дрожало. Его руки схватились за голову. Он зажмурился. Его

венерианцы погублены. Их погубили собственные потомки. Они предали любовь, память и веру. Как можно любить предателей? Как помогать убийцам? Они уподобились злодею. Они убили все хорошее, разбили мечты, желание творить.

Бог, молча, растворился в этой белой комнате. Его вдру не стало. Впервые божество потеряло себя. Бес был удивлен, когда не увидел брата рядом. Ухмылка улетучилась разом. Он запаниковал, но знал, как действовать в этом случае. Брат рискнет собой, ради спасения своих тварей. Пророчество может сбыться. Но без брата нет смысла играть дальше. Бес нажал красную кнопку и наблюдал, как вода постепенно наполняет сушу. Бес наблюдал, как народ Земли в ужасе пытается спастись от удара стихии. Как тщетны были их попытки. Еще ждал роковую ошибку Бога. Бес одиноко упивался наполняющим его адреналином. Массовая боль и безудержный страх – долгожданное вознаграждение за терпение. Не хватает страдающего братца для полного счастья. Ну, где же он?

Бог был в таком отчаянии, что просто не видел смысла вмешиваться и мешать брату завершить начатое. Он не возненавидел людей, а просто растворился от бессилия. На тот момент он ничего не хотел.

Глава 13

На Земле четыре недели нет суши. Вся планета погрузилась под воду. В живых остались только водные твари. Их было огромное множество разного размера и формы. Они свирепствовали, поедая друг друга. Огромная голубая планета досталась глупым хладнокровным хищникам. Разум был побежден хитростью и злостью. Человечество убито.

Бог ветром пролетел по небесам над сплошной водой. Громом разрывался он и рыдал, вспоминая красоты цивилизации. Как мечтал он населить весь материк разумными и счастливыми людьми. Вновь он проглядел, проиграл брату-извергу.

Внимание Бога привлекла светлая точка на воде. Она стремительно плыла, активно шевеля конечностями. Приглядевшись, Бог засиял словно солнце. Две точки – бессмертные венерианцы Шаян и Ману. Они адаптировались к жизни на воде. Их ноги и руки стали обтекаемы. Их кожа приобрела какой-то налет, то ли соленый, то ли чешуйчатый. Шаян плыл под водой – различался лишь силуэт, а Ману могла выныривать. Они виртуозно уходили от погони. Ещё мгновение, и они скрылись в глубинах океана. Радости Бога не было предела. Брат сдержал слово – не убил венерианцев. Это повод творить дальше. Бог также, молча, вернулся в командный пункт. Бес обрадовался возвращению младшего

брата.

– Жаль, ты пропустил такое зрелище, – начал вместо приветствия Бес.

– Я все видел, – холодно ответил Бог.

– О, ты огорчён? – притворно заметил темный брат.

– Я рад, – безрадостно проговорил светлый, – что ты сдержал свое слово и не погубил моих венерианцев.

– Так и знал, что что-то забыл, – притворялся он дальше.

– Что собираешься делать? – Бог внимательно изучал улымку Беса.

– Ничего, – нагло улыбался Бес.

– Ты добился, чего хотел – уничтожил человечество, победил меня, насладился горечью моего поражения. Что дальше? – повторил Бог.

– Твои венерианцы теперь в моей власти, я не верну их на сушу, – засиял ещё ярче Бес, чувствуя свое превосходство.

Бог опустил взгляд. «Неужели эти создания сожрут мое творение?» – крутилось в его голове.

– Теперь ты понаблюдаешь – Земля моя, – злобно сверкнул глазами темный брат. – Что же ты не протянул руку помощи своим питомцам, раз так их любишь?

– Мы оба знаем, что нельзя вмешиваться.

– Ты о словах наставника? Ты веришь? Брось, что может случиться? Ты же Создатель?

– Что же ты не попробуешь на себе меч судьбы? Ты же мечтаешь сгубить жизнь? Или слова наставника тебя оста-

навливают?

– Я повременю, – хитро отвел взгляд Бес.

Безусловно, пророчества стоило опасаться. «Аквариум для обитателей. Тот, кто коснется грунта, может остаться в нем навсегда». Можно пренебречь этим коротким посланием, но на всякий случай лучше не рисковать прекрасной вечностью в «седьмом измерении».

Бог сам пустил на самотёк ситуацию на планете. Бес взял управление в свои руки. Теперь будет сложно вернуть Землю. Он не упустит своего.

Шло время. Океан не отступал. Бес не отходил от монитора, а Бог наблюдал в свой монитор. К сожалению, пока в воде есть эти свирепые хищники, жизнь на Земле во власти Беса, а это значит, что любые попытки Бога возобновить круговорот жизни будут пресечены. Все же бездействовать не было больше сил.

Бог решил прибавить мощность солнца. Высокая температура активирует ядро Земли, и уровень воды должен упасть. Озоновый слой поможет выдержать давление, а ядро сделает свое дело изнутри. Это пока все, что мог предпринять Бог.

Серая облачность над планетой начала рассеиваться. На смену пришла безмятежная синь и яркое горячее солнце. Оно нещадно палило неделю. Уровень океана начал снижаться. Бес, видя это, нервно косился на брата, который беспрестанно что-то наводил на своем мониторе. Шаян и Ману

Бог окончательно адаптировал к жизни под водой. Он дал им темную незаметную окраску, обтекаемую форму, руки превратил в ласты, а ноги в мощные рыбы хвосты. Их отличала маневренность, умение прятаться и разум. Они общались посредством высокочастотных звуков и напоминали нынешних дельфинов.

Вода с каждым днём убывала. Активная работа солнца и планетного ядра осушили местами землю, что на ней местами даже образовались трещины. Трещины заполнились водой, и под ее натиском и натиском ненависти Беса, впоследствии, произошел раскол материков. Некоторые участки суши, острова затонули.

Шаян и Ману в своем новом облики дали потомство. Их дети походили на современных людей: с круглой головой, руками, ногами, но сросшейся между ними тонкой пленкой. У них была гладкая светлая кожа, покрытая слизью. Перед амфибиями встал выбор: либо осваивать и дальше водные просторы людям-амфибиям, либо возвращаться и покорять земную поверхность, как двуногим разумным землянам. Дельфины, долго не думая, проводили один за другим двадцать своих детей к берегам одного теплого материка. Они легонько выталкивали их из воды и уплывали прочь, зная, что они поступают правильно. Дети Шаяна и Ману, в разное время попавшие на сушу, начали населять разные уголки Земли, развивать язык и культуру. Солнце высушило перепонку между руками и ногами новых людей, и они поползли на чет-

вереньках. Сначала доползли до леса, затем, держась за деревья, встали на ноги. Так началась новая эра жизни на Земле. Много опасностей ждало вторую людскую волну, много всего заново пришлось освоить человеку. Разум помог людям-амфибиям выжить вне воды. Они научились прятаться от хищников, населявших реки и леса, научились, сообщая, жить и охотиться, защищать потомство, рождавшееся уже не из яиц, а вживую, любить, строить новую цивилизацию.

Шаян и Ману больше не подплывали к берегам. Возможно, они до сих пор бороздят просторы мирового океана и радуются жизни, и всякий раз, видя плывущий корабль, они счастливой четой сопровождают свое наследие. Дельфины не раз спасали утопающих и радостно отзывались на прикосновение человеческих рук. Не верится, но именно дельфины, а не обезьяны наши прямые предки. Обезьяны произошли от нас, а не мы от них.

Бог вновь возродил жизнь. Бог вновь вернул бразды правления в свои руки, или Бес дал ему эту возможность. Ибо, не это ли смысл его существования: выжидать и выжигать?

Бесово племя.

Глава 1

Люди научились жить заново, среди лесов, лугов, в пустыне и степи. Люди создали общины – племена. В племени каждый приносил пользу. Женщины готовили еду, шили одежду, смотрели за детьми. Мужчины охотились и занимались огородничеством, собирательством – добывали пропитание. Во главе племени стоял старейшина, на втором месте шаман-знахарь. Их положено было слушать беспрекословно. Они давали разрешение на женитьбу, на охоту. Шаман лечил, молился Богам, выпрашивая дождь или солнце или ответа на какие-либо проблемные вопросы. Его боялись и почитали.

Шамана племени «Плодородный край» звали Карау. Это был мудрый зрелый мужчина, хороший специалист в области растений. Он разбирался в травах и умел готовить лекарства и отвары. К нему часто обращались люди с различными увечьями или с ранами от укусов животных. Он творил чудеса, по словам соплеменников. Карау имел молодую жену и пятерых сыновей. Старшему его сыну было шестнадцать лет, а младшему – шесть.

Карау – мужчина пятидесяти лет, смуглый, крепкий, ко-

ренастый. У него было пугающее выражение лица. Он будто бы все время находился в мысленном диалоге с высшими силами. Племя его побаивалось, так как он, по их мнению, мог проклясть или заколдовать не полюбившегося ему соплеменника.

Однажды ему приснился сон. Во сне Карау наблюдал за девушкой. Она играла с ребенком на цветущей поляне. Она, то кружилась с ним, то валялась на сочной траве. Девушка была ему не знакома, но так затронула его сердце. Во сне он чувствовал, что боится пошевелиться, боится спугнуть видение. Внутри него разливалась нежность, застыл восторг. Он не хотел просыпаться, но утро настало, вместе с ним исчезло видение. С тех пор он стал сам не свой. Будучи человеком суеверным и осторожным, он стал приглядываться к окружающим его людям, предметам, ища любимый образ или смысл сновидения. Он стал раздражителен и циничен, расчётлив и жесток.

Он верил, что это подарок Богов, ждал его отныне, грезил ее образом годами. Перестал жить в своем шатре, общаться с семьёй. Переселился в отдельный навес, где врачевал, а вечерами курил особый табак, отчего мутился рассудок, и незнакомка вновь приходила к нему, как наваждение. Девушка танцевала перед ним, грациозно извиваясь, изводя его желанием. Она шептала ему бессовестные предложения, но всякий раз выskalывала из его рук. Эти его вечера никто не видел, никто, ни в коем случае не заглядывал к нему

в шатер, даже если оттуда доносились странные звуки, тем более в последнее время.

Однажды рано утром Карау отправился в лес за нужным ему и очень редким растением. В поисках растения он забрел очень далеко. Он оказался на территории чужого племени, но это его не пугало. Почему-то он шел дальше, будто замороженный. Под ногами хрустели сухие ветки, разные запахи, растущих вокруг трав и цветов, щекотали ноздри. Но все было не то – ему нужно было особое растение. Вдруг он резко остановился, сосредоточился. Он услышал смех. Женский смех. Карау возобновил ход и, чуть дыша, начал выглядывать из кустов. Перед его взором возникла женская фигура. Она лежала на цветочной поляне и счастливо смеялась. К ней подбежала другая девушка и тоже повалилась рядом со своей подругой. Карау не мог поверить своим глазам – первая девушка – точная копия его грез. Три года он довольствовался лишь расплывчатым ее силуэтом, и вот она лежит перед ним, живая и настоящая. Две фигуры резвились и не видели шпиона. Карау, затаив дыхание, любовался ими, пока они не скрылись из виду. С горевшими глазами Карау побежал в сторону дома. Как ошалелый, он вбежал в шатер и зажал голову руками. В голове уже созрел план. Те, кто видел шамана, бегущим и сжимающим в руке самодельную тряпочную сумку, с растерянным видом, поспешили оповестить об этом охотников племени и вождя.

– Шаман Карау прибежал откуда-то. Пробежал мимо нас.

Глаза его были наполнены горем и ужасом, – протараторил мужчина племени.

– Надо бы все-таки его проведать, – решительно сказал Нукани и вернулся в свой шатер за кинжалом.

Они зашли за ещё тремя охотниками племени и выдвинулись к шатру шамана. На входе переглянулись и один из них выкрикнул.

– Шаман Карау!

Настала тишина, все замерли. Охотники насторожились. Это их рабочее состояние. Через мгновение вышел шаман. Его лицо было спокойно и грозно. Он пристально глядел на пришедших.

– Что надо? – пробасил Карау.

– Мы пришли спросить, все ли хорошо у тебя, шаман, – начал вождь.

– Лучше, чем у многих из вас, – ответил шаман.

– Ты бежал от кого-то, – продолжал охотник.

– Я тренировался быстро бегать, – изобразил что-то наподобие улыбки шаман.

Охотники переглянулись вновь и, улыбнувшись в ответ, удалились.

Карау, во что бы то ни стало, решил выкрасть девушку мечты, тем более, когда узнал, где она. Теперь точно, это был лишь вопрос времени. У него была жена и дети, а это важное обстоятельство. Затрудняющее обстоятельство.

Глава 2

Однажды шаман объявил, что намерен взять ещё одну жену. Благо, законы и статус позволяли это сделать. С семьей он не удосужился обсудить свое решение, они узнали об этом, находясь в толпе.

Карау был настолько увлечен предвкушением скорого исполнения желания, что не видел ничего важнее. Жена начала было предъявлять ему этот промах, но нарвалась на смачную пощечину. Женщина сорока лет, мать его пятерых сыновей стала не нужна ему теперь. Он чудовищно ненавидел ее, о чем и сказал при ударе.

Через три дня, поздно вечером, Карау, накурившись дурман-травы, отправился вновь ведомый силуэтом в дебри леса. Добравшись до границы, он подкараулил свою прекрасную незнакомку. Прекрасная дева почему-то вошла в шатер с молодым мужчиной. Кто это? Ее брат? Наверное, это ее брат, – думал Карау. А внутри кипела злоба: А вдруг нет? Это может быть ее муж. Она может быть занята.

Но не было мыслей повернуть назад. Он задумал выкрасть красавицу, долго ждал, часа четыре. Пока ждал, представлял себе, что же могло происходить у них в шатре наедине. Замерз, негодовал от злости, но ждал. Наконец, решился, пошел. Шаггал медленно мимо шатров, добрался до заветного и нырнул в него. На столбике горел тусклый факел – масле-

ной. При таком свете были видны две фигуры на постели, покрытые густой медвежьей шерстью, служившей одеялом. Карау подкрался к мужчине, достал из кармана пузырек и какой-то лоскуток, намазал губы и нос соперника ядовитым снадобьем. Муж умер почти мгновенно. Только лишь облизнул губы, резко открыл глаза, попытался встать, но не смог. Он сделал глубокий вдох, но выдохнуть ему удалось только спустя минуту. Красавица жена была усыплена и даже не заметила, как бесчеловечно поступил ее угонщик.

Утром пленница очнулась в шатре Карау. Она была рас-теряна и потрясена изменениями. Она плакала пять дней, но постепенно Карау обезоружил ее своей добротой и любовью. Она, конечно, насильно была отдана замуж за сына вождя, исполнила волю отца, заботившегося о благополучии дочери, но оказавшись в плену у Карау, она почувствовала на себе силу настоящей любви мужчины. Он поначалу прятал ее, чтобы ни соплеменники, ни чужие не знали о его трофее. Прошло два месяца, прежде чем он вывел из шатра свою суженую и объявил о крупных переменах в жизни племени благодаря его счастливой спутнице. Он обещал хороший урожай, удачные походы охотников племени, здоровых детей, сытые семьи – беззаботное счастливое будущее. Говоря последнее, он не сводил глаз с Ларры и с ее живота. Ее живот был округлен. Недель шестнадцать, не меньше. В чреве был наследник чужого племени, но обсуждать это никто не осмелился. Шаману верили и надеялись на его здравый

смысл. Племя внимательно молчало. Кто осмелился бы высказать свое мнение? Они слышали о неожиданной смерти сына вождя соседнего племени. Они слышали о загадочном исчезновении его беременной жены. Люди из племени «Добрая охота» приезжали на лошадях, расспрашивали, рассказывали о беспрецедентном случае, но Карау только слушал и сочувствовал вместе со всеми.

Ларра не была худой, она местами даже была пышной: грудь ее была пышна, бедра тоже были выдающиеся. Лицо ее было милое, глаза светлые, большие, небольшой аккуратный нос, длинные вьющиеся темные волосы доходили до пояса.

Старейшина племени «Плодородный край» после счастливого выступления разговаривал с Карау. Шаман убедительно сказал, что Ларра послана ему Богами, что оказалась в его шатре сама, что она не имеет отношения к соседнему племени, и вождю пришлось это принять.

Глава 3

Карау начал бояться, что его предадут, что обо всем узнают в племени «Добрая охота» и начнется разбирательство. Его начали посещать галлюцинации. Ему мерещились враги, заговорщики. Он спал с ножом. В голове крутилось: «Чужой вождь захочет вернуть внука и невестку, сразу как узнает. А без ребенка она будет ему не нужна. Меня могут убить».

Карау, во что бы то ни стало, нужно было обезопаситься. Он собирал охотников своего племени, говорил им о своих видениях, конечно, о выгодных ему и собирал единомышленников.

– Мои братья... – сквозь пелену дыма обратился к народу шаман закрытыми глазами, – грядут перемены.

Он медленно открыл глаза. Его взгляд устремился сквозь дым в никуда. Он сидел выше шести охотников, замыкая круг.

– Я сегодня видел непонятные и неприятные видения. Я видел огромного волка. Он напал на шатер вождя. Он растерзал все его семейство, а мы, как бы ни целились в него, не могли убить. Ни стрелами, ни копьями, ни дубинами, ничем.

Охотники сосредоточенно слушали шамана, в их глазах был страх. Они верили Карау и боялись что-то уточнить. Каждый задумался или ждал дальнейшего повествования шамана.

– Я раньше не видел такого. Видение меня испугало. Это недобрый знак. С чем связан, не знаю, но чувствую скорую разгадку, – продолжал монотонно Карау, то открывая глаза широко, то прикрывая их.

– Откуда пришел этот зверь? – осмелился спросить самый молодой охотник Вагоо.

– Он всегда появляется с северной стороны. Я думаю, беда придет оттуда, – ответил Карау пристально глядя на молодого Вагоо.

Карау закурил своеобразный табак и предложил затянуться и своим соплеменникам.

– Затягивая дым, вы сможете увидеть то же, что и я. Возможно вместе, мы сможем разгадать этот тревожный вестник.

И трубка пошла по кругу. Охотники кашляли и затягивались. Скоро в дыму затонули все семь членов собрания, и каждому виделось что-то подобное из рассказа шамана. Охотники прониклись страхом, они ощутили этот кошмар, который внушил им их шаман. Шестеро смелых охотников, прошедшие тщательную подготовку, еле усидели на своих местах. Карау контролировал их поведение, корректировал их движения, подавая команды голосом. Через двадцать минут видения улетучились, и охотники разбрелись по домам, пытались переварить испытанные впечатления и ещё больше боялись шамана.

Карау боялся, что волк из видения – это вождь другого

племени, что он придет мстить за своих детей. Сидящая в нем вина, превратилась в навязчивую идею. Он опасался расплаты и выдумывал различные опрометчивые ходы. Один из них – это избавление от ребенка внутри Ларры. Он должен умереть.

Чтобы малыш не родился, Карау поил свою возлюбленную отваром из листьев ползучего дерева из глубины леса. Его листья вызывают сокращение матки. Карау надеялся, что это приведет к преждевременным родам, что ребенок умрет, и ничего не будет связывать ее с племенем «Добрая охота». Он надеялся обрести спокойствие и вожаденное счастье. Его план не сработал.

Глава 4

Ночью Ларра почувствовала себя плохо. На протяжении четырех месяцев она пила злополучный отвар. Карау заботливо варил для нее его и приносил прямо в постель. Она была околдована его вниманием и нежностью, она покорно поддавалась его заботе, она верила ему. Все эти месяцы она пребывала в раю: рядом любимый мужчина, заботливый отец ее будущего ребенка, она не хотела другой жизни. Как она ошибалась.

Ровно в двенадцать часов ночи Ларра почувствовала резкую боль в животе. Она вскочила и вскрикнула от боли. Карау спал рядом, и тоже почувствовал что-то наподобие боли в животе. Он сильно испугался. Началось.

– Что? Что такое? – выпалил растерянно шаман.

– Карау... Карау...

Ларра корчилась от боли и повторяла лишь имя своего губителя.

– Где болит?

Испуганно осматривал ее глазами Карау. Он предполагал, что это начнется позже, не сегодня. Ларра то извивалось, то прижимала ноги к животу и ныла.

– Карау, мне больно... Карау, помоги мне... – молила она, веря ему как никогда.

– Я сейчас, – растерянно проговорил он и выбежал из шат-

ра.

Карау побежал за приготовленными заранее инструментами и обезболивающим. Его руки тряслись, он запаниковал. В дупле дерева он нашел заначку и, с трудом собрав, побежал обратно. В шатре кричала от боли его любимая. Она уже истекала кровью. Через мгновение около шатра появился обеспокоенный народ. Карау криком отогнал подальше зевак, подтвердив догадки обеспокоенных. Через мгновение шаман уже поил свою женщину успокоительным. Она должна была оставаться в сознании, но почему-то отключилась. Она должна была слушать шамана и выполнять его наставления, но она потеряла сознание. Карау растерялся. Возможно, доза успокоительного слишком велика. Возможно, это реакция ее организма на успокоительное. Может, из-за того, что она потеряла много крови. Она была без сознания и не могла тужиться. Все попытки привести ее в чувства были безуспешны. Она медленно уходила из жизни.

В шатер вошла жена Карау Сур. Она увидела растерянное лицо мужа и приняла решение сама. Нужно спасти хотя бы кого-то из двоих. Духи и шаман теряли драгоценное время.

– Карау, нужно вынуть из нее дитя, иначе они оба умрут, – настойчиво проговорила женщина.

– Нет! – крикнул нервно шаман.

– У нас нет выбора. Она не родит сама. Ребенок задохнётся в ней. Они оба умрут .

– Нет, – как в бреду, повторил он, но уже отвернувшись.

Это звучало как отчаянное согласие.

Сур взяла в руки нож и сделала надрез от пупка и ниже. Нож уже был накален и обеззаражен. Эта женщина не раз принимала участие в родах, сама шесть раз мать, поэтому это решение было принято ею без сомнения. Карау вышел из шатра, уставившийся на свои кровавые руки. Он не видел никого, только крупный план кровавых рук. Толпа расступилась, Карау побрел в сторону леса.

Шаман побежал. Ему хотелось кричать, что есть мочи, но он лишь вылил слезы. Он бежал от реальности, от своего горя, от своей вины. Он убежал, потому что не хотел слышать, что его Ларры больше нет. Он потерял смысл жизни, лишился света. Он собственноручно разрушил свою жизнь.

Глава 5

Карау провел в лесу две ночи, почти сошел с ума от досады и горя. Его посещали безумные мысли. Он гнал от себя чувство вины и, в конце концов, оправдал себя. Образы в голове шамана убедили его, что виновата его старая жена. Если бы не она, он бы спас возлюбленную. Она стала для него объектом мести. Он, во что бы то ни стало, решил убить ее.

Он подкрался ночью в свой шатер, оглядел обстановку. В углу стояла плетеная корзинка. В ней спал младенец. Карау с минуту наблюдал за ним. Он почему-то ненавидел это крошечное создание. Оно живо, его мать – нет. Эта несправедливость съедала его изнутри. На постели кто-то зашевелился. По всей видимости, это была его жена. Она, наверняка, пришла нянчить новорожденного. Ее он возненавидел сильнее. Не сомневаясь, он схватил кинжал, замахнулся что есть силы и ударил, не думая о последствиях. Послышалось мычание из-под шкуры. Карау отдернул покрывало, под которым умирал его четырнадцатилетний сын – Сарын. Паника охватила Карау, он вновь побежал в сторону леса. Перед глазами стояло искривленное агонией лицо сына. Карау бежал без оглядки, пока не упал без сил далеко в глубине леса. Он хотел, чтобы его разодрали звери, но ни один зверь не хотел пачкаться об него. К утру он вернулся в деревню и заявил, что видел, удаляющихся в северную сторону леса,

людей. В деревне был траур. Сарын умер бесшумно. Его обнаружила уже мертвого, пришедшая проверить детей, Сур – несчастная мать, жена шамана. Уже на ее крик сбежался народ. Беда не приходит одна. Смерти зачастили в их жилище. Народ скорбел, Сур была безутешна. Карау сделал вид, что переживает, а сам призывал народ к наступлению и мести. Вождь сопротивлялся. Он никогда не воевал. Он искусный охотник, не воин. Шаман возненавидел вождя, но придумал метод воздействия.

Две недели видения не давали покоя шаману. Они нагнетали его и без того гниющую душу. Один за другим, как по злему року, умирают еще два сына Карау – двенадцатилетний Дарми и одиннадцатилетний Радуш. Они тонут в реке.

С этих пор Карау окончательно мрачнеет. В лесу он находит яркие цветы. Он никогда не видел раньше таких. Они приятно пахли, и Карау не мог надышаться ими. Он собрал с собой охапку этих цветов, засушил. Запах стал ещё притягательнее. Голова стала яснее, тяжесть в сердце улетучилась. Осталось одно непреодолимое желание – убивать. Ему нужны были единомышленники. Он увязался на охоту с шестью мужчинами из племени, с охотниками. Настреляв дичи, они уселись отдохнуть, перекусить. Карау воспользовался ситуацией и предложил дурманящий цветок. Шаман завернул его в широкий сухой лист и поджег. Пошел изумительный запах. С тех пор охотники делали все, что говорил им шаман.

Единомышленников стало больше шести. Дурманящий

цветок оценили и другие крепкие ребята племени и даже два старших сына Карау. Вождь все сопротивлялся, не ходил никуда с шаманом, опасался его и не зря. Но скоро вождь остался в меньшинстве. Большинство из племени слушали шамана, были одурманены. Вождь был схвачен и помещен в глубокую яму. Кто сопротивлялся, был также заключён в организованную недавно тюрьму. Женщины и дети отныне стали содержаться в плетеном высоком загоне и охраняться.

Наконец, можно было напасть на соседние племена. Целью было убивать, порабощать, наслаждаться господством. Карау добился желаемого. Мужчины изготовили острые изогнутые тесаки, что-то наподобие защиты из фантастических видений Карау и выдвинулись с боевым кличем в сторону севера.

Глава 6

Первый набег совершили на племя «Добрая охота». Это был официальный визит Карау. Он жаждал крови каждого мужчины племени в память о Ларре. Он убивал их с наслаждением. В женщинах племени он искал свою Ларру. Насиловал со своими воинами женщин и молодых девушек, пока энтузиазм не угас. Далее Карау начал наводить свой порядок в чужом племени. Женщин и детей также закрыли в загонах и поставили караульных охранять. Все дела были сделаны. Победа одержана. Назад домой. На оккупированной территории оставили пятерых воинов. Не обошлось без сокрушительной потери. Когда воины Карау почти покинули захваченную территорию, кто-то выстрелил из лука. Выстрел пришелся на старшего сына Карау, прямо в горло. Батр схватился за стрелу в горле, захрипел, упал на колени, затем на землю, вниз лицом. Охотники отреагировали молниеносно. Четверо выстрелили в ответ – противник убит. Также убит и сын шамана. Карау подбежал к телу убийцы сына и пинал ногами, пока его не оттащили. Тело сына погрузили на самодельные носилки и понесли домой. Дорога назад была тяжелой. Может, это была плата за первую войну, но домой племя «Плодородный край» принесло два мертвых тела. Два сына Карау не выдержали испытания, полегли. В лесу был ужален змеей шестнадцатилетний предпоследний сын шамана. Он

умирал в течение десяти минут. Карау смотрел на мучения сына и ничего не мог сделать, лишь сильно сжимал свою голову, чтобы не слышать голоса, которые кричали ему «убей».

Карау возвращался с победой, только какой ценой ему далась эта победа. Он мог лишить жизни всех, но вернуть жизнь своим сыновьям не мог. В его сердце образовалась дыра. Оно ныло, и хотелось мстить всем подряд, чтобы голоса внутри стихли.

У Карау остался последний сын, девятилетний Адлар, которого он страшно боялся потерять. На него обрушился весь мир. Потери, одна за другой покосили всю его жизнь. Может, конечно, это расплата за давнее нападение на соседнее племя, за кражу чужой жены и за ее гибель. Может, это за помутнение рассудка, за жажду человеческой крови. Как говорится: «Кровь за кровь».

За Адлара Карау боялся сильно. В свете последних событий, он опасался всего: последнего сына мог унести даже несчастный случай. Смерть ходила рядом. Карау не доверял мальчика никому, глаз не сводил с ребенка, возил с собой в походы, обучал, не боялся крови, властвовать и сеять вокруг хаос.

Мальчик был впечатлительным ребенком, рос сначала в страхе, перестал говорить, вздрагивал при громких звуках. Через три года он привык и даже начал перенимать привычки и повадки отца и его людей. Постепенно Адлар тоже прирастал к дурману и бесповоротно превратился в варва-

ра. Карау всюду брал с собой сына, влиял на него, манипулировал и, в итоге, слепил достойного приемника. В свои восемнадцать Адлар был крепким коренастым парнем, с высокомерным взглядом, с невозмутимой самооценкой. Он на три сантиметра был ниже отца, но во всем ему подражал. Волосы фиксировал вверх, как отец, носил венчики на бicepsах, на скулах сделал татуировки, в виде загадочных геометрических фигур, как отец.

Племя варваров не останавливалось на достигнутом. Они поработали мирные племена, захватывали и хозяйничали в чужих домах. Мирные жители были обречены на смерть – мгновенную или медленную. Мужчины, старики таскали камни и строили сооружения. Женщины оковывались в подобие кандалов: веревки вперемешку с кусками дерева на ногах и руках. Они готовили еду хозяевам днем и смиренно принимали дикарство воинов ночью, как только варварам не вздумается. Руки же насильников давно уже обрели сиене-черный цвет. Вены на руках очень выделялись, будто черные реки. Эти люди были страшные, грубые, грязные.

В родном их племени, в загоне женщин уже девять лет росла маленькая девочка, дочь Ларры. Ее растила Сур целых семь лет. Однажды Сур попала на глаза Карау и пробудила в нем старое чувство. Чувство ненависти. Карау убил ее в то же мгновение. Просто открыл загон, подошёл вплотную и, не мешкая, воткнул нож в живот. Он отомстил ей за смерть одного из сыновей, которого сам же убил по ошибке. Он не чув-

ствовал ни сожаления, ни удовлетворения, это обычное дело. Начался плач. Плакала маленькая девочка. Толпа женщин сомкнулась вокруг умирающей, загородила собой плачущего ребенка. Приемная дочка Сур легла на ее еще живое тело и сильно обняла. Женщины пытались оторвать ее, но тщетно. Семилетняя девочка откуда-то взяла невероятные силы, прижалась, будто хотела забрать ее боль, предотвратить смерть. Но она не обладала такой способностью. Мама-Сур умерла.

С тех пор эта девочка всегда так реагировала на приближение смерти. Она чувствовала чужую боль, страдала вместе с умирающими. Обнимая умирающего, она впитывала его боль, делила с ним горькую участь. Маленькая девочка с голубыми, как небо, глазами, только полными слез. Ее волосы были спутаны, одежда разорвана, в пыли. Худощавый ребенок с глубоким взрослым взглядом, запуганный, ничей. Она часто вглядывалась в лица, как будто искала кого-то.

Очередное возвращение воинов в родную деревню привлекло всеобщее внимание. Брутальные мужчины колонной проходили в двух метрах от загона. Женщины застыли на местах и опустили глаза. Лучше не смотреть – кто знает, что взбрédёт в голову этим головорезам. Девочка украдкой взглянула на них, и ее взгляд застыл на одном воине, на сыне шамана. Этот взгляд поймал и Адлар. Установился зрительный контакт. Станные чувства овладели Адларом. Он ехал верхом на коне и не мог оторвать глаз от девочки. Внутри

волнами струилось тепло. Он ощущал его пульсацию животом и спиной. Ребенок протянул руку. Адлару тоже захотелось протянуть, но женщины заметили поведение девочки и загородили собой. Контакт прервался. Адлар перевел взгляд вперёд, но недоумевал. Что это было?

Глава 7

Местные герои жили в деревне два дня. Карау проводил сомнительные ритуалы, намешивал какие-то травяные смеси, выступал перед воинами. Этой ночью Адлар должен был выбрать себе жену, передать свое семя. С самого утра Адлара мучила главная боль. Заговоры и благовоения отца ещё больше его раздражали. В итоге, Адлар прогнал девушку, выбранную отцом, и лег спать.

Его разбудила жуткая боль в плече. Перед ним стояла та девятилетняя девочка с его же кровавым кинжалом в руках. Он не сразу понял, что у него больше нет правой руки, а из плеча струится почти черная кровь. Увидев справа весь этот ужас, Адлар почувствовал адскую боль. Какая дерзость! Адлар закричал. Девочка бросила кинжал и шмыгнула в другой проход – под навес.

На крик Адлара сбежались воины. Они оперативно схватили раненного и потащили в шатер Карау. Шаман распорядился, чтобы прочесали округу. Кто же мог напасть на его сына?

Поиски не дали результата. Девочка родилась в загоне. Она давно уже присмотрела место, где спокойно могла пролезть и незаметно нырнула на место. Женщины, а тем более дети были вне подозрения, отвечать пришлось караульным. Трое караульных этой ночью ответили за чужое преступле-

ние – их убили. У Адлара не было руки – с этим Карау ничего не мог поделаться, мог лишь обезболить, обработать, перевязать. В следующие дни Карау выпытывал у сына подробности той злополучной ночи, но Адлар ничего не помнил, кроме головной боли. Карау был в бешенстве – единственный сын не может больше держать оружие. Безрукий сын – не воин, получеловек.

Карау нужно было уходить. Из одной его колонии пришёл дозорный. Возникла проблема, нужно было идти. Воины собрались быстро. Колонна двинулась из деревни во главе с Карау. Обещали вернуться к большой луне. Адлар остался, охраняемый десятью воинами.

Через день Адлар встал на ноги. Голова была ясна, как никогда. Не было прищуря, как раньше. Зрение стало идеальным. Казалось, он видит шире и дышит свободнее. Неспособность держать оружие сделало его другим человеком. Проходя мимо загона, он вновь нашёл глазами девочку. Она смотрела на него, подошла вплотную к загону, схватилась за прутья. Адлар вспомнил ту ночь. Вспомнил силуэт девочки с кровавым кинжалом в руках. Он застыл в растерянных чувствах. Проходящий мимо загона воин с силой ударил палкой по прутьям и по пальцам малой. Она вскрикнула и загнулась рядом с плетенью. Адлар почувствовал жалость и злость одновременно. Ему захотелось так же ударить обидчика девочки, но он сдержался. Слезы на щеках малой впечатлили сына шамана. Он понаблюдал несколько секунд, потряс головой,

потом ушёл.

Ночью Адлар проснулся от прикосновений. Он открыл глаза и дернулся от неожиданности. Рядом с ним стояла та девочка. Она разматывала повязку на его ране. Он сначала попытался её оттолкнуть, испугался, но она улыбнулась ему и протянула ручонку к его плечу. В её глазах он прочитал уверенность.

– Помогу, – проговорила она. – Я хочу помочь.

Она размотала повязку и добралась до раны. Адлар замер и доверился. Она гипнотически на него действовала. Она смотрела то на него, то на рану. Рывок. В рану она возила какой-то острый предмет или осколок. По телу опять пробежала жуткая боль, подобная ещё одному удару кинжалом. Он взвыл и упал без сознания на свою постель. Караульный заглянул в шатер – Адлар спал – значит, все в порядке. В следующее мгновение девочка вышла и ретировалась к себе в загон.

Утро. Прошла ещё одна странная ночь. Вскочив с рассветом, Адлар не сразу понял, что у него опять две руки. Он чесал лоб правой рукой, которой вчера не было. "Что за..." – поразился Адлар. Он вспомнил девочку, жгучую боль. "Это она. Она вернула руку. Сначала лишила, потом вернула. Что за мистика?" – размышлял Адлар. Рука была, как не его. Новая, светлая кожа, совсем не видно вен. Это какая-то магия. А смысл?

Адлар вышел из шатра. Караульный не спал.

– Мне нужна одна девочка, – обратился сонно Адлар.

– Ваша рука, – заметил растерянно караульный. – У вас рука...

– Да, странно, отросла. Пойдём за девочкой.

Они пошли к загону. Два воина зашли внутрь, уверенно пошагали к удивлённым женщинам. Адлар указал на девочку. Её схватили под руки и повели. Она не сопротивлялась. Адлар вёл к своему шатру.

Девочку завели, бросили в угол и вышли. Возле неё сел Адлар, внимательно изучал её, а она его.

– Кто ты? – начал сын шамана.

– Я, Марала, дочь Ларры, – простодушно ответила девочка. – Я жива, благодаря твоей матери. Она растила меня, пока её не убил твой отец.

Адлар опустил взгляд. Он пытался вспомнить свою мать. Долгие годы он и не думал о ней, забыл о её существовании. Всё-таки он её вспомнил: её мягкие руки, доброе лицо, ласковый голос. Он вспомнил, что когда-то любил её, жалел, когда от неё отвернулся отец, когда она хоронила своих сыновей. Адлар прослезился. Девочка обняла его.

– Ей уже хорошо. Я облегчила её боль.

– Где я был эти годы? Какая-то темнота, вакуум. Сквозь толщу тумана, помню только приказы отца как единственный возможный вариант. Я жаждал крови, –отчаянно констатировал Адлар.

– Я рада, что твои глаза открылись.

– Это ты... Ты раскрыла мне их. Как?

– Это судьба. Мы исполним великую миссию, волю высших сил. Люди сбились с пути. Твой отец повёл всех не туда.

– Мой отец... Да, он научил народ убивать, ненавидеть. Я убью его.

– Нет, ты не сможешь. У него воины. Ты не сможешь всех убить. Не нужно этого делать.

– Тогда что делать?

– Всею виной дурманящая трава. При ее ежедневном использовании, при вдыхании цветков дурмана, возникают галлюцинации. Ими управляет шаман, трактует их в своих интересах и интересах тёмных сил. А шаманом управляет зло.

– Не понимаю.

– В нашем мире почти не осталось светлого и доброго. Бес расставил ловушки для людей. Как бы ни старался наш создатель на небесах, его тёмный брат все рушит. Все, что сеет твой отец, это с подачи Беса. Я впитала в себя много боли. На днях поняла, что с ней делать. Я могу преобразовать тёмный сгусток боли в положительную энергию. Мы с тобой – шанс человечества на возвращение к истинному пути. Счастливую долгую жизнь. Помнишь, раньше было так.

– Не помню. Но хочу этого. Как?

– Руки. Все сосредоточие злости в руках воинов. Пока по чёрным венам течёт дурман, невозможно их одолеть.

– Нужно отрубить им руки.

– По плечи. Исчезнет источник снабжения тела и разума тёмными токсинами. Организм очиститься, мозг начнёт работать правильно.

– А ты сможешь восстановить им руки?

– Да, руки им ещё понадобятся. Мы объясним им их миссию. Постараемся действовать осторожно. По ночам. Не спеша.

– Дождёмся ночи.

– Этими тремя можно заняться сейчас, – указала на караульных Марала.

– Я готов, – взбодрился Адлар и совершил три оборота кистью с кинжалом по часовой стрелке.

В деревне оставались лишь караульные. Четверо патрулировали территорию, а трое повели рабов на земляные работы. Рабы растили овощи для деревни и для воинов.

В считанные минуты Адлар собрал караульных в своём шатре и лишил рук. Не ожидавшие нападения, они даже не успели схватиться за оружие. Марала сработала оперативно: колола острым тонким металлическим прутом себе пальцы и следом колола им же кровавые обрубки воинов. Невероятно, как в течение пяти-шести минут клетки потерянных конечностей снова восстановились. Новые руки прекратили боль и дали шанс начать новую жизнь. Шокированные и обновлённые воины прониклись новой мыслью. Они приняли её всем сердцем и готовы были умереть за неё.

Глава 8

Вечером вернулись воины, сопровождавшие рабов. Ничего не подозревающие, они также были лишены рук и обрели их заново.

Ещё через несколько часов, ближе к полуночи, вернулись четверо дозорных, чтобы смениться. Они тоже не избежали своей участи – оборотились.

Новый день встретили воины света. Одиннадцать единомышленников, которым было суждено изменить мир, ясно видящие положение вещей, принявшие миссию, возложенную на них. Адлар объяснил воинам план их осторожных действий. Все понимали риск и важность этой последней войны.

Карау должен был вернуться через два дня. Его армия насчитывала чуть больше полутора ста воинов, сопровождавших его. Остальные оставались на оккупированных территориях.

Полная луна. Войско с шумом ворвалось в деревню. Десять светлых воинов были рассредоточены по территории. Адлар спрятал руку, накинул на себя одеяние. Карау предстал перед сыном тёмной громоздкой фигурой. Лицо отца было худощавое, в тёмных разводах, глаза глубоко посаженные, чёрные. Тонкая линия губ была почти белой, с синевой. На руках отца не было светлого места, как будто на них

сплошь были чёрные отметины. Это следы смертей, причинённых им в процессе жизни. Тысяча тысяч смертей и боли.

Карау вошел в шатер сына. Адлар поприветствовал отца, опустив голову перед ним.

– Отец, – кратко поздоровался сын.

– Рад видеть тебя живым. Я волновался за тебя.

– Я почти здоров.

Карау помолчал с минуту, глядя в глаза сыну, будто читая в них мысли.

– Мне нужно уединиться, – сказал Карау и вышел прочь. Он направился в свои покои, которые находились в пяти метрах от жилища сына.

По поводу здоровья он говорить не хотел. Он знал, что Адлар здоров уже никогда не будет. Карау исчез за соломенной дверью. Адлар следом ушёл в лес. Одиннадцать воинов были наготове, ждали приказа. Каждый взял на себя по одному воину Карау: кто-то в дозоре, кто-то на поле, кто-то в лесу. В условленном месте в чаще леса ждала их вооружённая иглой Марала. За одну ночь в рядах светлых стало двадцать два воина.

Карау у себя медитировал. Его посетило видение. Впервые за последние пять лет Карау увидел дух Ларры. Она была великолепна. Она смеялась, играя на лугу с ребёнком. Светило солнце. Было тепло. Карау наблюдал за деревом, тоже улыбался. Ребёнок-девочка заметила его и пошла в его направлении. Ларра звала её, но она не реагировала. Подой-

дя вплотную, девочка всадила нож прямо ему в живот, потом ещё раз и ещё, и еще. Ларра только с жалостью наблюдала. Карау без слов свалился, будто ждал этого всю жизнь. Он чувствовал облегчение. Ненависть, кипевшая в нем, гасилась болью. Он, наконец, ощутил спокойствие, не желал сопротивляться. Появился Адлар. Он взял их за руки и повёл за собой. Карау мычал им вслед что-то невнятное, но они не слышали его.

Собственный крик привёл Карау в чувства. Он не спал, это было видение, странное, но очень правдоподобное. В шатер вошёл сын.

– Ты в порядке? – обеспокоенно просил Адлар, забежав.

– Видение... Меня посетила Ларра.

– Кто это?

– У неё есть дочь. Найди её. Она в деревне.

Карау настроился уничтожить ребёнка Ларры. Он испытывал страх перед ней и необъяснимую ненависть. Огонь разгорелся внутри него и погасить его могла только кровь маленькой девочки. Бес внутри Карау узнал о ней.

– Не сейчас, отец.

Отец стоял спиной к сыну. Для Адлара это был подходящий момент. Отец задумался. Он доверял. Адлар замахнулся, но не учёл, что сзади него горел факел. Тень на стене предала его. Отец увернулся от удара кинжала. В момент он дотянуться до своего оружия и принял бой. Карау закипел злостью. Он бил кинжалом с такой силой, что Адлар еле вы-

держивал удар. Ни капли жалости, ни капли здравого смысла, только ярость. Адлар отражал удары и пытался вразумить отца, но выбился из сил и остался без оружия.

– Ненавижу, – процедил отец сквозь зубы.

Карау, нагнувшись над беззащитным сыном, сделал замах, чтобы все закончить. Он даже не слышал призывы сына объясниться. Последнее, что должен был увидеть Адлар – это кипящие злостью глаза, искривившийся в предвкушении крови рот, но вместо этого рука с кинжалом упала чуть левее его головы, а в лицо брызнула чёрная кровь. Марала подошла вовремя. Она знала свое дело – отрубила правую руку деспоту. Адлар, в момент вскочил и отрубил вторую руку отца по самое плечо. Карау заревел, как медведь, и безрукий провалился на пол. Марала ударила его рукоятью по голове, чтобы тот не привлекал лишнего внимания. Адлар поспешил к выходу. На входе уже стоял подозрительный караульный.

Всё хорошо, отец медитирует.

Марала провела лечебные процедуры. Карау долго приходил в себя, не говорил. Слушал, смотрел вдаль и ничего не говорил. Разговоры о Бесе, Боге были для него тяжелы. Понятие того, что он был воплощением зла и погубил всех своих родных и близких, стало рвать его изнутри. Ему было стыдно смотреть на сына, на Маралу, на весь мир. Назад нельзя было ничего вернуть. Жажда убийства в нем ещё была. Он хотел убить себя. Марала обняла его, приняв на себя часть его боли. Несмотря ни на что она понимала, кто на са-

мом деле виноват.

Настал новый день. Карау почти не спал. Из ярого воина он превратился в немощного старика. Тем не менее, он должен был помочь сыну и дочке Ларры. На пустыре он построил своих воинов в одну шеренгу, с вытянутыми по бокам руками. Сзади построил шеренгу светлоруких воинов. Прозвучала команда, и светлорукие разом отрубили тёмные конечности своих собратьев. Затем Марала, как положено, вернула им конечности, а Адлар массово их реабилитировал, рассказав новые правила их новой жизни.

Пленные мужчины и женщины с детьми были освобождены, загоны уничтожены. Были построены соломенные шатры и навесы для людей. Освобождённые долго не могли привыкнуть к своему новому положению: женщины боялись поднимать головы, дети часто плакали. Воины повесили на крючки свое оружие, защиту. Им захотелось быть любимыми, нужными. Это программа человечества – любить, создавать семьи, растить себе подобных – то есть быть счастливыми, окружая себя добром и заботой. Бес нашёл способ проникнуть в сердца людей, сделать убийства, ненависть, дурман кумирами, спутниками мирных земледельцев. Но Бог не оставляет людей без шансов. Карау начал управляться Бесом, но родился, вопреки всему, ребенок – девочка-ангелок, шанс человечества на выживание. Бдительность Беса нужно было усыпить, поэтому не сразу, но замысел Бога воплотился. Надолго ли?

* * *

Бес заметил, что кольца на пальце Бога нет.

– Не боишься творческого кризиса, брат?

– Нет.

– Может, стоит надеть кольцо? Где оно?

– В хорошем месте, брат. Немного жмет.

Бес ухмылялся, подозревая неладное. Осторожность – его конек. А кольцо уже было на Земле, в сущности, которой предстояло расти, крепнуть и готовиться к решающей битве. Не скоро. Нужно вымотать братца.

– Это всего лишь маленькая победка, – продолжал улыбаться Бес.

– Я буду побеждать в образе каждого из моих питомцев, – заявил умиротворенно Бог.

– Я буду расстраивать тебя своими победами.

– Что ж, раз мы не можем по-другому... А жаль. Мы потратим на это вечность.

– Это суть вечности, – рассмеялся Бес. – Борьба тёмного и светлого в каждом. Каждый день. Земля давно уже принадлежит не тебе.

– Всё же, я буду бороться за неё.

Бес только злобно сверкнул глазами и повернулся к своему монитору. Красный монитор мерцал. Кинжала на поясе Беса не было. Кинжал же давно был подобран маленькой девочкой. Необычной девочкой. Благодаря ошибке Беса, который, вмешиваясь в ход противостояния, обронил свое ору-

дие и, возможно, приговорил себя на провал. Он яро искал пропажу и совершал еще больше ошибок. Бог не должен дать ему найти орудие, иначе ему не победить злобного брата.

Глава 9

Ночь. Шатер в полутьме. На небе ярко светит полная луна. Марала проснулась. За тонкими соломенными стенами кто-то ходил. Было слышно шуршание снаружи. Девочка насторожилась. Людей рядом с ней не было. Марала приложила ухо к стенке. Хлипкую дверцу что-то снесло. Ей ничего не оставалось, как бежать. Через мгновение она выбежала с другой стороны. В ужасе Марала пыталась скрыться в лесу. Повернувшись на мгновение, она увидела огромного волка. Он скалился, в глазах горел огонь. Он почти догонял ее. Кинжал, висевший на поясе, бился об ее ноги, мешая бежать. Девочка свернула на открытую местность. Так быстро она бежала, что в определённый момент взмыла в воздух. Неожиданно для себя Марала ощутила, что машет крыльями и исчезает в небе.

Пацанка.

Глава 1

Шаг за шагом, хруст за хрустом. Я брожу по аллее, давя под собой городские дары осени – листья. Как короток их век, как незаметна их жизнь. Как естественно мы шагаем по желтому ковру, застелившему весь город в сентябре. Как красива их последняя музыка под ногами. Как естественен их последний танец с ветром, их падение. Мы почти не замечаем этого. Впрочем, нам давно уже наплевать на чужую жизнь.

Сегодня холоднее, чем обычно. Вокруг безлюдно, как говорится, «хороший хозяин собаку на улицу не выгонит», так пусто внутри, и не хочется никого видеть. Я вновь съежилась от пронизывающего порыва ветра, пролетевшего сквозь меня. Я сегодня, как листья, одинока и незаметна, поэтому бреду одна и замерзаю. Следующий порыв ветра заставил меня поднять воротник тоненького свитера повыше и застегнуть до конца замок куртки. «Надо ускорить шаг, пока еще могу идти», – подумала я, так как ноги в околевших джинсах уже давно ныли.

Подлетел белый голубь, тоже один, тоже замерз. Я вспомнила, о давно лежавших в кармане семечках и отдала их го-

лубку. Может, хоть ему станет легче. Голубок поклевал, но продолжил виться кругами над моей головой. Видно, искал себе хозяина или друга. Это явно не ко мне. Я ускорила шаг, ветер усилился. Чуть не унес мою кепку, под которой я прятала свои жесткие, как прутки, короткие волосы.

Меня зовут – Лилия, как цветок, но я скорее желтый лист, чьей дикой красоты не заметно. Лилия – снежинка в апреле, необычная, скоротечная. Нет, слишком мило, я просто Лилек.

Вот уже почти дома. Обычная девятиэтажка возле рынка, напротив – площадь. Квартира, конечно же, на девятом этаже. Мой маленький мирок расположен в правом крайнем углу квартиры. Я единственный ребенок в семье и, думаю, единственный в мире человек, с которым могло такое произойти.

Я с детства предпочитала играть с мальчишками. Футбол, войнушки, борьба – были мои любимые игры. Несмотря на запрет и беспокойства мамы, дочь-хулиганка, продолжала. «Нашла проблему, – успокаивал папа маму, – придет время, и ей захочется вести себя по-другому. Роза, дети каждый день разные».

Со временем я, конечно, изменилась, но мальчишеские повадки у меня не отнять. Маму очень беспокоило поведение дочери, ее манера одеваться, стричься. В пятнадцать лет мне уже трудно было противостоять, да и бесполезно. В шестнадцать лет я решила продолжать учиться в училище. В

школе меня дразнили, и мне надоело молчать. В новый коллектив я ворвалась другой. Я была смелой и готовой ко всему. Коллективу даже очень понравилась необычная девочка.

Глава 2

Я стою в кругу девчонок, с которыми общаюсь в группе. Их зовут Марина, Лена и Наташа.

– Какой лапочка, девочки, держите меня, – заметила Марина, незнакомца в кругу своих одноклассников.

– Ничего необычного, кроме волос, конечно, – окинула Лена его оценивающим взглядом.

– По мне типичный выскочка, – отмахнулась я от Наташиного взгляда, а она добавила:

– Да, да и, по-моему, пустой. – Это было видно по тому, как он двигается, как, поглядывая в нашу сторону, демонстрирует свое превосходство, смеясь над приятелями.

– Завидуйте, завидуйте! Я красива. он – красив, почему бы не пофлиртовать? В конце концов, я не замуж за него собираюсь, – скромничала Маринка. Но она от скромности не умрет.

Марина – это моя подруга. Мы с ней учимся в училище № 33 на операторов ЭВМ уже два года. Два года и дружим. Она полная моя противоположность: яркая, смелая, веселая и наивная. Она любит мальчиков, и они любят ее. Как можно не любить эту эффектную куколку? Но мне ее еще и жаль – она слишком наивна, поэтому частенько плачет у меня на плече. Она жизнерадостная, неутомимая, влюбчивая и притягательная. Мы уже два года с ней неразлучны. Я знаю ее

лучше нее самой. Я не смогу без нее жить, да и она, наверное, тоже без меня.

– Следите! – Воскликнула Маринка, как только приятели покинули его. Он стоял спиной к девчонкам и не видел, как к нему приближается наша Мариночка.

Она застала его жующего что-то во рту. Парень – брюнет, средней длины волосами, собранными в хвост. У него были большие зеленые глаза, средний прямой нос и тонкая уверенная линия губ – дополнение к красоте его милого лица. Кроме того, он был высок, не меньше метра восьмидесяти.

Выскочка ничуть не смутился, даже обрадовался. Это было видно по его самодовольной улыбке. Еще бы! Такая девушка его все-таки заметила. Ну, Маринка! Как не стыдно!

Она нескромно касается уголка его губ и облизывает свой палец, притом глядит ему прямо в глаза. Парень прямо растерялся, а Ленка с Наташкой рассмеялись, над его выражением лица. Еще пару слов, и Маринка повернулась, чтобы подойти к нам. Но решила совсем его ошеломить, когда нагнулась поднять выроненную ручку. Ее юбка и так открывала приятный обзор, но, нагнувшись, не сгибая ног, она произвела настоящий фурор. Одним словом, в этом вся моя подруга. Понимаю, что это здорово, производить желаемый фурор, но я бы так никогда не смогла. Предпочитаю не привлекать внимания и в то же время, мне приятно общаться с Мариной, которая не проходит незамеченной. Ничего, нам не обязательно быть одинаковыми.

– Ну, Марина, ты даешь! – сквозь смех воскликнула Лена.

– Молодец! – Похвалила я не без улыбки.

– Ты не видела его выражения лица, когда нагнулась, – весело добавила Наташка. Вспомнив, все взорвались новым приступом смеха.

– Я так думаю теперь, он за мной побеждает, – подытожила сама Маринка. – Ну, пойдете, а то он подумает, что мы над ним смеемся. И вся компания двинулась в раздевалку. На сегодня занятия закончились.

Вчетвером мы двинулись к остановке. Лене с Наташкой ехать до «Универсама», а нам с Маринкой как ни странно тоже по пути. Она живет напротив пролетарского РОВД, совсем рядом, а мы с ней раньше даже не виделись. Но вот уже два года неразлучны.

Вот уже слезли на своей остановке и пошагали пешком. Я все-таки решила задать вопрос, который весь день меня мучил.

– Ты меня извини, Марин, но так как ты ничего не рассказываешь, я спрошу сама. Что у тебя стряслось вчера? – Может, другие и не заметили, но я-то знаю ее, как облупленную. Ее веки были чуточку припухшие. И как она не пыталась скрыть свое подавленное состояние, я заметила, что-то случилось.

– Не хочу об этом говорить, – отмахнулась она от моего вопроса. Я не стала настаивать. Минуты две мы шли, совсем молча – что опять странно, учитывая, что она не сво-

дила глаз с дороги, по которой мы шли. «Не понятно, почему она не делится со мной», – думала я и остановила на ней свой взгляд. «Настолько личное, что даже мне не скажет», – тут же огорчилась я.

– Сережа твой не появился? – решила я на версию. Она неохотно ответила.

– Хочу забыть о нем, – голос ее задрожал. Теперь понятна причина. – Не поверишь, – качала она головой, сама, удивляясь сказанному им вчера. Набрала воздуха в легкие и, стараясь не плакать, призналась, – он женат.

Я это приняла, молча. Представляю, каким ударом это было для Марины. Я не могла произнести ни слова, только внутри меня нарастала ярость. Марина обрела с ним покой и счастье, а он просто развлекся. Я ничего не скажу, пусть она сама выговорится. И она продолжила. – Он трясся при мысли о том, что жена что-то узнает.

Зря я вообще подняла эту тему, – поздновато одумалась я. Она бы может и не думала о нем больше. В ее глазах встала обида, ведь отношения, длились полгода, пока ему не надоело. Полгода Сергей жил двойной жизнью, а устав, от простейших вопросов, где он пропадает, выложил все на чистоту.

– Он уже стал заикаться, от глупых оправданий. Ты бы слышала, что он говорил. Он даже угрожал мне, – Маринка остановилась, качая головой. – Как он смог так врать. Ладно, мне, я понимаю, но жене, которую боится потерять, которая

три месяца назад родила ему ребенка. Нет, трус мягко сказано. Он поддонок! – разозлилась она и потянулась за сигаретой, предложенной мной. Мы закурили.

– Ладно, не думай о нем больше. Он не стоит даже твоего мизинца. Я-то думала, Сергей и вправду тебя любит...

– ...А он просто здорово развлекся, пока жене было некогда, – подытожила сама Марина, широко раскрыв глаза и заморгав, чтобы не прослезиться.

– Иди ко мне, – позвала я ее в свои объятия и сочувственно погладила по голове. Вообще-то Марина сама виновата. Окрутила двадцати семи летнего парня. Вначале он не особо желал с ней отношений, но наша обворожительная Марина умеет себя преподать, да так, что любой нормальный мужчина, будет у ее ног. За два года, которые, я ее знаю, длильнее и серьезнее отношений у нее не было. Ей нравится мужской пол, а еще больше нравится ошеломлять мужчин, дразнить и, в основном, бросать. Она, как кошка, гуляющая сама по себе. Она сама выбирает себе жертву, и если она ей подходит, а ее капризному вкусу не часто угодишь, то гарантировано жертва ее любви будет неимоверно счастлива. Сергей же был то с ней, то пропадал. Был и завоеван ею и далек от нее. Наверное, его загадочность и отличала его от остальных. Он долго и неохотно решался на расставание с ней, потому что ее невозможно не любить.

Ее любят, ее ненавидят, ей завидуют. Ее жизнь, как яркая обложка для окружающих, но не для меня. Я знаю, что она

поддерживает так свой имидж. Для меня же она слабая и наивная девочка, которая так же, как и все, мечтает о большой и чистой любви, с достойным мужчиной. Я ее понимаю.

Марина минуту поплакала на моем плече, а потом, уверив меня, что больше о нем не вспомнит и улыбнется, пошла своей тропой домой. Я соответственно пошла своей, жалея подругу, проклиная этого Сергея «Ну ничего, справится. С ее манерой общаться, она недолго будет одна». Вот прошла рынок «Данко», почти дома.

Дверь открыла мама. Ее можно было бы описать, сказав лишь, что она «дева» по гороскопу. А я для себя уже определила, что все женщины девы – одинаковые. Слишком заботливые, слишком домашние, для них – все, что и кто находится у них дома частная собственность. В общем, пока, маму не поставишь на место она так, и будет лезть в мои вещи и в мою жизнь. Ну, и, конечно, не скрою, что очень люблю свою мамочку и понимаю, что ей не хватает дочери. Папа и я не слишком открытые люди. Маме иногда, нужно вывести нас из себя, чтобы хоть как-то пообщаться.

– Заходи скорее, совсем, наверное, заледенела? – Мама была в фартуке, а из кухни исходили приятные запахи.

– М-м-м, – вдохнула я глубоко. – Мама хочет нас чем-то удивить? – Спешно скидывала я с себя дубленку. Запах сводил с ума меня, зверски голодную.

– Мать уже час не пускает меня на кухню, – выглянул из зала недовольный отец.

– Я всего лишь поджарила курицу, сделала крабовый салат, сырны́е шарики и разлила нам всем вина, – похвасталась она мне, а последнее слово мама недовольно швырнула в папу.

– О, сегодня особенный день? – Какой же вспоминала я, глядя на довольную улыбку папы.

– Мойте руки, а папа может тем временем догадается, что у нас сегодня фарфоровая свадьба, – обидчиво повела себя мама, хотя это на нее не похоже.

– Это что, мы уже двадцать лет вместе? – немного подумав, вычислил папа.

– Двадцать лет тебя терплю, – махнула на него рукой мама.

– С чем я тебя и поздравляю! – подразнил ее папа.

– Может, за столом поздравления продолжим. Я руки помыла, – пока мама заглянула в кладовку, мы с папой пошли на кухню.

– Я целую курицу сейчас съем, – поделился папа.

– После моего тоста, – предупредила его я.

Глава 3

Появление этого выскочки в училище и в правду утешило горе Маринки. Теперь он каждый день ошивался, то возле училища, то даже внутри него. Маринка не упускала случая подразнить его. То смело и нескромно отвечала на его пристальные взгляды, то будто бы не замечала его, лишь специально могла прикусить нижнюю губу или потянуться, да так, что и без того оголяющая пупок кофточка, поднималась все выше и выше. Три дня продолжалось их визуальное общение и, когда Костю – так зовут выскочку, совсем озадачили их непонятные отношения, он решился на отчаянный шаг. Когда Марина вновь на него взглянула и так соблазнительно облизнула нижнюю губу, он воспринял это, как знак. Незамедлительно Костя прошагал к ней, и так как она уже стояла к нему спиной, в кругу своих подруг, он обнял ее сзади и поцеловал в шею. Волшебное! – подумали все, кроме самой Марины. Неожиданно для себя Костя получил пощечину. Ошеломленный до глубины души он стоял и моргал, даже слов не было. Она же повернулась и ушла. Костя, недолго думая, подбежал к ней и схватил за локоть. Парень хотел разобраться.

– Я тебя не понял, – объявил он, еще держа ее за локоть.

– Какого черта ты себе позволяешь? – пыталась она оцепить его руку, от чего он лишь сильнее зажал ее. Увидев гри-

масу боли на ее прекрасном лице, он убрал руку. – Продолжайешь выделываться перед всеми, – разглядывала и терла красавица свой локоть.

– Извини, – отвел взгляд Костик, сожалея о сдавленном локте девушки. – Ты сама напросилась.

– Извини? – удивленно переспросила она. – У меня теперь синяк будет, а он извиняется, – продолжала ныть Маринка.

– Сейчас я ее поцелую, и все пройдет, – сказал парень, осторожно нагибаясь к ее руке, одновременно следя за реакцией этой пылкой кобылки – неохота снова побывать в «нокдауне». Марина же на этот раз не стала препятствовать этому выскочке. Нельзя было сказать, что ей не понравился его подход, но в ее репертуаре играть, чтобы красивее и недоступнее было.

– Какого черта, ты опять делаешь? – недовольно отскочила она, скорее высвободив свой локоть из райского плена.

– Такого же, что и ты, во-первых, – тоже с недовольством произнес Костя. – А во-вторых, не строй из себя недотрогу. О тебе много говорят, и я могу многое подумать. – Дальше он говорил, обнимая ее и ведя за собой. – И чтобы мне не думалось, давай поговорим о том, чего ты хочешь от меня.

– Во-первых, тебя не касается, то, что говорят обо мне. Я здесь центровая личность... – Марина, удивляясь дерзости выскочки, хотела поставить его на место, но неудачно.

– Ты... – помолчал он, наверное, подбирал слова поприличнее, – ... просто кукла, и я так понял, с тобой нужно по-

играть. – Маринка стояла и не моргала от возмущения, от его наглого поведения, от нахального и самодовольного ворожения лица. Ей хотелось плюнуть ему в это ворожение, так как не было слов.

– Знаешь, что мальчик? – В ответ улыбнулась она. – Купи себе куклу и играй.

– Ты не беспокойся, мальчик тоже кое-что умеет. Тебе понравится, – от его еще более нахального вида Марине стало тошно.

– О чем ты говоришь, говнюк, – не выдержала она, иначе бы ее просто стошнило.

– Я припомню тебе это слово, когда ты будешь просить «еще», – шептал он ей это уже на ухо так, что мурашки покрыли ей всю спину. «Пусть он этого не заметит», – молила Марина, стараясь сохранить самообладание. – Тебе понравится! – закончил он, наконец, ласкать ее ухо, и пошел к застывшим своим приятелям. Она прямо-таки горела без огня. Как только он начал удаляться, она смогла глотнуть свежего воздуха, даже почувствовала на щеках холодок, сквозившего с входной двери воздуха.

Парень крепко засел в ее сознании. Он не появлялся в училище три дня, а Марина все возмущалась.

Мы решили сегодня посидеть дома. На улице можно замерзнуть в пять минут. А чем же заняться в теплом доме, когда за окном все умирает? Конечно же, попить пива.

– Не понимаю, чего ты испугалась, тебе же понравилось, –

сказала я, когда Маринка в очередной раз мне рассказывала об их с Костей «беседе». Марина была в замешательстве, от его поведения

– Парень слишком задрал свой симпатичный нос, – возмущалась подружка, держа стакан под углом, чтобы налить в него холодненького пива. – Ты же знаешь, я встречаюсь только с теми, кто меня достоин. – Уселась она, наконец, и принялась дуть в стакан, чтобы пена скорее пропала. – Бери чипсы, – между делом предложила она мне, а мне кусок в горло не лез, от негодования.

– Да, – выдохнула я. – А с чего ты взяла, что он тебя не достоин? – окинула я взглядом новые обои на стенах, у Марины на кухне, успокаивая себя.

– Я должна диктовать условия: хочу – встречаюсь, хочу – нет. – Раздавила она, со злостью, упавшую на стол крошку.

– Ну и характер, Марин, – покачала я головой, удивляясь. – Доиграешься когда-нибудь.

– Он слишком много на себя берет. Я же рассказала тебе о его нахальстве, – оправдывала она себя.

– Значит, уже доигралась, – верно подметила я.

Я допивала пиво из своего стакана, тогда как моя подружка уже допивала из своей бутылки, давя еще одну упавшую крошку.

– Лилечка, малыш, Костя слишком заносчив, дерзок. Никто со мной себе такого не позволял. Меня обожать надо, и вообще...

И вообще, как можно жить, по придуманным сомой же правилам? Разве отношения подчиняются каким-то дурацким правилам. Я перебила ее потому, что надоело слушать ее пустые слова.

– ...Даже слушать больше ничего не хочу. Видно же, он тебе понравился. К чему же эти твои предрассудки. К черту разум, к черту имидж, отдайся на волю чувств, и ты поймешь, твое это или нет. – Я завелась не на шутку. Раз уж она просила совета, вот ей мой совет, – Ты, хочешь, чтоб тебя любили все и сразу, хотя сама любишь, только себя. – Она играет, а не чувствует, а потом Лилечка вновь подставляет плечо, чтобы Мариночка выплакалась. Я ведь так ее люблю, а она так бесшабашно себя ведет, в итоге страдает, и я вместе с ней.

Марина, молча, слушала нотацию подруги, не отводя своих голубых глаз. Да я не удержалась и сказала, что думаю. Ее взгляд вмиг наполнился грустью, и мне вновь стало ее жаль. Она встала со стула и начала убирать со стола.

– Я не хотела тебя обидеть, – пожалела я обо всем сказанном. Она включила воду, а я подошла к ней сзади и обняла ее за плечи. – Я тебя люблю, глупыш, и боюсь за тебя. Вдруг ты доиграешься. Он ведь все-таки не плюшевый мишка.

Марина тут же отозвалась на мое сочувствие, тоже прижалась ко мне.

– Иногда мне кажется, что ты мой ангел-хранитель, – улыбнулась Маринка и запустила свои длинные ногти в мои

волосы и слегка помассировала. – Что только ты мне нужна. Только ты никогда меня не обманешь и не предашь. – От наслаждения у меня подкосились ноги. Хорошо, что Марина не видела, как я, закрыв глаза, пытаюсь тише дышать. Все внутри меня замерло и ждало. – Возможно, ты меня не поймешь, – взглянула она на мое напуганное лицо, – но ты – мой идеал. Я все в тебе люблю. А твои прикосновения, – нежно погладила она мою руку, следя за моей реакцией, – они просто сводят с ума. Лиля, я вижу, что и тебе со мной хорошо, так же, как и мне.

Глава 4

Не в силах унять желание, я решилась попробовать вкус ее губ. Ее губы такие милые, такие нежные, манящие, что сначала я прошлась по ним своим большим пальцем, от чего ее рот приоткрылся, а потом непременно захотелось их поцеловать. Марина же была рада поцелую. Значит, не только я чувствую к ней странную тягу. Поцелуй погрузил нас обоих в сладостный транс. Больше ничего не существовало, только мы, только сейчас. Сама не понимаю, куда делся здравый смысл. Я позволяла себе наслаждаться ее нежностью, ее необыкновенной красотой, глядя ее бархатистую кожу, ощущая дрожь ее желаний. Она издала невольно вырвавшийся стон и начала ласкать мою шею, осыпая ее влажными поцелуями и мурашками. Боже, какое блаженство! Я почувствовала, как внизу живота сладко зануло, когда она взялась ласкать и покусывать мое ухо. Не в силах больше терпеть этой пытки, я хотела выть от досады, а всего лишь вновь накрыла ее сводящие с ума губки страстным поцелуем. Ее страсть нисколько не уступала – нам обоим хотелось большего. В голове мелькнуло: «А дальше-то что?». Марина на секунду отстранилась. Да, лучше остановиться, но она и не думала останавливаться. Марина уже расстегивала себе блузку, не отрывая от меня голодного взгляда. Скоро моему взору открылся прелестный вид ее смуглого тела, оставалось только убраться

порч белоснежный лифчик. Она звала меня мысленно помочь ей. Я же мучилась между желанием потрогать, обжечься вкусом ее матовой горячей кожи и просто сделать так, как она хочет, или лучше послушать разум – прекратить.

К моему облегчению, послышался скрежет в замочной скважине. Только это заставило нас обеих очнуться. Марина тут же отвернулась и спешно застегнула блузку, а я опустилась на стул и судорожно выдохнула, сжимая в руках холодный стакан.

В прихожей показалась мама Маринки.

– Привет девочки.

Она сняла пальто с шапкой и пришла на кухню.

– Что притаились? – улыбнулась она, глядя на наши озадаченные лица.

Тетя Инна, принялась сморкать нос, где-то в прихожей, потом подошла к нам. Вид у нее был уставший, может заболелавший. Она поеживалась даже на кухне, наверное, пришла с работы.

– Марин, чайник бы поставила, – укорила она дочь, и сама направилась к плите. – Ой, девчонки, холод собачий, говорят минус семь уже. Все болеют, – терла она свои руки возле огня.

А я чувствовала спиной, обжигающий взгляд своей лучшей подруги. Пора остыть. Лучше всего по дороге домой. Я встала и повернулась к Марине и к окну.

– Снега еще нет? – пошутила я и отвернулась к ее матери.

– И пойдет – не удивит, – продолжала тетя Инна. – Осень пришла, на носу уже новый год, 2002 уже. Вроде только 2001 встретили, уже провожать.

Я больше не могла это терпеть.

– Мне пора, – сказала я. – Надеюсь, не заметет по пути.

Оборачиваться почему-то не хотелось. Просто потихоньку пошагала с кухни.

– Я провожу, – следом догнала меня подружка.

Мы оделись и вышли. Мне было стыдно смотреть подружке в глаза. Она же не сводила с меня глаз, и я, терроризируя кнопку лифта, тоже взглянула. В подъезде было темно, к счастью.

– Лиль, я не знаю, что на меня нашло. Давай забудем обо всем. Я знаю, этого не должно было случиться. Прости, – торопилась сказать Маринка, пока я не уехала молча.

– Это неправильно. – Изо всех сил, я жала на кнопку вызова, но лифт был занят. – Я тоже не понимаю, с чего это мы. – Хотя в душе я не жалела о случившемся. Это было волшебно! Это то, о чем я всегда мечтала, не понимала, но очень желала. Я восхищалась ей не только, как лучшей подругой, но и искренне ее любила.

– Забудем? – Протянула она свою руку, улыбаясь.

Я не забуду. Мне хотелось заплакать от этих слов, хотелось так сильно прижать ее к себе. Мне казалось, я теряю ее, теряю то тепло и замерзаю. Наши взгляды и руки снова встретились, но не было слов. «Ну, согрей же меня, взгляни

же снова, так как смотрела несколько минут назад, и я вновь прижмусь к тебе, я буду вечно тебя любить», – молча молила я, будто уезжала навсегда. Приехал чертов лифт. Я промямлила лишь:

– Пока.

Как только двери закрылись, я обхватила лицо руками, вдыхая чуточку тепла, которое мне оставила моя подруга. Как же быть дальше? Несмотря ни на что дружить, быть рядом, как и прежде, но уже осознавать, что она твоя мечта. Дружить, забыв о мечте? А она забудет? Я ведь не очередной ее парень. Мы, как не крути, любим друг друга, и друг без друга мы не можем. Сколько раз в тишине нам будет неловко? Нет, она не сможет забыть. Когда-нибудь мы закончим начатое.

Я шла вперед, не видя дороги, не замечая преград, не чувствуя ледящего ветра. В моих мыслях стояли те минуты, перевернувшие мою жизнь, показавшие смысл. Впервые, я по-настоящему понимаю себя. Но также понимаю, что это неправильно. Любить подругу? Хотеть ее? Нет, нет, нет – крутилось у меня в голове, и я гнала ее образ из своих мыслей. Ее красивый образ.

Вот уже почти дома. Осталось только открыть дверь. Я выкурила сигарет пять за полчаса, которые просидела на лестницах, пока не зазвонил мобильный и не привел меня в чувства. Звонила мама. Я не взяла трубку. Зажевала конфетку и попыталась вставить ключ в замок, пальцы не слушались.

Время было 23:00.

– Ну, где ты ходишь? – Нервно положила трубку мама. – Хоть ответила бы, – продолжала строго смотреть на меня она, пока я раздевалась. Желания общаться с мамой сейчас у меня не было.

– Я у Марины была, – нехотя промямлила я и пошагала к ванной.

– А запах! – сморщила нос мама. – Это тоже Марина на тебя надышала?

– Я не замерзла и не голодна, собираюсь спать, давай завтра поговорим, – ровным тоном, сказала я и закрыла дверь.

Умывшись, я пошла спать. Даже свет не включила, не хотела видеть свое отражение в зеркале. Просто сняла с себя все, кроме нижнего белья и окунулась в постель. Утро вечера мудренее. Только вот не думать о случившемся, я не могла. Лишь закрыв глаза, я почувствовала жар объятий Марины. Еще не уснула, а так ясно видела два обнаженных тела, вьющихся воздухе, ее полные грусти и желания глаза. И даже во сне понимала, что надо прекратить эти отношения и забыть, как просила Марина.

Глава 5

День, через день. Шли обычные учебные будни, которые были ненавистны, как кость в горле. Да, еще этот Костик! Он каждый день ждал ее возле училища, весь такой безупречный, сильно старался понравиться, а Маринка, как всегда в своем репертуаре – красива и беспощадна. А я, как обычно, рядом. О нашем минутном помешательстве мы даже не вспоминали, будто ничего никогда и не было – оно и к лучшему.

Вышли из училища, бурно обсуждая неправдоподобный рассказ одноклассницы, что даже не заметили стоящего недалеко от нас Костю.

– Марин, подойди, пожалуйста, – обратился с хмурым видом ухажер.

– Не хочу, – капризно ответила Марина и даже не остановилась.

– Я сам подойду, постой. – Вскочил он с места и догнал нас. Мы секунды три помолчали, пока ухажер собирался с мыслями. – Я хотел бы погулять с тобой сегодня. Как ты на это смотришь?

– Никак, я сегодня занята, – сразу же отшила она парня.

– Ничего, я подожду, потом сходим, – настаивал, слегка улыбаясь, Костя.

– Я не пойду с тобой, потому что иду с Лилей, – чуть ли

не по слогам повторила ему Марина.

– Я не против, погуляем вместе.

Его слова буквально стали цепляться за нас. Да, пусть сходят уже, а то он умрет от неразделенной любви. Мне стало чуточку жаль парня, он тоже безнадежно влюблен. Безнадежно.

– В общем, то я никуда не денусь, сходи с Костей, – предложила я подруге, показывая, что я не обижусь.

– Какая честь! – рявкнул сразу Костя, даже не глядя в мою сторону.

– Умерь свой пыл, мачо. Я не пойду с тобой, даже если от этого будет зависеть мир на Земле. Свободен! – разозлилась она, наконец, и пошла вперед, что я, даже не успевала за ней. Я тоже оставила ему напоследок:

– Какой жалкий.

– Какой нахал, слышала? – изумлялась Марина по пути.

– Он – молодец, настойчивый. Только не знаю, что из этого выйдет, – с ухмылкой прокомментировала я.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво растянула Марина.

Глава 6

Следующий день. Костя выглядывал из-за училища. Он не сразу нас заметил, так как с кем-то там общался. Не успела я пошутить по этому поводу, как он что-то спешно спрятал за пазуху и побежал в нашу сторону.

Очень странно, но он пробежал мимо, лишь загадочно нам улыбнулся. Нам стало очень интересно, куда же он так торопится. Мы шли медленно, наблюдали, как Костя осыпал заранее подготовленный участок сухих листьев в виде аккуратного большого квадрата красными лепестками роз. Он изобразил в центре желтого квадрата красное сердце.

– Вау! – лишь произнесла пораженная Марина, смотрящая то на Костю, то на его сердце. «Этот парень знает, чего хочет», – подумала я, глядя на подругу и опасаясь, что он покори́л ее.

– Я ваш, девчонки! – крикнул Костя, довольно демонстрируя свое большое сердце и, пошарив у себя за пазухой снова, вытащил еще два цветка. Две герберы, увидели мы, когда он их поднял над собой, потом прижал их к груди и, стоя внутри сердца, лег спиной на матрас из листьев.

– Красиво он себя похоронил, – сказала я, досмотрев представление.

– Он что, теперь и не встанет? – не сводила с застывшего парня глаз виновница торжества. – Подойду к нему, – и

полезла в грязь, смешно балансируя на своих красненьких сапожках.

Только она к нему подошла, он тут же вскочил на ноги, протягивая ей рыжий цветок. Как мило он улыбается. Марина будто бы в восторге. Прямо, кадр из мыльной оперы. Я наблюдала со стороны на их откровенный флирт. Наконец, он отряхнулся цветком, который, как я поняла, предназначался мне и вспомнил о моем существовании. Когда они обратили на меня свои счастливые взгляды, я не могла не улыбнуться.

– Тебя Лиля зовут? – обратился наш герой ко мне.

– Как цветок, да? – внешне совершенно спокойно ответила я.

– Ну, тогда цветку цветок, – протянул он мне потрепанную герберу.

– Как мило. Ну, здравствуй! – изобразила я удовольствие на лице. А Костя снова перевел свое внимание на свою пассию.

– Простите, барышни, я, возможно, вчера был не в себе, и сегодня я решил загладить свою вину... – тут я его перебила.

– ...скорее засыпать.

– И засыпать свою вину, и угостить чем-нибудь, – почти торжественно говорил Костя. Мы с Мариной переглянулись. Костя обратил внимание на меня. – Не подумайте обо мне плохо из-за вчерашнего. Просто вчера был очень несчастливый день – не мой день, – оправдался Костя и, обняв нас обеих, повел за собой.

Конечно же, он отлично подготовился к сегодняшнему дню. Безупречно себя вел, безупречно выглядел. Красная куртка в тон сердца с логотипом «АДИДАС», черные брюки, только голова не прикрыта, наверное, он сильно гордится своими отраженными волосами.

– Через секунду подъедет такси-и-и-и, – растянул он, глядя на часы в мобильном телефоне. И правда – из-за угла вывернула белая «пятерочка» с шашечкой и с цифрами – 750-750.

– Как ты все хорошо спланировал, – подняла брови Марина, – А если я не соглашусь ехать?

– Со мной поедет Лилек, проведет со мной волшебный вечер, а ты обзавидуешься, – естественно в шутку сказал Костя, кивая мне головой. Он даже не предполагал, что не достигнет своего. – Карета подана, барышни, – сделал он корявый реверанс.

– Ты хотел сказать «корыто», – поморщила носик Маринка и перевела взгляд на меня.

– Ну, извините, завтра иномарка будет, – не смутился мацо, но заметил, как стало холодно Маринке, когда вновь подул ветер. Коротенькая юбка и капроновые колготки, естественно, не греют в такую погоду. Он приблизился к ней и попытался обнять.

– Но-но, – увернулась от его объятия Марина.

– Я хочу помочь вам сесть, в эту, может быть, и не супер-навороченную повозку, но точно теплую, – и принялся

помогать, держа ее за руку, будто она без его помощи не сможет сесть в машину. Я села следом за Мариной, хотя ехать мне не хотелось. Костя сел спереди – не стал нас теснить.

Всю дорогу в центр он вел себя на удивление галантно, но все-таки иногда наружу вырывались нескромные шуточки, которые мы допускали. Подъехали мы к кафе «ТАЙМ АУТ». Только на месте мы узнали, где проведем с ним «волшебный» вечер. Сняли верхнюю одежду. Уселись. Подошел официант в красной жилетке и принял заказ. Народу в зале было мало, всего четыре занятых стола. Оно и понятно – на часах было пять вечера. За одним из столов сидели двое парней, которые явно заметили наш приход, оживились. Они сидели возле входа, и им был виден весь зал, особенно наша Марина. Конечно же, и Марина их заметила.

– Признайтесь, девчонки, я ведь хороший, – разливая флакон вина по бокалам, обратил на себя внимание Костя.

– Я тебя еще не знаю, милый, – потянулась Марина за бокалом, не смотря на Костю.

– Приятно, что я милый, – захлопал глазами Константин. – А могу быть еще и нежным, ласковым, – снова самодовольно засиял.

– А я – грубой, – съязвила красавица.

А меня будто нет. Я вообще не знаю, зачем пошла с ними. Знаю же, третий – лишний. Как неловко. Марине вино, видно, понравилось, она пила быстрее всех, а, услышав веселую песню, и вовсе захотела потанцевать. Наш спутник по-

шел нас сопровождать. Не зря он опасался тех двух «товарищей» с соседнего столика. Допив свое пиво, молодые люди тоже решили потанцевать.

Я наблюдала за опасной игрой, которую затеяла моя дорогая подруга. Честно говоря, я всегда боюсь ее выходок, они совершенно не обдуманные. Думать мы начинаем только после действий. Сегодня мы еще и выпили, и, насколько я понимаю, добром это не кончится.

Глава 7

Круг танцующих, сужался, вытесняя лишнего парня. Этим лишним оказывался Костя. К Марине словно приклеился один из длинноногих приятелей, а другой, похожий на шкаф приятель, так и стоял дубовым шкафом между Костей и Мариной. Я старалась не смотреть на парней, двигалась под музыку, не выдавая чувство тревоги. Смотрела лишь на нее, но ее взгляд приковал к себе высокий симпатичный брюнет. Они, раздевая друг друга глазами, танцевали свой, грязный танец, под музыку «РУКИ ВВЕРХ». Этот искусный танцор, откуда он взялся, черт его подери! Крутил ее в танце, к себе, от себя, и она не противилась его, прикрытым танцем, ласкам. Костя негодовал от злости. Это был его вечер. Он сел за столик и, сжав челюсти, молча наблюдал за происходящим. Я обратилась к Марине, но она меня не слышала. Она была слишком увлечена, да и музыку сделали громче.

Наконец, песня закончилась. Все направились к столу, за которым сидел Костик и допивал остатки вина прямо из флякона. Выражение лица Кости застыло в злоеющей ухмылке.

– Пойдем со мной, Марин, – позвала я ее, дабы разрядить накалившуюся обстановку. Она тут же встала, и мы вышли вон с их глаз. Мальчики пусть отдохнут пока.

– У тебя крыша съехала? Зачем ты танцевала с этими парнями? – раздраженно говорила я, вытаскивая из пачки

«ВИНСТОН», две последние сигареты. Марина, лишь хитро улыбаясь, потянулась за сигареткой. – Ну, не молчи же, – я уже боялась ее ответа.

– Мне понравился тот парень, – виновато и игриво на меня посмотрела она.

– А как же Костя? – я удивилась ее простоте. – Он же сидит и надеется, что ты все-таки вспомнишь о нем. Может, уже и не надеется.

– Лилек, я знаю, тебе не понравится, – начала нерешительно Маришка, и мне все сразу стало ясно, – но я поеду сейчас с этим парнем.

– С обоими поедешь. А Костю мне подаришь, да? Какая щедрость, а главное – как все легко! – нервно поражалась я такой глупости.

– Ну, перестань ругаться. Ты за меня так переживаешь или за Костю? – соблазнительно заулыбалась моя сумасбродная подружка, стараясь не шататься, ища поддержку в моих глазах.

– Даже не думай. Мы вместе сюда приехали – вместе и уедем, – сказала я свое окончательное слово и бросила окурок мимо урны.

– Поехали со мной! – осенила ее грандиозная мысль. – Повеселимся, – изобразила она, смеясь, ламбаду. «Боже, как она пьяна», – еще больше разозлилась я на нее. В двери показались наши мальчишки. Костя впереди, те двое догоняли.

– Костя заскучал без вас, девочки, не смотря на наши

убедительные просьбы сидеть и ждать, – объяснил багровый цвет лица Кости, амбал сзади него. – Наш Костя-наглец, который уже собрался домой, – амбал упорно провоцировал Костю, а Костя не сводил глаз с Марины.

– Ну, так пойдем уже? – зажимая в кулак свою злость, процедил нам Костя.

– Один дойдешь, – пошагал к Маринке ее новый молодой ухажер, обратился к ней. – Не волнуйся, я тебя довезу. – То ли от лишне выпитого вина, то ли от его близости, у Марины подкосились ноги, и она привалилась к нему спиной, так как он встал сзади нее почти вплоты.

Я наблюдала за всеми, и будто по щелчку картина превратилась в анимацию. Эх, Маринка!

– Мы приехали вместе и уедем вместе! – процедил Костик, решительно подошел и схватил ее за руку, но был пойман двухметровым «бегемотом» за воротник куртки и отшвырян в грязь. От этого действия только прибавилось ярости. Костя собрался силами и нанес удар обидчику прямо в живот, своим грязным новым ботинком. От удара амбал приземлился на свой зад. Марина испугалась за Костю и принялась теребить своего дружка в надежде, что тот сделает что-нибудь, чтобы драка прекратилась.

К счастью, или, к сожалению, подъехала черная БМВ, и дружок повел Марину в машину. Она лишь мне на прощанье виновато прошептала «Прости». Из машины вышли еще двое парней и оттащили амбала от кровоточившего лица Ко-

сти. Высказав еще парочку нелестных выражений в адрес побежденного, победители удалились – сели в машину и уехали. Костя разразился горьким смехом, разлегся на земле пластом. Я принесла воды из кафе, и помогла Косте подняться. Нашла в сумке салфетки и принялась наводить красоту на его лице. Не слушая его ругательств, прикладывала мокрую салфетку к разбитому носу и брови Кости. Пока мы останавливали кровь не проронили ни слова. Мне было стыдно за поступок моей подруги, а ему было нечего добавить.

– Я вызову нам такси, – предупредила его я и набрала простой номер 750-750.

Он сидел на корточках, прижимая к своему лицу мокрую салфетку. Потом резко встал и уставился на меня.

– Ты мне ничего не должна, – тихо произнес он. – И она мне ничего не должна, – согласился с собой Костя и, отвернувшись, пошатнулся, будто обессилил.

– Где ты живешь? – решила заранее узнать я, вдруг он уснет в такси.

– Проспект 127, но я домой не хочу. Хочу выпить, просто утонуть в вине.

– Как хочешь, только около дома. Отсюда мы уедем вместе. – Я пыталась говорить жестче и не смотреть на его разбитую, будто бы это я виновата, физиономию.

Он еще немного задержал на мне свой колкий взгляд и сдался. Дальше мы сели в такси и поехали по домам. По дороге он не проронил ни слова – о чем-то размышлял. Всего

один раз мы встретились взглядами и тут же отвели глаза.
Смотреть на плывший в окошке ночной город спокойнее.

Глава 8

Сегодня я пришла в училище, как никогда, раньше. Я ждала, когда же на горизонте появится моя дорогая подружка. Время, как назло, плелось еле-еле. Не зная, чем себя занять, я думала, как мне встретить Маринку. Что ей можно сказать, после вчерашнего? Она, мягко говоря, повела себя некрасиво по отношению к Косте. Но это еще ладно. Важнее, отношение к себе, ко мне, в конце концов! Она ушла с незнакомыми парнями, неизвестно куда! Неизвестно, чем это все закончилось! Телефон она не брала, и я теряюсь в догадках. Она не слышала меня, бросила. Что я могу ей сказать?

Вот на повороте показалась Марина. Обычная Марина, сияющая, неподражаемая. Я не сводила с нее глаз, вот только взгляд мой на этот раз был нерадостным.

– Приветик, Лилечка, – беззаботно поприветствовала она меня и чмокнула в губки, как это у нас у девчонок принято.

– Привет, – сухо начала я и отвернулась к окну. Ненавижу показывать свою обиду, но и не могу проглотить ее поступок, молча.

– Что такое, Лиль? – обеспокоилась подружка. – Ты обиделась?

– Ты еще спрашиваешь?! – ее тон щекотал мне нервы, поэтому я решила повисить свой, но тут же пожалела об этом – не место.

– Даже настолько, – тихо проговорила Марина. – А что случилось? – Как ни в чем не бывало, продолжала она, достав зеркальце из сумочки и взглядываясь в свое безупречное личико.

– Ты вправду думаешь, что ничего не случилось? – удивленно уставилась на нее я, когда та, как ни в чем не бывало, начала мазать губы губным блеском. Мне, почему-то вспомнились те недавние минуты слабости – ветер за окном, ее пылающие жаром глаза, те ощущения. О чем это я, – отдернула я себя и отвернулась, через секунду пошла. Не могла больше говорить.

– Постой, – бросилась она за мной, оставив на подоконнике свои вещи. – Хорошо, я была не права. Я признаю, что не должна была тебя оставлять.

– Ты ничего мне не должна, но чисто из человеческих соображений ты не должна была, придя в кафе с одним, уйти с другим, неизвестно с кем. Марина, их было много, и ты с ними уехала. Как о тебе заговорят? – объясняла я ей ее ошибки. Кажется, она совсем не жалеет. – Костю из-за тебя чуть не покалечили, а в твою самовлюбленную головушку это бесполезно вбивать, – наблюдая за ее потупившимся выражением лица, махнула рукой в ее сторону.

– Тебе не все равно? Ты, что? Влюбилась в Костю? Бери себе, я не возражаю, – пылко выступила подруга в ответ, но продолжила тише. – Малыш, я признаюсь, это был мой старый приятель. У нас с ним было раньше... В общем, я под-

говорила его меня отбить у Кости, – почти промурлыкала, а потом как бы очнулась и продолжила серьезнее. – Но я же не думала, что «отбить» он поймет буквально, – снова принялась мурлыкать. – Этот красавчик, он просто меня пленил. Кто такой Костя? Оборванец, неудачник? Не знаю..., а Тимур, он такой сексуальный, такой горячий. – Закатила она глаза, вспомнив его. – Он меня пленил, я не могла сопротивляться.

– Значит вот как? Ты уезжаешь, ничего мне не объясняешь – прекрасно, а я осталасьлизывать раны Косте. Это правильно? – «она там, в облаках, видите ли, летала, а вы мирские, как хотите». – Меня вообще не должно было быть на вашем «празднике». Как чувствовала, что не надо мне с вами ехать. Но я, в отличие от некоторых, свою подружку бросать не привыкла.

Когда мы вновь вернулись к окну. От былой моей злобы не осталось и следа, ведь подружка, в ответ обхватила мое лицо руками и промурлыкала: «Малыш, что за глупости». Осталось только желание узнать, как она добралась до дома.

– Короче, я думаю, Костю ты больше не увидишь. Хотя жаль парня, он такого не заслужил. Согласись? – я, улыбнувшись, легонько толкнула ее плечом. Она в ответ виновато улыбнулась.

– Он, наверное, ненавидит весь женский пол, – задумалась Маринка. – Как нехорошо получилось.

– Он был просто разбит, во всех смыслах этого слова. –

Кажется, до нее дошла вся серьезность ситуации, судя, по ее виноватому выражению лица. – Ладно, давай рассказывай про своего нового ухажера, – смягчилась я совсем. Опять ее очень жаль стало. Надеюсь, она не будет так больше. – Его компания тебя не обидела?

– Как я уже говорила, он такой душка, – расплылась в улыбке Маришка. – А друзьям его было нереально ко мне подступиться. Он ни на минуту от меня не отходил. Тимур... – закусил она нижнюю губу и прикрыла глаза.

– Я уже в курсе его имени, – меня сильно взволновало ее поведение. – Он до дома тебя доведет?

– Какая ты бессердечная, я еще до сих пор его чувствую. Его руки, его поцелуи, – как заведенная продолжала она чувственно перечислять достоинства своего восточного мачо. – Мы до утра просидели в объятиях друг друга в его машине.

– А откуда взялась машина? – удивленно спросила я, догадываясь о подробностях их совместной ночевки.

– Среди ночи он захотел показать мне свою «Беху», хотя я не разбираюсь в марках, но мне понравилось все. В общем, мы заночевали в его машине, – загадочно заулыбалась Маришка.

– Все у вас было... и было волшебным, сказочно и т.д и т.п., – передразнивала тоненьким голоском я ее.

– Он такой нежный, и в то же время сильный, горячий, – она словно еще была в его объятиях. Встретив мой неодобрительный взгляд, перестала улыбаться. – Было. Не в глаза

же мы друг другу всю ночь смотреть будем. Я ни капли не жалею, – покивала она головой, соглашаясь с собой. – Думаю, он тоже. Сегодня обещал позвонить.

Прозвенел звонок, как знак конца нашей душевной беседы. Все было выяснено, сказано, ну и отлично. Костя? Да, и к черту Костю. Был, да сплыл. Ей не нужен, мне тем более.

Прошел день. Еще один. И еще. И еще. Прошло целых восемь дней. Мы как и прежде с Мариной в идеальных отношениях. Мальчиков между нами не было. Ни Кости, ни Тимура, ни его команды. Мы проводили дни вместе дни напролет, с начала занятий в училище до конца дня. Скучно не было. Сдружились с Мариной соседкой, со второго этажа, Светкой и ее компанией. Только ее брат не вписывался в наш девичий коллектив. Подозреваю, он тоже положил глаз на мою Маринку, но он слишком нерешительный, и не надо ему к ней лезть.

Маринка все ждала иногда своего принца – Тимура, который так ей больше и не позвонил, такой же засранец оказался. Это, наверняка, кара за ее легкомыслие. Поматросил и бросил. Это и к лучшему. В любом случае, я думаю, такие, вспыхнувшие в момент, чувства, также через четыре или пять встреч погасли бы. Лучше сразу. Моей Маринке нужна настоящая любовь.

Глава 9

30 октября. Время 15:30. Закончились занятия. Наконец домой. День сегодня просто противный. С утра, не переставая, льет дождь. Все спят на ходу: и преподаватели, и учащиеся. Одно утешает – дома можно будет немного поспать. Я торопила Маринку, когда увидела в окне Костю – у меня отвисла челюсть. Он стоял за окном в окружении девчонок нашей группы и гордо демонстрировал собравшимся новенькую серебристую иномарку. Когда ко мне вернулся дар речи, я остановила собравшуюся выходить Марину.

– Ты глазам, не поверишь, – призывая ее посмотреть, указала я пальцем на окно.

– Я не думала, что он появится, – тоже удивилась Марина.

– По-моему, он не к нам, – судила я по его радостной улыбке. Вокруг столько девчонок. Он дурак, если снова свяжется с Мариной.

– Я не собираюсь ждать, когда он уедет, пошли, – позвала она меня, явно торопясь взглянуть на него поближе.

Как только мы вышли, тут же наткнулись на взгляд Кости. Неужели он нас ожидает?

– Я к вашим услугам, барышни, – сделал он скромный жест, описывая рукой весь свой рост.

Я снова не поверила своим глазам. За эту неделю, исчезли не только следы мордобоя, но и его драгоценные воло-

сы. То есть не совсем исчезли, он сменил прическу. Его когда-то шикарная шевелюра, стала намного короче, он еще и взъерошил их. Это делается обычным гелем – он неузнаваемо похорошел. Не знаю, как Марине, но мне лично никогда не нравилось, когда у парня длинные волосы. Кроме того к нашему удивлению Костя проколол бровь, как раз там, где я недавно обрабатывала его рану. Вместо раны теперь симпатичное серебряное колечко. Бровь он слегка подкорректировал, тоже получилось здорово.

Я посмотрела на Марину, поняла, что она тоже приятно удивлена.

– Что-то ты пропал, – улыбнулась ему в ответ Маринка.

– А ты, милая, соскучилась? – сияя, не сводил с нее своих зеленоватых глаз, этот какой-то странный, молодой человек. – Лилек, здравствуй, – обнял он меня, как брат родной. – Не поверишь, я скучал по тебе, – неожиданно как-то.

– Ты изменился, – не могла я не отметить. – Что такого произошло, что ты сменил имидж.

– Хочу соответствовать одной очень важной особе, – посмотрел он внимательно на Марину, потом обратился к толпе, – которая сейчас находится среди вас. Костя осторожно открыл заднюю дверцу машины, пригласил жестом меня и Марину, конечно же. – Девчонки, я сегодня занят, – довел до сведения толпы.

Какой упорный парень, я поражаюсь его воле. Марине, естественно, понравился такой расклад, но не сразу же со-

глашаться. Она тянула. Пошел дождь.

– Смелей, я сегодня покатаю королеву, – игриво торопил Костя не решающуюся сделать шаг девушку. – Надеюсь, «Мерседес А-класса» подходит твоим требованиям?

– Ведь не твоя? – ломалась «королева».

– Как ты думаешь, Лиль? – загадочно двигал он уголком губ.

– Не знаю и знать не хочу. Ты за неделю так приготовился, возможно, и машинку угнал, – поправились тут же. – Возможно, чтобы соответствовать не только Марине, но и своему имиджу. – Я уже собиралась лезть в машину. Сколько можно испытывать бедного парня и стоять под дождем.

– Я промок, жду еще минуту.

Костя полез заводить, махнув проходящим мимо знакомым.

– Пойдем, поговоришь с ним хотя бы, – потянула я ее за рукав плаща.

– Мне не удобно, – проямлила, колеблясь она.

– А я сяду, и, думаю, мне будет очень удобно, – полезла я, зная, что Мариночка полезет следом. Какой салон: сиденья, обтянутые черной кожей, округленная панель спереди, вся в разноцветных огнях. Пока я, пользуясь случаем, разглядывала красоту, Костя, включив первую передачу, нажав на газ, резко выкрутив руль влево, тронулся с места. Со своего места тронулась и я. Дверь захлопнулась. Замешкавшаяся подруга опоздала на свой «королевский рейс».

– Ты чего? Останови. Маринка же не села, – раздался мой удивленный голос, в то время, как я пыталась подняться с задних сидений. Костя только газу прибавил. Похоже, он был в курсе Марины. Более того, по его идиотской довольной улыбке было понятно – он доволен, что она не успела.

– Кость, я хочу выйти, – немного запаниковала я. – Немедленно останови!

– Сиди. – строго взглянул водитель на меня через зеркало.

– Что за шутки, поворачивай уже, – потеревила я его за воротник кожаной куртки. Куда он так разогнался?

– Перелезай вперед, поговорим, – сбавил он обороты, чтобы, остановиться. Заехали во дворы.

– Учти, я не Марина, а ваши дела с Мариной меня не касаются, – возмущаясь, но послушно перелезла я на сидение рядом с ним.

– Вижу, что не Марина, – выдохнул он, оглядывая мои неуклюжие движения. – Я хочу ее добиться. Не знаешь, что я еще могу сделать? – отчаянно произнес бедненький потенциальный ухажер. – Я ей что, вообще не нравлюсь?

– Сколько вопросов, – помотала я головой. – А почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Вы – подружки. Вы разговариваете о парнях. У нее сейчас кто-нибудь есть? – снова завалил вопросами. Разговаривал бы он с ней так.

– Нет, сейчас она одна... пока, – от моих слов Косте стало как-то легче, он расплылся в улыбке, что меня позабавило, я

тоже чутьочку улыбнулась. А он, похоже, сегодня не побрился. Легкая щетинка, добавляет ему привлекательности, – подумала я, но тут же отдернула себя. Я-то, что понимаю в привлекательности.

– А что за компания в кафе в тот раз? – опустил глаза Костик.

– Это был ее приятель. Он ей подыграл тогда, но не волнуйся, он больше не появится, – заверила я его. – Хотя Маринка, конечно, переживает еще по этому поводу

– Что-то я траура сегодня не наблюдал, – съязвил обиженный жених. – Между прочим, она никогда не горюет.

Я промолчала. Она не позволит себе горевать прилюдно.

– Ей тоже бывает больно, но не всем дано это видеть, – заступилась я за мою дорогую подруженьку. – Да, она такая. Сама выбирает себе жертву. Нападает, а потом смотрит по реакции – ее или нет, – это так, насколько я ее знаю.

– Все сходится. В чем моя ошибка? – Развел он руками и облизнул верхнюю губу. – Я долгое время давал ей просто играть, причем она сама начала эту игру, а когда сам подошел, получается, спугнул? – Он ждал от меня ответа, я неуверенно кивнула. – Не понимаю, я что страшный?

– Нет, конечно. Марина согласна, что ты симпатичный. Она согласна, что упрямый, упорный, теперь поняла, что небедный. Сегодня ты, скажем прямо, нас поразил. Твой сегодняшний образ, он... – какой он, – ...лучше прежнего. У сегодняшнего Кости было больше шансов на завоевание Ма-

рининового сердца.

– А почему было?

Его взгляд вонзился в мои губы. Его рот приоткрылся. Что еще за игра? Я смутилась.

– Зря ты сегодня так с ней поступил.

Будто не замечала я его этого блуждающего по мне взгляда. Я устала на панель, мечтая в ней спрятаться.

– Не зря, – уверенно и улыбаясь, ответил Костя, что я не могла не посмотреть. Нависла пауза.

– Ты, наверное, мазохист, – неуверенно отметила я, после пятисекундного молчания. – Не каждый, так упорно, бился бы о стену.

– Ты считаешь – зря? – спросил меня безнадежно влюбленный парень. Но, что я могу ему посоветовать? Я сама в себе разобраться не могу.

– Я могу сказать лишь, что вода камень точит. – Вновь стало не по себе. Народный совет будет ему полезнее, чем мой. – Хотя после сегодняшней выходки, тебе будет еще сложнее к ней подобраться, – сделала я явный прогноз.

– Будь что будет. Ведь ты мне поможешь? – заявил Костик и обнял меня за шею.

– Не представляю, как? И не буду, – наотрез отказалась я и выбралась из его дружеского объятия.

– Лилечка, – начал умолять Костя.

– Только не называй меня так, прошу, – по телу пробежалось раздражение.

– Ну, ладно, рыбка моя, – подлизывался непонятно, зачем, Костя. От этого сравнения у меня глаза округлились. Он, что закинул крючок? – недоумевала я. – Не смотри ты на меня так.

Костя заразительно рассмеялся.

– Я пытаюсь расположить тебя к себе, – объяснил он мне, после чего снова рассмеялся, так как я еще больше удивилась.

– Можно, я начну ухаживать за тобой у нее на глазах. Посмотрим на ее поведение, – смотрел он на меня умоляющими глазами – попытка меня уговорить, но я естественно запротестовала:

– Э, нет уж, я пас, – отчасти засмушалась и добавила, представив удивление подруги. – Очень смешно!

– За тобой ухаживали когда-нибудь? – улыбнулся Костя, и сам же ответил. – Нет, конечно.

– Это не твое дело! – Слова «нет, конечно», сильно заделли меня. Стыдно, «конечно», признаваться в том, что противоположный пол не оказывал никогда знаки внимания. Мне они и не к чему. Я сама себе парень! – Разбирайся с ней сам, – выпалила я, и хотела выйти из машины, но он остановил.

– Извини, Лилек, давай договорим, и пойдешь. – Задержал он меня за локоть, и отпустил сразу после того, как я недовольно на него уставилась.

– Договоривай, – пряча свой взгляд, вновь выпалила я.

– Я уверен, она клюнет на наши ложные отношения. Ты будешь расхваливать меня, а через некоторое время скажешь ей, что я до сих пор испытываю симпатию к ней. Раз уж, как ты говоришь, я стал привлекательнее и состоятельнее, она будет моей. – Хлопнул он в ладоши в завершение своего гениального плана и добавил. – В конце концов, она тогда в кафе, нас обоих провела и бросила.

– Я не собираюсь ей врать, – не смела я соглашаться на этот фарс. – Я не хочу никаких игр на публику. Никогда! – Опять быть посмешищем? Ведь всем будет на потеху их, хоть и ложные, отношения. Сама Марина будет смеяться над ее неумелыми и неловкими шагами к «счастью». Нет, уж!

– Хорошо, я не буду ухаживать прилюдно, если дело в этом. – Казалось, он видит меня насквозь. – Тебе нужно будет только хвалить меня ей. Скажешь, что я тебе нравлюсь, и проследишь за ее реакцией, – утверждал он свое.

– Ну, стратег! В любви и на войне все средства хороши? Даже если это обман? – Жалкая попытка, с моей стороны, призвать его к совести. – А если обман раскроется?

– Как? Если в курсе только мы. – Дотронулся он указательным пальцем до моего носа с таким видом, будто знает тайну вечной жизни, и единственный будет жить вечно. – Мы ничего от этого не теряем. Ты поможешь своей подруге понять, что я ей нужен. Только со мной она будет счастлива, – продолжал уверять Костик.

Я думала, глядя ему в глаза. Действительно ли это ложь

будет во благо? Он и правда ее так любит, что, как опытный вояка, придумал план захвата. А счастье своей подружке я желаю всем сердцем.

– Лиль, – оторвал он меня от размышлений, – а ты ведь красива. – Заворожено глядел он мне в глаза. – Только ты зачем-то прячешь свою красоту.

Не зная, что ответить на его откровенное высказывание, откровенный взгляд, я поторопилась поскорее выйти вон с его пронизывающих глаз.

– Я разглядел ее, – успел только он сказать, и я выскочила. – Договорились, – крикнул он мне вслед через окошко. Я не обернулась, чтобы возразить, а пошла своей дорогой.

Шла я быстро, будто хотела поскорее скрыться или провалиться от стыда. Как гадко я себя ощущала. Он словно прощупал меня всю. Какая я глупая! – злилась я на себя всю дорогу. Теперь согласившись на фарс, я буду чаще находиться в его обществе. Какая непростительная глупость, – сокрушалась я. Он, конечно же, смеется сейчас надо мной. Вспомнить только, как я себя вела, что говорила. Ох! Видите ли, я красива! А Марина так себе? Не может быть, что я ему понравилась. Хотя он так на меня смотрел, так изучал. Он словно пошарил у меня в душе и обнаружил там никому неведомую, другую Лиллю. Показалось, будто я ему стала интересна. Нет, что я придумываю, интересовался он только Мариной, – прикрыла я глаза пальцами от головокружения и присела на свободную лавочку возле чужого подъезда. Но как он

смотрел. Костя не такой, как все. Он не ищет легких путей для получения желаемого и не бросает начатое дело.

Понимая, что сидя на лавке, я вообще сочиню еще больше чуши. Надо побыстрее дойти до дома и залезть в ванную. Мысли о Косте я не могла прогнать вплоть до своего дома. Все еще пыталась доказать себе, что возможно он увидел во мне то, что давно искал, чего не нашел в бездушной Марине. Какая же я дура, да?

Глава 10

Вечер. Город весь в огнях. Пошел первый снег. По главной дороге с центра к себе на проспект 60 лет октября ехал Костя. Остановился на светофоре, возле остановки Войнова, провожал взглядом торопящихся пешеходов. Среди них, не спеша, вышагивала Маринка. Костя сразу ее узнал, ведь она никогда не проходит незамеченной. В сопровождении огней и восхищенных взглядов, она была, как звезда. Костя решил поехать за ней. Медленно ехал за ней до ее дома, потом окликнул. Она сразу же подошла.

– Что же ты с нами сегодня не поехала, куколка? – Обвел он ее оценивающим взглядом. На ней как всегда была юбочка, сегодня немного длиннее, чем обычно, голубого цвета. Беленькие плотные колготки, наверное, похолодало, и белая курточка с пушком. – Весь день тебя вспоминали.

– Значит, я мысленно с вами была, – приветливо отозвалась Марина. Ее миленькое личико изобразило радость. – А ты значит, за мной следил. Ты – параноик?

– Нет. К сожалению, даже не маньяк. – Развел он руками, смеясь. – Не поверишь, из центра еду, тебя увидел, мимо проехать не мог, – жестами прокомментировал он свое высказывание. – Садись рядом, – похлопал он по шикарному сидению. – Как-то не удобно получается. Я сажу, ты стоишь.

– Нет уж, я в твои игры больше не играю. Пока, пока, –

сделала она ручкой и изящно пошагала к подъезду. Костя вдогонку ей бросил:

– Лиле передай, что я заеду за ней завтра в шесть вечера. –

От услышанного Марина обернулась в непонимании.

– Сам и передай, – обдумав слова, сказала Марина.

– Я рад бы, но она телефон свой у меня в машине забыла.

Сейчас уже спит, наверное, устала сегодня, – дразнил он ее, видя ее явный интерес и замешательство. Ничего больше не сказал, пусть думает. Завел мотор, – Ну, передашь ей. Завтра в шесть. Счастливо, – довольный удачным обстоятельством, с улыбкой на губах он поехал дальше.

Глава 11

Урок уже идет полчаса. Я появляюсь в дверях с красными щеками, то ли от морозца, то ли от стыда. Надо же было так проспать. Это все из-за мыслей насчет предстоящего фарса.

– Разрешите войти, – попросилась я в кабинет, даже не пытаясь смотреть на уставившийся на нее класс.

– Учиться никогда не поздно? – укорил Лев Дмитриевич – преподаватель истории. – Заходи, – вздохнул он и продолжил диктовать. Я присела рядом с Мариной. Она усердно записывала слова, как бы, не замечая моего появления. Я ее не стала отвлекать, даже боюсь сегодня с ней заговорить. Приготовила принадлежности, а писать не хотела.

Прозвенел звонок. Урок закончился. За это время Марина даже не пыталась заговорить со мной. Она явно обижена, я ведь ей даже не позвонила.

Она, молча, встала, вышла из кабинета. Я за ней. Догнала ее в туалете.

– Не хочешь спросить, почему я тебе не позвонила? – виновато начала я. Марина не отреагировала. Продолжила отмывать руки от пасты. Обижена, точно! Надо все исправлять. – Представляешь, телефон где-то потеряла, – как ни в чем, ни бывало, продолжила я общение.

– Надо же! – сыграла она удивление, – больше ничего не потеряла? – наконец, оторвалась от своего важного дела Ма-

рина и изобразила беспокойство.

– Вроде, нет, – спокойно отреагировала я на такое поведение подруги.

– Ну, хоть повеселились вчера? – будто обвинила она меня.

– Вообще-то мы говорили о тебе, – и мои глаза виновато забегали, я нервничала.

– Я думаю, что было весело. Все училище надо мной теперь смеется. Стыдно людям в глаза смотреть, – бушевала Маринка. Хорошо, в туалете мы были одни. – Я думаю, тебе знакомо слово «стыд», – ткнула она в меня пальцем.

– Что это значит? – отмахнулась я. – В чем ты меня винишь? – меня ее слова задели, если она этого добивалась.

– Мне очень больно, – тихо завершила она свою речь и вышла вон.

Мне тоже стало больно, что я не могла пошевелиться. Я ни в чем еще не провинилась, чтобы она так строго меня судила. Я не буду участвовать в затее Кости. Я не смогу.

Марина пересела от меня за другой стол. Этим жестом подчеркнула трещину в нашей дружбе. Из училища она ушла с Леной Горшковой и Наташей Кучиной. Они ушли, о чем-то весело смеясь, как будто надо мной.

Как жаль, что наша дружба не выдержала такого нулевого испытания. А если бы я и вправду, начала встречаться с Костей? Не будь я такой скованной и неловкой. Марина, наверное, и видеться со мной не желала. Может она меня ревнует.

Собственница. Нет, я не могу лишиться из-за сущего пустяка лучшей подруги. Даже и думать не стоит, когда речь идет о выборе между подругой и парнем. Парень – явление непостоянное, а подруга, если это настоящая подруга – навсегда. Как в моем случае. Я хочу ей все объяснить. Что Костю, до сих пор интересуется только она. Что я, по-прежнему, не могу без нее.

Я не могла оставить все, как есть. Не выдержав гордого одиночества, я пошла к ней домой. Еще не вечер, она должна быть дома.

Дверь и вправду открыла она. В своем махровом белом халатике. Вся такая чистая и мокрая, только что из ванной. Я не находила слов, ждала, когда же она пожалеет меня. Я без нее, как собачонка без хозяина. Я заблудилась, мне очень плохо. Жаль вот только не могу ей об этом сказать.

– Заходи, – предложила Марина, минутку спустя. Я, конечно же, вошла, – извини меня, я не должна была срывать на тебе, – ей не просто было это сказать.

– Я рада, что ты осознала это. И ты меня прости, что так все получилось, – я заулыбалась, на душе стало легко от мысли, что Марина снова со мной.

– Ну и что новенького расскажешь? – обошла она меня и уселась перед зеркалом с феном.

– Все по-старому. Костя как ходил по тебе с ума, так и ходит, – осторожно провела она рукой по мокрым волосам. Вдруг и мне захотелось дотронуться.

– Костя, Костя... – протянула она задумчиво, как будто обратилась к своим светлым роскошным волосам.

– Зря ты, Марин, не дала ему шанса. Он очень чуткий и надежный молодой человек, я почему-то уверена в этом.

– Откуда такая уверенность? – холодно произнесла Маринка, вызываяще взглянув мне в глаза, сквозь зеркало, и я отошла от нее подальше в комнату. – Хорошо, не хочешь о нем говорить, не будем, – «поджала я хвост».

– Нет, уж, давай поговорим начистоту, – отложила она расчески и повернулась ко мне. – Он тебе нравится?

– Причем тут я, – вздрогнула я, как от укола, – речь о тебе.

– Что он говорил? – не сводила она с меня глаз, как будто подозревала в чем-то, или ревновала. – Какие у него планы относительно меня?

– Ты – его королева грез. Он такой напористый, я бы дала ему шанс, он лучший, – поздно поняла, что слишком пере-хваливаю.

– Тебе он явно по нраву, – подозрительно пробормотала она. – Как ты думаешь, откуда у него такая машина?

– Он сын заслуженного скульптора Мордовии, тебе имя – Тарасов Владимир Константинович, ничего не говорит? – гордо сообщила я новость, от которой Марину чуть удар не хватил.

– Значит, я футболила миллионера, – в шоке, хлопнула она себя по лбу, – и он все еще хочет со мной встречаться? – проговорила она недоверчиво. – Какой чудик.

– Еще какой, – между нами все ровно висели неискренность, отчужденность. Марина куда-то собиралась. Мне было интересно, куда.

– Ты куда-то торопишься? – она, молча, взглянула на меня одним глазом, второй она красила.

– Светка пригласила меня погулять в свою компанию, – завершила она покраску и сравнивала.

– Я сейчас уйду, – конечно же, она пойдет без меня. Светка же тоже может быть ей подружкой.

– Да, я тебя провожу, – уже приготовилась она к проводам. Мне ничего не осталось, как последовать к выходу.

В дверях Марина на меня виновато посмотрела и заперлась.

Черт! Как же плохо. Она так холодна и красива, как первый снегопад, и так далека.

Я снова одна. Иду по тонкому слою чистейшего снега. Так тихо и бело. Кто-то рассмеялся сзади. Это влюбленная парочка весело прошли мимо меня. Их радуют падающие с неба хлопья. Они ложатся пушистым конфетти на всех и на все, как знак скорого приближения праздников. У всех будет праздник, но не у меня – я – не как все.

Глава 12

Следующий день в училище был просто невыносим. Нет, Марина присутствовала, но на расстоянии двух метров от меня и в веселой компании Горшковой и Кучиной, прямо сладкое трио. Я замечала время от времени, как весело косились на меня эти девчонки, явно я была объектом их шуток. Что я могу сделать? Снова громкий и противный смех. Не могу больше здесь сидеть. Я бросила тетрадку в рюкзак и вышла из кабинета. Лучше погуляю где-нибудь. В вестибюле натянула шапку, дубленку надела уже на улице. Не терпелось глотнуть свежего воздуха. Такое ощущение, что я вышла из подвала после многолетнего заточения. Белый свет вокруг и дышать стало легче. Я медленно направилась за училище покурить – еще один недостающий момент. Меня и нашел там Костя.

– Вот ты где? – резко выглянул он из-за угла, что даже напугал.

– А ты меня ищешь? – наступила я на выпавшую из рук сигарету. – Кость, я не хочу сейчас никого видеть, уйди, пожалуйста, – и медленно побрела вперед.

– Минуточку, два момента и уйду, – остановил он меня. Мы встали, как раз там, где прекрасно были видны из окна кабинета химии, откуда я сбежала. Он предложил пройти дальше, к его машине, – во-первых, телефон, – когда мы

уселись впереди, а рюкзак был брошен на заднее сидение, он достал его из бардачка.

– Я думала, что потеряла его, спасибо, – мой телефон меня чуточку порадовал, но, сунув его в карман, я вновь загрустила.

– Что случилось? На тебе лица нет, что за маска на тебе, – потрогал он мой нос, будто хотел снять эту грустную маску, – у него, видно, настроение бодрое, а я отвернулась к окну. – Ну же, посмотри на меня, – не отставал Костик.

– Я устала от всего... Хочу пропасть, сквозь землю провалиться, – не поворачиваясь, бубнила я, что встревожило Костю, – мне плохо.

– Я знаю, как помочь, – он достал из-под сидения полбутылки коньяка и маленький стаканчик. Налил в него из бутылки и протянул мне, – пей.

Немного поколебавшись, я все-таки выпила. Горько, но через минуту мне стало легче. Я будто бы проглотила ком, стоявший в горле уже пару дней. Он налил еще, но я не стала больше. Удивительно, но он налитую порцию он выпил сам.

– Ты что? Ты же за рулем, – возразила я.

– Рюмочку можно, – ответил он и положил все на место. – Ты торопишься куда-нибудь? – собрался он заводить машину.

– Нет, – так же безжизненно ответила я.

– Тогда покатаемся, – мы выехали на главную дорогу. – Что тебе сказала подружка, что ты в таком состоянии?

– Мы поругались, – неохотно призналась я.

– Из-за меня? – он удивленно на меня посмотрел.

– Надеюсь, нет. Я вообще про нас ей еще не говорила, – открылась я. – Она и слушать ничего не хочет.

– Как ничего? – не ожидал Костик и отвел глаза, потом улыбочиво предположил. – Может, ревнует? Только кого – меня к тебе или тебя ко мне.

– У нас с тобой ничего нет, но почему-то я чувствую себя предательницей, – я заметила, что он больше смотрит на меня, а не на дорогу и замолчала, уткнувшись на панель.

– Ты не выпрыгнешь на ходу, если я скажу тебе, что думаю, – я ждала, что он скажет, искоса лишь поглядывая на его довольный профиль. – Ты такая забавная, когда смущаешься.

– Еще одно такое замечание и дальнейший путь будешь совершать в одиночку, – не растерялась я, чтобы не доставить ему еще больший восторг, смутившись.

Только я развалилась на сидении. Только почувствовала легкую свободу, слабость, как зазвонил Костин телефон. Скажем так – этот звонок озадачил его, даже напугал. Голос в трубке просто орал, перебирая нецензурными выражениями. Ничего не ответив, Костя выключил телефон и внимательно огляделся по сторонам. Руки стали нервно постукивать по рулю. Что-то случилось.

– Кто это тебя так не любит? – осторожно поинтересовалась я. Слабость сменилась тревогой.

– Тебе лучше не знать, – выпалил он. Доехав до перекрестка, развернулся и поехал обратно.

– Может, объяснишь, куда мы едем? – я тоже забеспокоилась, когда он сильно разогнался.

– Я влип, – немногославно ответил Костя.

– Понятно. И куда ты меня везешь?

– Не беспокойся, я тебя сейчас высажу, только обдумаю, что мне делать дальше. – Он вновь заехал во дворы. Мы остановились, он уперся лбом в руль и застыл. Я не могла просто выйти и бросить его так.

– Кость, – приблизилась я к нему, – что случилось? – лезла я не в свое дело, он молчал. – Кто тебе звонил? – тихо спрашивала его я, боясь его реакции. Почему он спрятал лицо? Что происходит?

– Меня хотят убить, – не поднимая лица, проговорил Костя. – И сделают это, если я не исчезну, – посмотрел вдруг на меня. – Лиль, дружище, помоги мне.

– Чем я тебе могу помочь? – развела я руками испуганно.

– Мне нужно, чтобы ты пошла ко мне домой и принесла деньги и паспорт. Они в бежевом шкафу под моими вещами. Принеси все, – его глаза отражали страх, пальцы судорожно отбивали чечетку на руле, и добавил. – Моя жизнь, в твоих руках.

Он предупредил меня, что, скорее всего за домом будут следить, поэтому надо быть бдительной, но внешне спокойной. Он дал мне ключ и подвез к пожарной части № 3, и

остался меня там ждать. Что за авантюра! – ругала я себя всю дорогу. – Это же смертельно опасно, а я согласилась, черт побери. Почему? Причин достаточно. Не только очередное рвение помочь Косте. Хотя помощь Косте еще до добра не доводила.

Я сделала, как можно более невозмутимый вид, прошла мимо пяти, припаркованных рядом с домом машин, вошла в подъезд. Очень осторожно открыла дверь, вошла. Только в квартире почувствовала свое бешеное сердцебиение. Нервы были накалены до предела. Казалось, скрипни что-нибудь сейчас в квартире и мое сердце остановится. Тем не менее, я знала, что с этим всем надо заканчивать. Я начала шарить в шкафу. В третьем отделении, я нашла все, что нужно. Костя, будто все заранее подготовил. Деньги лежали в ряд, покрывая дно полки. Паспорт лежал на фланелевой рубашке, а сверху трико. Содержимое полки я спрятала в рюкзак и пакет, а свои тетради пришлось выложить. Вот и все. В последний момент, я заметила, что на верхней полке, аккуратно располагались плавки. Думаю, он не будет против, если я захвачу для него парочку. Да и носки не помешают.

Теперь надо как-нибудь выйти. Не думала, что будет так сложно решиться выйти в подъезд пятого этажа. А вдруг, там уже меня ждут? Была, не была.

Как мышка или как Джеймс Бонд 007, я щелкнула замком, пыталась тише дышать, чтобы прислушаться. Рывком открыла дверь. Никого. Спешно вышла и, закрыв дверь, по-

шагала. На первом этаже, курил парень и странно на меня смотрел. Я прошла мимо, чувствуя холод по спине. И, наконец, вышла вон из этого кошмарного подъезда. Вновь прошла мимо стоянки, не взглянув ни на одну машину. Шла от кольца вниз, не оборачиваясь, хотя очень хотелось. Зашла в магазин, чтобы отвести дух и купить батон и воду. В каждом прохожем, я видела угрозу. Все будто в чем-то меня подозревали – смотрели подозрительно. «Это – нервы», – успокаивала я себя. Звонок телефона вывел меня из колеи окончательно, я остановилась. Это Костя звонил.

– Спускаюсь, – сохраняя благоразумие и смотря по сторонам, проговорила я. – Нет, думаю, за мной никто не следит. Сейчас дойду, – отключила вызов, пошагала быстрее.

Подошла к пустой машине. Она была заперта. Кости нигде не было. Я снова дернула ручку – бесполезно. Ко мне шел подозрительный тип. Улыбаясь, вытащил телефон.

– Ну, дорогуша, приехали! – радостно объявил он, подойдя ближе.

Сзади, из-за гаражей выбежал Костя с дубинкой. В момент он настиг отвлекшегося на телефон типа и вырубил этот напугавший меня до смерти хвост.

– Бегом в машину, – скомандовал Костя, я естественно послушалась.

Этого парня я и видела курящим на первом этаже Костиного подъезда. Перед тем, как Костя его вырубил, он успел сообщить о помощнице, то есть обо мне. Нам обоим при-

шла уехать. Я вспомнила, что оставила свои подписанные тетради, у Кости дома, так что они бы меня сразу нашли. Так как я была уже до смерти напугана, мне было уже все равно, куда мы едим. Костя только сказал, что все уладит, что все будет хорошо. Почему-то я верила ему.

Глава 13

Мы укрылись в рязанской области, на даче Костиного хорошего друга – Вовчика. Что же все-таки произошло? – не давал покоя меня вопрос. Во что же я вляпалась? Но задать его было некогда. Костя все время говорил по телефону: то громко, то тихо – я не решалась влезть. Теперь времени у нас полно, успеем, наговоримся попозже.

Двухэтажный дом, предстал перед нами пустым, холодным, темным и грязным, явно неготовым к заселению. На кухне стоял стол со стулом, в углу холодильник – пустой. На холодильнике – телевизор, неизвестно, насколько рабочий. В гостиной из мебели был только старый диван. В углу валялась куча тряпья.

– Здесь мы проживем дней пять, не больше, – подкрался он сзади, я вздрогнула.

– Как здесь жить? – обвела я взглядом комнату.

– Не все так плохо, – ободрил он. – Сейчас включим электричество, – Костя пошел в коридор искать рубильник. «Щелк». – Теперь включай свет, – при свете место роднее не стало, но я заметила камин в дальней стене. Куча тряпья – это одеяла, покрывала, старые шубы. Хоть не замерзнем, – подумала я.

– А что будем есть? – неловко спросила я, так как в животе уже голодно урчало.

– Вовчик сказал, что неделю назад запрятал в погреб кабана. Думаю, его уже можно съесть, – пошутил Костя, качая головой.

– Думаю, он уже давно издох, – не поняла сначала я юмора и отчаялась.

– Предпочитаешь умереть с голода? – продолжил он шутку.

– Только не это! – разозлившись, присела я прямо на пол. – Втянул меня непонятно во что, теперь издеваться будешь? – говорила я куда-то вдаль, а Костя рассмеялся.

– Вставай, – протянул он мне руку, – пойдем добывать еду, женщина.

– Я тебя убью! – прорычала я, ковыляя за Костей.

Он и вправду спустился в погреб. Насколько мне было видно сверху, там было достаточно всякой еды.

– Откуда столько запасов, здесь же никто не живет? – поражалась я, баночкам, коробочкам и упаковкам с провизией. Он мне лишь улыбнулся и протянул часть коробок. – Только не говори, что это военный бункер, и Вовчик его откапал, когда кабана прятал, – иронично показывала я свое раздражение по поводу сложившейся ситуации.

– Вовчик недавно отдыхал здесь с друзьями. Выпить все выпили, а закуска осталась. Он ее сюда и запрятал. К нашему счастью, – весело добавил он и передал еще кое-какие продукты.

– Как хорошо, что твои друзья такие заботливые и пьют,

не закусывая, – рассуждала я по пути в кухню. Мы разложили все в холодильник. Газ, конечно же, оказался нерабочим. Теперь понятно, почему продукты были заботливо не съедены. Костя перетащил со двора на веранду мангал, разжег его и оставил меня наедине с готовкой.

Недолго думая, я бросила на мангал курицу, в кипящую воду макароны. Присолила, поперчила, пошла в дом. В зале, Костя уже разжег камин и, отмеряя шагами комнату, что-то объяснял в трубку.

– Вовчик, не спорю, я не у того угнал тачку. Ну, привычное же дело. С виду лох был, да и повелся он глупо. Вышел из машины, рванулся к колесу, дверь растопырил... Знаю, знаю, хана, ну, сделай же что-нибудь, – умолял он друга о помощи. – Позвони Атаману, пусть даст им денег, – твердил он свое, перебивая друга. – Дружище, я потом сам с ним разберусь, сделай дело, – его взгляд пал на меня. Заметил. – Я тебе перезвоню, – Костя замолчал. Нечего добавить, я и так все слышала. Нечего, так нечего. Я повернулась и пошла на кухню.

Я раскладывала на стол приготовленную еду, когда он подошел к кухне, но зайти так и не решился.

– Ты угонщик? – не поворачиваясь, говорила я. – Ты всегда знал, что можешь загреметь?

– Я все улажу, верь мне, – слова с трудом сходили с губ.

– Я верила, что это случайность, – повернулась я. – Как ты можешь так жить? – Я смотрела ему в глаза. И этот чело-

век, безумно любит Марину? Не верю. Он не дорожит своей жизнью, что говорить о чужих.

– Ты не знаешь жизни. Ты не сталкивалась еще со злом, с подлостью и тому подобное, – подошел он ближе.

– Злым и подлым его делают такие, как ты, – разозлилась я и отошла от него подальше.

– Его уже сделали таким, а нам лишь остается жить по этим законам «джунглей».

– Что ты еще скрываешь?... Пожалуй, я не хочу знать. Я помогла тебе, поверила, хотя совсем не знала, – уселась я на стул. – Теперь кто мне поможет? – развела я руками.

– Не делай из мухи слона, – взбесился Костик и ударил по холодильнику, что на нем включился телевизор и чуть спокойнее добавил. – Я точно не отморозок, и скоро все закончится. – Нажал он на кнопку выключения телевизора.

– Очень надеюсь, что теперь ты меня не уберешь, – ткнула я вилкой в жареный кусок курицы.

– Расчленю и съем! – крикнул обижено он. Взял со стола кусок мяса и вышел во двор.

Я набросилась на еду. Не могла больше отвлекаться от ароматного запаха ужина. Не хватало только хлеба и тепла.

Поев, решила найти Костю под предлогом «Где здесь можно попить?». Знаю, во дворе я найду и то и другое.

Оглядевшись, я увидела колонку. Кости нигде не было. Не оставил ли он меня одну здесь? Хотелось позвать его, но характер не позволил. Я наполнила кастрюлю водой и присе-

ла рядом в надежде, что Костя скоро объявится. Телефон в кармане предупредил о разрядке батареи. Конечно, он пять дней не заряжался, пара бы, только зарядник дома лежит. Я подумала, может, успею позвонить родителям. А что я им скажу? Чтобы не волновались? Что я с приятелем и пробуду с ним неизвестно сколько времени, неизвестно где.

Сзади послышались шаги, и я вскочила с места. Костя, молча, остановился в нескольких шагах от меня. Я отвернулась, он подошел вплотную, робко обнял меня со спины и уткнулся носом в мое плечо. От неожиданного действия мурашки забегали по всему телу. Я насторожилась, мне было страшно шевельнуться.

– Не бойся меня, – прошептал он мне на ухо, что я хотела спрятать от него горевшее ухо. – Я вышел из себя, напугал тебя, прости, – прижался он ко мне, чувствуя, как я тихонько отрываюсь от него. – Я твой вечный должник, я на секунду забыл об этом, – успокаивающе покачивал он меня в своих объятиях. – Забыл о том, что ты, как ни как, девушка.

– Это не важно, – попыталась я вырваться, хотя мне стало так уютно в его теплых объятиях.

– Очень важно, – он сам меня отпустил, но продолжил держать за руку.

– А Марина? – вспомнила я о закадычной своей подруге. – Зачем она тебе? – он отвел взгляд, задумался.

– Она зацепила меня сильно, – подобрал он слова. – Не как все.

– Как шикарная машина? Она случаем не очередная работенка для тебя? – я пустила в ход шипы, за то, что он позволил себе смутить меня.

– Нет, это личное! – вновь повысил тон, чтобы убедить меня в своей честности.

– Вопросов больше не имею, – отвернулась я от него. Зачем это я опять лезу не в свои дела, – мысленно вышла из себя я, а Костя резко меня развернул к себе.

– Посмотри мне в глаза, – потребовал он. – Не суди меня, – потерябил легонько он меня, – твои слова, они для меня, как иглы. Не знаю, почему, но мне тяжело, когда ты видишь меня, видишь во мне подонка. Ты ничего не знаешь, – заметив за собой рост раздражения, обнял меня вновь, сжимая челюсти, как от боли. – Теперь я знаю, я хочу другой свободы. Раньше превосходство над другими было для меня дозой адреналина, свободой, я чувствовал себя королем. Я не соображал, не понимал, какой хрупкой была моя свобода. Я был рабом, чьих-то желаний, чьим-то рабом, а не королем, – не выпуская меня из объятий, говорил Костя. Настолько искренне он это говорил, что я тоже обняла его в знак поддержки, вновь пожалела, что поверила. На этой эмоциональной паузе, Костя, как будто застыл на секунду, глядя мне в глаза. Потом он приблизился, чтобы поцеловать меня, изо рта пахнуло коньяком, это привело меня в чувства. Я вырвалась из его теплого плена и отошла.

– Прости, я благодарен тебе за понимание, – взял себя в

руки Костя и пошел в дом.

Вот в чем причина его откровений. Оставшийся коньяк под сидением машины. Отличный способ не замерзнуть во дворе и запить кусок мяса. Попытка меня поцеловать тоже, вероятно, дело рук выпивки. Любовь всей его жизни – это Марина, конечно же.

Глава 14

Дело шло к ночи. Тепло и уютно было только в гостиной. Камин горел, а Костя тихо сопел на куче шуб возле камина. Он уступил мне диван. Вместо подушки – ватное одеяло, вместо одеяла – длинная шинель. Спокойной ночи.

Под утро стало невыносимо холодно. Я открыла глаза, когда Костя накидывал что-то на мои ноги, торчавшие из-под шинели.

– Я поставил чайник и ведро воды, чтобы умыться, – сообщил Костя, улыбаясь.

– Ничего смешного не вижу, – поежилась я сонно.

– Ты похожа на ребенка, когда беззаботно спишь, – продолжал он улыбаться, смотря на меня, – когда не такая мужественная, – прикусил он язык при последнем слове и довольно продолжил кидать в камин щепки.

– Успокойся, я уже встаю.

Я надела эту теплую шинель-одеяло. Как я рада, что ношу удобную теплую обувь, не то, что Марина. На этот день, у нас с Костей были разные планы. Костя устраивал нашу свободу, а я думала, как связаться с родителями. Как ни странно, в голове всплыл лишь номер Марины. Наконец, Костя освободил телефон и присел рядом. Я набрала номер. Гудок. Гудок.

– Алло.

– Марин, это я, Лиля, – я обрадовалась ее голосу.

– Ты где? Тебя все разыскивают, – без интереса в голосе, говорила она.

– Со мной все в порядке, я с Костей, – в ответ послышался смех.

– Наконец, созналась, что с Костей, – с сарказмом в тоне сказала Марина.

– Ты не поняла, я с ним в бегах, нас хотят убить какие-то отморозки, нам пришлось скраться, – она вновь холодно заметила:

– А почему вас обоих? Что у вас за дела? – притворно забеспокоилась она.

– Это долгая история, Марин, подробнее, когда вернемся. Сейчас, я попрошу, чтобы ты передала моим, что я с хорошим другом. Мы вынуждены укрываться еще примерно... – я посмотрела на Костю, – ... дня четыре.

– Я скажу им, что ты звонила, – сдержано пообещала дорогая моя подруга.

– Малыш, не сердись, я все тебе объясню при встрече, – ответом стали прерывистые гудки в трубке. – Пока, – договорила я, но меня услышал лишь Костя.

Я сжала телефон в руках. Аппарат только что соединил меня с внешним миром, но кажется, этот мой мир рухнул, а я все подбираю осколки. Стало смертельно грустно и одиноко. Костя, следивший за моим разговором с подругой, молча, поддерживал меня.

– Лиль, – позвал он. Я не сразу отозвалась, – все прой-

дет, – пообещал он виноватым взглядом. – Когда-нибудь мы все вместе будем смеяться над этим приключением. Это одна из страниц нашей жизни, – он решился подойти ближе. Мне, вдруг, так захотелось броситься в объятия Кости. Забыть про Марину, про все на свете. Он был рядом, на расстоянии вытянутой руки, такой милый, добрый. Может, отдаться на волю слабости, пока мы совершенно одни, отрезаны от мира. Мы – парень и девушка, черт возьми! Ком подступил к горлу, хотелось заплакать. Костя, что-то там успокаивающе бормотал, а я представляла нас счастливыми и обнаженными. Как не стыдно! Я не сгожусь на эту роль. Я никогда не была с парнем. Я неуклюжа, несексуальна, стеснительна. Мне лучше уйти, пока он не подошел ближе, а я не предстала перед ним идиоткой. Не глядя на него, я встала и пошла на кухню, плотно закрыв за собой дверь.

Мое поведение, мягко говоря, беспокоит его. Он винит себя за то, что мы оказались в плену этого дома где-то в рязанской области. Возможно, сердце его разрывалось от досадной боли, что он не может сделать этот вынужденный плен, забавным приключением.

Я на кухне, он в гостиной – между нами целая жизнь, чужая, далекая. Есть еще и Саранск – та жизнь, в которой есть Марина. Она для нас обоих важна. А Костя и я, всего лишь заложники этого одинокого дома. Это одинокий дом хочет нас сблизить на несколько дней. В Саранске начнется другая жизнь. Мы забудем про этот дом и про все, что здесь было.

Ничего у нас не будет! Я схожу с ума?

Глава 15

На пятый день настроение было отличным. Да и в другие дни мы с Костей не скучали. Он не давал скучать. Рассказывал много разных историй из жизни. Про друзей своих, про работу свою. Рассказал, что из-за ссоры с влиятельным отчимом, из-за которого мать начала спиваться, он ушел из дома. Хотел доказать всему миру, что тоже может неплохо стоять на ногах и без помощи злорадствующего отчима. Так и связался с плохими парнями. Это была для него свобода. Он не контактировал с семьей с тех пор, как не стало деда, воспитывающего его с седьмого класса. Может, он так скорбел.

– Я потерял все. В тринадцать лет я лишился матери и брата, год назад не стало деда, единственного любящего меня человека, – как выразился он. – Неделю назад я потерял мечту, забрать мать из домашнего плена, на который обрек ее отчим.

Он очень тепло отзывался о матери, очень ее любил. Я вспомнила про свою. Как она там. Вся на нервах, наверное. Как я соскучилась по родителям, только сейчас осознала.

– Не говори так, все еще получится, – попыталась ободрить я его.

– Я ошибся. Этим доказал отчиму, да и самому себе, что никчемн, тряпка, – продолжал изливать душу Костя. – И мать мне забрать некуда, а я обещал ей, что скоро заберу, –

ухмыльнулся он в сторону. – Я достал, наверное, тебя своим нытьем. Не буду больше, – отдернул он себя.

– Чем займешься, когда в Саранск приедем? – Мне нравилась его откровенность, никогда бы не подумала, что у него такая жизнь, несчастная и сложная. Внешность оказалась обманчива. Если бы не случай, он бы не стал для меня другом.

– Попытаюсь начать новую жизнь. А ты? – протянул он мне очередной стакан с вином. Костя нашел три бутылки в подвале под фуфайкой.

– Хочу объясниться с одним человеком, но не решусь, скорее всего, – мы коснулись стаканами. – За новую жизнь, – сказала я тост, смущаясь его улыбающихся глаз.

– Значит, есть, – улыбался он.

– Что? – будто не понимала я, о чем это он.

– Любимый человек, – ему доставляла удовольствие мое смущение. Зачем я это сказала?

– Мы просто друзья, – поправилась я. Выпивка уже дала о себе знать, я разговорилась.

– Не просто, – не верил он. – Почему ты боишься парней? Они примерно такие же, как я. Брось ты эту скромность, она не в моде. – Присел он ближе. – Я сел рядом, ты напряглась. Что такое?

– Кость, я не нравлюсь парням. Я не красотка и далеко не обычная девочка, как видно по мне, – убрала я его руку со своей шеи.

– Ты не обычная, правда, очень даже симпатичная. Отпу-

живает только твой стиль, да и скромность излишняя.

– Я не могу быть другой и пытаться не хочу, – я подумала о Марине. Вот – идеал любого мужчины!

– Ты хорошая подруга, может, ты и нравишься своему дружку, просто он боится тебя, – сказал он и глотком допил из стакана.

– Я не кусаюсь. Что меня бояться? – Костя застыл на мгновение, дожидаясь моего взгляда. Через секунду он уже меня целовал. От неожиданного поступка Кости, который одновременно забрал с моих рук стакан, от греха подальше, я опешила. Почему он меня целует? Почему я не хочу отрываться? Что за эксперимент он проводит? Я пьяна. У меня закружилась голова. Он так нежно и старательно ласкал мои губы. Я таяла в его руках, как конфета.

Я открыла глаза, когда он прекратил. Не сразу трезво соображая, мы оба глубоко дышали, приходили в себя, глядя друг на друга. Я разглядывала его небольшую коричневую родинку на шее, лишь бы не смотреть в глаза. Его тоже ошеломила моя отзывчивость. Похоже, он не ожидал от меня такой реакции.

– Правда, не кусаешься, – сделал он вывод, переводя взгляд на камин.

– Должна была укусить, – и от стыда встала с места.

– Не уходи, пожалуйста, – остановил он меня, встал, поравнявшись со мной. – Я думал ты, как всегда, оттолкнешь, и я бы сказал, в чем твоя ошибка. – Он нагнулся и налил еще

по стакану вина обоим. – За любовь, которая, обязательно случится, – предложил он тост.

– На брудершафт? – пошутила я, чем вызвала его улыбку.

– Горько, – ответил он, опустошив стакан, с прикрытым рукавом ртом. Было смешно. Grimаса отвращения.

Наш поцелуй оказался дружеским. Мы напились и заснули вместе на полу возле горящего камина. Утром поехали домой.

Мы пробыли вдали от Саранска всего пять дней, а казалось, целую вечность. Как там все? С кем Марина? Как родители? Будем ли мы видеться с Костей? Что новенького? Я боялась возвращаться в ту жизнь. Она почти неделю протекала без меня.

Костя подвез меня до подъезда. Еще в машине:

– Вот и все, – грустно проговорила я, чувствуя, что мне очень жаль расставаться.

– Не все, – накрыл он мою руку своей. – Мы с тобой встречаемся, ты забыла?

– Мы дразним Марину. Но я думаю, теперь это ни к чему. Она будет с тобой и так, – я не хотела выходить из его машины, она стала мне родной. Как грустно.

– Пусть побеспокоятся и Марина, и твой дружок, – хитро моргнул одним глазом он. – Я помогу тебе сблизиться с твоим приятелем. Знаешь, как будоражит соперничество?

Если бы он только знал, что объект моей симпатии – его обожаемая Мариночка. Что я помогала ему, скрепя сердце.

А теперь он хочет, чтобы я была счастлива. Как он ошибается! Моя вина в том, что я позволила ему из врага превратиться в друга. Я еще буду его ненавидеть.

– Посмотрим, – лишь со вздохом выдавила я. Пора. Открыла дверцу, Костя напомнил о рюкзаке на заднем сидении.

– Я позвоню, – он помахал мне пятерней, я заставила себя не оборачиваться, когда пошла к подъезду.

Почему-то было ощущение, что я теряю что-то. Почему-то мне было грустно. У лифта взяла себя в руки. В лифте, улыбнулась, представила, как обнимаю маму.

Мама открыла дверь. Не знаю, зачем я себя так накручивала? Что с ней могло произойти? Моя мама. В том же голубом халате, с той же прической, с той же морщинкой на переносице. Я бросилась ее обнимать, сдерживая слезы. Ни к чему ее больше расстраивать. Она же, заплакала, не ругала, не спрашивала ни о чем, просто обнимала и плакала. Позже, пришлось рассказать обоим родителям, где я пропадала, конечно, не все, местами пришлось приукрасить, где-то не досказать. Отец прочел небольшую эмоциональную лекцию по этому поводу, а потом все улеглось. Все хорошо, что хорошо кончается. Перед сном, мне позвонил Костя, справился о моей домашней обстановке, успокоил меня тем, что мне ничего не угрожает и пожелал спокойной ночи. Да, ночка-то будет чудесной. Я так соскучилась по своей мягкой постельке, по простыням, пахнущим свежестью. Все. Засыпаю.

Глава 16

Сегодня не понедельник, но день обещает быть тяжелым. Мне предстоит пойти в училище, где я встречу с коллективом и с Мариной. Что мы друг другу скажем?

Забежав, раскрасневшаяся с улицы в холл училища, я столкнулась с Ленкой Горшковой.

Она вела себя на удивление странно: мило мне улыбалась, назвала меня «малышом», мне даже показалось, что она смеется надо мной. Далее по коридору, я увидела Марину. Она стояла в компании каких-то незнакомых мне парней, кокетничала с ними. Она была в короткой голубой юбчонке, обтягивающей водолазке, тоже голубого цвета, как и цвет глаз, с распущенными выющимися волосами до локтей. Вау, какая Марина красивая! Ее лицо оформлял аккуратный макияж, а белокурые локоны подчеркивали. Она увидела меня и демонстративно указала в мою сторону.

– Ну, парни, вот моя вторая половина, – радостно встретила она меня, раскинув руки. Мне даже не по себе стало от откровенных разглядываний трех веселых парней.

– Вроде бы девушка, если не ошибаюсь, – блеснул зубами один остряк.

– Она и то, и другое, – воскликнула высокомерно Маришка. Я не знала, как реагировать.

– Как все запущено, – заговорил другой парень.

– У вас нет шансов, ребята,– ответила я.

– Ребятки, советую разойтись, а то костей не соберете, – подняла она на смех мои слова. Она явно издевалась надо мной.

– Понимаем, девушка-зверь,– изобразил остряк дрожь в коленках.

– Хомячок, – поддержала я разговор. – Развлекайтесь, – я пошагала в кабинет, оставив их смеющимися.

– Малыш, не злись, – притворно крикнула Марина вдогонку.

В кабинете она не подходила ко мне, вела себя излишне раскованно в компании девчонок из группы. Понятно, это смех надо мной. Как она может так поступать? Мы ведь две половинки. Мы были неразлучны два года. Теперь я не узнаю ее. Она топчет меня, намеренно унижает, чернит все хорошие воспоминания. Человек не может так сильно ненавидеть друга, которого еще недавно любил, тем более ни за что. Внутри меня бушевал гнев, вперемешку с желанием поставить все точки над і. Такой крутой поворот в моей жизни, а у меня нет сил, чтобы элементарно поговорить с ней. Внутри меня все переворачивалось, не хотелось жить.

Глава 17

Еще немного побродив по пушистому снегу, устав от мысли, что Марина больше не со мной, я решила пойти к ее дому. Может, увижу ее, удастся понаблюдать за ее поведением без меня. Я была уверена, что ей на самом деле плохо, у нее хорошо получается, скрывать свои настоящие чувства. Она не может без меня, как и я без нее.

Войдя в темный подъезд ее дома, я услышала чьи-то голоса наверху. На третьем этаже стояли, разговаривали Марина и ее новые подруги. Я притаилась, их было хорошо слышно.

– Я ее больше знать не хочу, – с какой-то облегченностью в голосе произнесла Марина следующие слова. – Знаете, девчонки, она мне нравилась, как подруга, – сделала она на последнее слово акцент. – Но я убедилась, что настоящих подруг не существует, и Лиля не исключение. Просто, я не чувствовала в ней себе соперницу, тем более она – лесбиянка, – хохотнула она, опровергая сомнения узкого круга слушательниц.

– То есть ты ее любовница, – весело предположила одна из девушек.

– По мне не видно, что я мальчиками интересуюсь? – гордо ответила веселящейся публике Марина. – Татушка! – посмеялась она вновь. А я, раскрасневшись, слушала, – Она, как собачка, всегда бегала только за мной, была моей тенью.

Мне, естественно, это нравилось. Однажды, даже было такое: я разрешила себя поцеловать, а она так разошлась, – истукно рассказывала Маринка. Как мне было обидно.

– Может, у нее и пенис есть? Как таких называют? – остроумно высказалась, по-моему, Светка.

– Гермафродиты, – хихикнула одна из них.

– Не знаю, слава Богу, мама вовремя пришла, дальше поцелуя дело не пошло, но какое было рвение. В общем, стало понятно, что моя подружка, лишь прикидывается подружкой. Но мне льстит, что и она волочится за мной, – взрыв смеха.

– Обалдеть! – кто-то еще удивлялся. – Пристать что-ли к ней при встрече? Но в твоём присутствии у меня, конечно, нет шансов.

– Бери ее себе, она начала отпугивать моих парней, начала мне врать, в общем, – она подбирала слова, – она у меня еще узнает, – решительно погрозила Марина.

– Отпугивает, это как? – засмеялась компания.

– Одного из моих парней, увела, паршивка, – так же весело продолжила она рассказ.

– Значит парень слепой. Зачем тебе слепой парень? – недоумевали девушки дальше. – Может, парень голубоват? Запутался в ориентации.

– Я думаю, он с ней мне назло, – заверила она приятельниц. – Я в два счета его верну, и мы все посмеемся над этой дурочкой.

Больше я там задерживаться не хотела. Я пребывала в шоке от услышанного. Голова, как будто, была под давлением. К глазам подступили слезы. Ну не могла она так со мной поступить, я же знаю ее. Я могла с закрытыми глазами пойти за ней, куда угодно. Не могу представить, что ей так просто наплевать мне в душу. Она подняла на смех мои тайные признания. Хотя бы над этим не смеялась бы. Я не думала, что ее жестокость и бесчувственность когда-нибудь обернется против меня. Она играла на чувствах многих. Теперь со стороны хорошо видно ее истинное лицо. Я должна была бы почувствовать к ней отвращение, но нет, я пребывала в некоем вакууме. Ничего не видела вокруг, лишь шла, медленно перебирая ногами, по какой-то улице и придумывала объяснение ее словам.

Потерянная, я еще долго бродила по темным улицам, преодолевая желание повеситься. Мои размышления ничего мне не дали, я только продрогла до костей.

На часах было уже десять часов вечера. Шел сильный буран. Людей на улице почти не было. Я, замерзшая и усталая, шагала домой, с трудом преодолевая снежные заносы. Вокруг торжествовала зима – мое любимое время года. Если бы не бешеный ветер, может, я бы полюбовалась на красоту своей родной улицы, лишь бы забыть обо всех своих проблемах. Каждый год площадь перед моим домом украшают различного цвета лампочками, плакатами, новогодними игрушками. На площади ставят большую елку. Все во-

круг становится сказочным, люди добрее, дети счастливее. Только сегодня очень холодно и паршиво. Донести бы свое тело домой, принять горячую ванну и, укутавшись в плед, посмотреть какой-нибудь красивый предновогодний фильм, как раньше.

До нового года еще две недели, а дедушка мороз уже навел свои порядки. Ветер кружил и кружил, будто хотел поднять меня в воздух и унести с собой. Он совсем не жалел меня, измученную и легко одетую в коротенькую серую дубленку, под которой только тонкий свитер. В зимней кепке с козырьком, в обтягивающих джинсах, с треугольным рюкзаком за спиной, я доковыляла до своего подъезда.

Дома, я уснула перед телевизором, закутавшись в мамин плед. Я буквально провалилась в сон, как только «оттаяла».

Глава 18

Пары закончились. Я первой вышла из кабинета, чувствуя жжение на затылке и на лице от сверливших взглядов. Одеюсь и пошла в курилку, так сказать «выпустить пар». Только приступила, ко мне подбежал Костик и обнял.

– Ты спятил, – запротестовала я от неожиданности и уронила сигаретку.

– Не сопротивляйся, сюда идет Марина, – шепнул он мне на ушко. Костя сделал вид, что целует, соединив наши губы. Мы вновь целовались. Марина нас заметила. Сама не знаю, зачем я подыграла Косте – не успела сообразить. Костя позвал ее к нам. Как ни странно, она подошла.

– Не помешаю, – поинтересовалась экс-подруга, косо глядя на меня.

– Костя уже уходит, – пихнула я его, появился отличный шанс поговорить с Мариной.

– Я подожду тебя в машине, – согласился Костя и, как назло, снова чмокнул, затем, улыбнулся Марине и ушел. Как неловко.

– О, вы встречаетесь? – высокомерно заметила она.

– Нет, – просто ответила я.

– Перестань врать, хватит. Я знаю, что вы встречаетесь с ним с того дня, как уехали на его машине без меня, – взорвалась она. – Это он попросил тебя врать, или сам вешает

лапшу тебе на уши?

– Ты все неправильно понимаешь, – как абсурдно звучало мое оправдание, Марина даже рассмеялась.

– Это ты ничего не понимаешь. Костя использует тебя, чтобы насолить мне, дурочка. Я ему нравлюсь, – уверено провозгласила она. – Он сам мне и сказал в тот же вечер, когда ты свой телефон у него в машине посеяла, может еще кое-что, – нагло предположила она.

– Как ты можешь так говорить? – удивлялась я ее злости в мой адрес. – Ты же топчешь меня, ненавидишь, как врага. Не хочешь выслушать меня? Выслушать правду?

– Помнишь, я спрашивала про телефон? Я ждала искренности от тебя тогда. Ты предпочла соврать, – как заведенная тараторила она. – Предлагала мне его еще перед вашей поездкой, расхваливала. Что за непонятный порыв?

– Да не нужен он мне, – повысила я голос. – Я не думала, когда связывалась с ним, что это положит конец нашей дружбе. Ты из-за Кости так переживаешь или из-за того, что я тебе ничего не сказала? – вышла я из себя.

– Это уже ничего не изменит. Нравится тебе Костя, не нравится, я все равно у тебя его заберу, – сообщила свое решение Марина.

– Костя не вещь, чтобы его забирать. Захочет, будет с тобой, не захочет – не будет, – в этот момент мне захотелось, чтобы Костя остался со мной, просто, чтобы Марина не получила желаемого.

– Глупая ты, – ухмыльнулась она, – правда, думаешь, Костя с тобой серьезно? Да я только пальцем его поманю, он у моих ног валяться будет. – Она даже показала жест пальцем, настолько увлеченно она язвила.

– Куда уж мне до тебя, – проглотила я обиду, удивлялась сама себе, как я могла быть слепа на протяжении двух лет. Она так мыслит. – У тебя красивые глаза, шикарные волосы, стройное тело – да все при тебе, только у тебя внутри пустота. Красивая картинка, для глаз любого парня, только позже ощущается испорченный запах, – вот объяснение ее сущности.

– Ха-ха-ха, – притворно и серьезно проговорила по слогам Марина. – Ты у нас внутри красотка – не разглядеть, но парни любят ярких. Кстати, – уставилась она на меня, – раз уж на чистоту, скажу, ты никогда не будешь счастлива, lesbi. Со мной у тебя ничего не вышло, теперь уже и не выйдет. Ты подохнешь одинокой и ненужной никому, – самодовольно улыбалась она.

– Ну конечно, ты ведь у нас центр вселенной. Вокруг тебя все крутится. Все любят только тебя. Как же иначе? – сказала я с иронией в свое оправдание.

– У нас проверка была, помнишь? – хитро приподняла она бровь. – Не вовремя мама пришла, да? Как было жарко, – широко улыбалась она, и ее глаза злорадно блестели. Она была сама не своя.

– Может, хватит, – разозлилась я. – Чего ты хочешь? Да,

было, но ты растоптала все, все мои чувства, – не выдержала я. Знаю, это конец. Так пусть и она знает. – Всем рассказала о своей воздыхательнице? А, еще Костя не знает. Не порядок, иди, да расскажи! – сказала я напоследок и, плюнув, под ноги от досады, пошла своей дорогой.

– И пойду, – кинула она мне в спину.

Ну и счастья вам!

Решено, в училище я больше не пойду. Мне там нечего делать. На Костины звонки, если они будут, я не буду отвечать. Марину я больше видеть не хочу. Себя тоже. Вот только с собой что делать. Хочется уснуть. Отключиться. Не думать ни о чем. Даже дышать надоело – нет сил.

Глава 19

Уже на протяжении двух недель, я ничем не интересуюсь. Две недели, я существую в своем мире. Я сижу дома, точнее, в своей комнате и болею. Ни отец, ни мать не могут меня понять. Я не хочу ни с кем говорить, никого видеть. Я живу впустую, занимаю чье-то место в жизни. Возможно, я вообще не из этой планеты, ошибка природы и тому подобное. Мне очень одиноко и плохо. У всех сегодня новый год, новое счастье, а я, как чудовище, не могу даже выйти из дома, не хочу. Да и куда мне идти? Все в новый год, с любимыми, с друзьями. Я даже Костю за две недели не слышала, сама виновата, отключила телефон. Он, скорее всего, занят, не может оторваться от красивой картинки. Зачем вспоминать обо мне? Кто я? Друг из жалости. Заложница его обстоятельств. Все кончено, меня словно нет, и никогда не было. Я – ошибка природы.

– Маленькой елочке, холодно зимой, – напевал папа, украшая двухметровую елку, даже меня не заметил. Во всей комнате пахло хвоей. На стене мелькали гирлянды, а на потолок папа, как раньше подвесил цветную мишуру, фантики от конфет, как нравилось мне когда-то в детстве.

Все было готово к встрече нового счастья. Через четыре часа пробьют куранты. Что они изменят? Чем еще удивят? Даже думать противно. Мама очень счастлива. Уже с утра

гремит кастрюлями на кухне. Этот новый год, мы встретим всей семьей, вот, что ее радует. Я так же незаметно вышла из зала, как вошла. Дальше вышла в коридор. Возникло одно желание – покурить.

Спустилась этажом ниже и присела на лестницы. Включила свой телефон. Мне было интересно, звонил ли мне кто-нибудь. Как по волшебству, мой телефон зазвонил, как только включился. На табло было написано – Марина. У меня затряслись руки. Я не могла не ответить.

– Лиль, – расстроенным голосом проговорила она. – Куда ты пропала? – всхлипнула Марина.

– Что с тобой? – по инерции спросила я, удивленная ее состоянием.

– Мне так плохо, приходи ко мне, – попросила Марина и вновь всхлипнула.

Она застала меня врасплох. С одной стороны, я еще не забыла обиду, с другой – мне ее стало жаль. Что она вновь натворила? Почему так расстроена? Выслушать ее или послать? Я сдалась.

– Я сейчас, – пообещала я.

В спешке, я надела, что попало под руку. Родителям сказала, что скоро буду. Хотелось лететь, но я держала себя в руках или в ногах, это не важно. Она хочет меня видеть! – радовалась я, – как могло быть иначе. Вскоре я дошла до ее дома и до ее двери. Звонок. Открыла моя закадычная подруга, только заплаканная и грустная. Я сделала, как можно бо-

лее невозмутимый и безжалостный вид.

– Тебя и Костя бросил? – предположила я, стоя на пороге. Обычно, я ей нужна, когда ее бросают парни.

– Ты, – виновато ответила она и попросила войти. Мы остановились в ее комнате. – Прости меня, малыш, – обвила она руками мою шею. Она действительно плакала. – Я так виновата перед тобой. Я думала, что потеряла тебя навсегда. – Не выпускала она меня из объятий. Чувствую, как начинаю таять, узнаю свою подругу.

– Почему ты так себя вела? Не представляешь, как мне было плохо. – Я тоже с облегчением обняла ее.

– Представляю. Я сама себя наказала. Тебя мне никто не заменит. – И Марина спешно накрыла мой рот губами. Мы целовались. Такой поворот событий. Сегодня. Я не ожидала. Она буквально вцепилась в меня. Соскучилась. Поняла, что только со мной она будет счастлива. Во мне вновь проснулись дремавшие чувства. Мы больше не стыдимся. Мы любим друг друга. И гори все синим пламенем...

В моих руках королева: изящная, нежная, единственная. Ее поцелуй свел меня с ума, я стала смелее. Она предавала мне уверенность. Я хотела было спросить ее о том, что мы делаем – она не дала.

– Не говори ничего, закрой глаза.

Об этом она могла бы и не просить. Мои глаза и так прикрывались от наслаждения, когда она касалась меня. Я хотела отблагодарить ее за внимание и ласку. Глядя ей прямо в

глаза, я осторожно и трепетно стала расстегивать ее халатик. Взгляду открылась бархатистая светлая кожа. Я провела носом по ее матовому плечу. Как же сладко от нее пахло! Запах дыни – мой любимый запах. Марина тоже не стояла на месте. Она была опытнее меня в таких делах, сразу нашла мое уязвимое место. Она приблизилась к уху, стала ласкать его языком, потом легонько прикусила мочку. От прилива слабости, нежности и желания, я снова прильнула к ее губам на много смелее первого раза. Мои руки итак блуждали по ее обнаженному телу, осталось лишь убрать лифчик для полного блаженства. Когда и грудь стала в моей власти, я покрыла эту наготу поцелуями: ее шею, плечи и ниже, округлости груди. Я поражалась своему рвению утолить жажду желания, любить ее, наконец-то, владеть каждой частичкой ее тела и накрыла ртом ее набухший сосок. Марина изогнулась и издала легкий стон. Упал на пол халат. Марина прикрыта лишь трусиками. Пара показаться и мне. Мы занялись моим раздеванием. Я думала только о предстоящей сладкой пытке, о ее умелых руках на своем теле. Я вновь прикрыла глаза, она прижалась ко мне своим горячим телом. Сердце бешено прыгало в груди и дыхание участилось. Марина толкнула меня на холодную кровать, сама принялась гладить меня ниже пупка. От избытка эмоций я вцепилась в одеяло и сладостно простонала ее имя. Мы были одни и долго об этом мечтали. Я дрожала под этими ласками, впитывала их, как губка, чтобы не подумать, что это сон, так как глаза мои закрыты. Я

не хочу их открывать, а если это сон, то я не желаю просыпаться. Вдруг я почувствовала на себе другие пальцы, более грубые, влажные. Я моментально открыла глаза и вскочила. Кроме Марины, рядом со мной оказался парень. Тимур – ее прежний возлюбленный. Он был уже в плавках и навалился на меня. В ужасе и гневе, я посмотрела на Маринку. Она хитро улыбалась.

Собрав все силы, как смогла, я вывернулась и ударила его в возбужденный пах. Сработало, он оцепил руки. Теперь надо было бежать оттуда, как можно скорее. Уже не глядя на улыбающееся, предавшее меня лицо, я собирала свои вещи по комнате. Голая, я выскочила из квартиры в подъезд. Слава Богу, там никого не было. Я никогда так быстро не одевалась. Я побежала вниз, покрасневшая, гонимая стыдом и страхом. Мое бедное сердце, бежало где-то впереди меня. На первом этаже, я столкнулась с Костей. Он на радостях попытался меня остановить, но тщетно. Я, как одержимая, закричала на него и вырвалась из его слабой хватки. Дальше, не помня саму себя, я долго бежала, пока не выбилась из сил. Потом упала на снег и зарыдала. За что? – крутился в моей голове вопрос. За что она так со мной? Я запуталась. Какой плевок в душу. Как с этим жить? Я не хочу с этим жить!

Я винила только себя за свою наивность, за свою слабость, за свою глупость, за свою ничтожность. Сегодня я совершила фатальную, финальную ошибку. Эту ошибку мне уже не исправить. Вместе с хлопком петарды, взорвавшейся недале-

ко от меня, я впервые серьезно задумалась о самоубийстве. Полная решимости, я встала на ноги и пошла. Я сделаю это сегодня. Я – это ошибка! Я так устала. Я докажу им всем, что зря они так со мной поступили. Как сильно они обидели меня. Они еще расскажут. Появилась сильная горечь во рту, что меня затошнило. Дальше я встала и пошла к ларьку. На последние деньги, я купила бутылку водки и стакан. Спрятала за пазуху, чтобы не привлекать внимания. Куда податься? Ответ очевиден. Сегодня все закончится рядом с домом Марины. Крыша ее дома закрывалась всего лишь на гнутый гвоздь. Мы с Маринкой не раз поднимались туда раньше позагорать. Сейчас я лезла одна. Конечно, с трудом, я справилась с гвоздем и рывком открыла дверцу. Мое вторжение на крышу никто не заметил, все шло по задумке. Так же как и у меня в душе, на крыше было пусто и холодно. Это мое место, – подумала я. Как хозяйка, я прошлась по своим владениям, даже взглянула вниз. Ветер зловеще выл, будто звал беду и толкал меня. Честно сказать, я до слез боялась задуманного, но мужественный упрямый характер твердил свое: «Сказал – сделал». Не было у меня пути назад.

Я присела возле дверцы и налила горькую. Сердце и зубы стучали почти в такт. После двух выпитых стаканов стало спокойнее. Моя холодная душа наполнилась воспоминаниями, стало теплее. Я готова умереть ради нее, не каждый влюбленный на такое решится. Тут я вспомнила ее последнюю улыбку. Она будто была пьяна. Может, и была. Она без-

душно растоптала преданную дружбу и нежные чувства. Так жестоко поступить с родным человеком! Я еще выпила, закусила снегом. Горькая жизнь, горькая смерть... Может, бог меня для себя готовит? Он любит страдальцев. Нет, – отдернула я свой уже нетрезвый бред, – он нарочно не дает мне жить, я – его ошибка, – я начала пить из бутылки.

Слов больше не осталось, водки тоже. Я превратилась в тряпку. Меня клонило в сон, я не владела собой. Я с трудом встала, вспомнив о последней своей миссии. Мне не будет больно, я пьяна, – соображала я, – и ковыляла к краю. Смотрела ровно перед собой и медленно шагала. Весь город в моих мокрых глазах застыл в ожидании прыжка. Я готова.

Глава 20

– Не боишься упасть? – проговорил сзади какой-то худой, грязный старик с мешком, напугавший меня до смерти.

– Как раз собралась, – растеряно шаталась я, стоя на месте.

– Зачем? – Присел старик рядом с моей бутылкой. – Думаешь, ты живешь хуже всех? Хочешь услышать о моей жизни? – Старик налил себе из моей пустой бутылки полный стакан. Я не поверила своим пьяным глазам.

– Кто бы ты ни был, ты не уговоришь меня остаться. Я решила уйти.

Вновь полились слезы из глазниц.

– Расскажи мне про свою беду, может, я помогу тебе.

Протянул бомж мне полный стакан.

– Мне никто уже не поможет. Я не хочу больше жить на этой земле. Я исчерпала свой лимит.

Откуда он еще здесь взялся, здесь же не было никого, – удивлялась я. – Что за галлюцинации.

– Ты знаешь, через пять минут наступит новый год. Он заберет все плохое и исполнит все наши желания, – говорил старик.

– Я поняла, ты, что-то вроде моей совести, ты мне только чудишься, – засмеялась я и пошла ближе к карнизу. – Мое последнее желание дедуля тоже исполнит, – засмеялась грустно я.

Старик пошел мне навстречу, я испугалась, что сейчас прыгну. – Дай мне руку, все наладится. – Дед медленно приближался, протягивая мне свою грязную ладонь. Моя правая рука задрожала. Она сама начала тянуться к нему. Он смотрел на мою ладонь и странно ухмылялся.

– Не подходи, я никому больше не верю! Я исправлю эту ошибку! Я не должна была родиться! – кричала в отчаянии я, спрятав руку за спину.

– Ты добрая девочка, и ты права, – в глазах этого старика сверкнул огонек, на лице изобразилось что-то наподобие оскала. Это мне, наверняка, чудится, но старик пошагал ко мне.

– Ты согласен со мной? Я не хочу так жить, – я покачала головой, ступив еще дальше, туда, где больше не было крыши. Я стремительно полетела вниз, видя перед собой удаляющегося странного улыбающегося старичка. Какое звездное небо, – только успела я подумать. Удар. Все.

Глава 21

Только я раскрыла глаза, сразу почувствовала боль во всем теле. Я умерла, – подумала я. Но где я? – удивленно оглядывалась я. За рулем шикарной машины. Спортивный кожаный руль с металлическими вставками, красный дорогой салон. Я запаниковала: Что я в ней делаю? Что со мной? – Вдруг, в зеркале заднего вида, я увидела лицо Тимура, тут же осмотрелась по сторонам – я была одна в салоне. Что за черт, – глядела я в зеркало. Это же мое отражение.

– Что за черт, – прошептала я и вздрогнула, голос тоже не мой, так же, как и руки, ноги, все тело. Меня одолел ужас. Как такое могло случиться? Это какой-то сон, – прохныкала я, – скорее всего, я уже умерла, – вздохнула я с облегчением. На ощупь все казалось натурально. Я решила посмотреть, что снаружи. Пошевелившись, вновь ощутила адскую боль уже в ногах. Мертвые не чувствуют боли, – подумала я и прослезилась. – И не плачут, – добавила, глубоко вдыхая. Надеюсь, у меня не остались какие-то дела на земле, и я не стала приведением, как в фильме с Патриком Суэззи. Может, самоубийцы, так и бродят по земле? – насторожилась я. Надо выйти из машины, – заставила я себя. Странно, но я ощущала себя живой. Я чувствовала мороз, слышала, как люди веселятся в своих квартирах и на улице. Я увидела взрывы салюта в небе недалеко. Все было по-прежнему, кроме моего

тела. Где оно? Почему я – Тимур? Тогда, где он сам?

Я пошла дальше, убедиться, что я настоящая. Первая пара проигнорировала мой вопрос о времени, я пошла дальше. Третья парочка мне хоть и грубо, но ответила, что почти час ночи. По плакату из лампочек с надписью 2002 год, я поняла, что я была мертва примерно полчаса, которые как раз не помню. Сейчас я странным образом оказалась в теле Тимура – человека, которого ненавижу. Я вновь пошла к дому Марины, к той самой машине, в которой очнулась. Села в эту машину и начала рыскать в поисках ответов. Обыск машины хозяина не выявил, но я подозревала, что это машина Тимура. В бардачке, я увидела пистолет и пакетик с белым порошком. Значит, мне выпала веселенькая жизнь, – подумала я, захлопнув бардачок. Еще была мысль – спрятаться подальше, ведь Тимур, судя по всему, преступник. Тут меня осенило. Марина может, что-нибудь прояснить. Я нашла в кармане куртки ключи. Лучше закрыть эту дорогушу. Нажав на кнопочку брелока, я поспешила к подружке.

Я позвонила в дверь. Она сразу открыла ее.

– Куда ты пропал? – заныла она пьяным голоском. – Вышел к машине и, как сквозь землю провалился, – с этими словами она принялась меня настойчиво раздевать. – Я заждалась уже, – я запротестовала и прошла в квартиру.

– Ты меня ждешь? – прошла я по всем комнатам, заглядывая в шкафы, чтобы убедиться, что мы действительно одни. Не могу больше доверять никому.

– Что с тобой? – ходила она за мной. – Кого ты потерял? – она вновь обняла меня. – Иди ко мне.

– Давай поедим, – отстранилась я от нее. – Выпьем, – я села, как хозяйка, указывая ей на противоположное место. Она странно на меня посмотрела.

– С новым годом, с новым счастьем, – сказала она, подняв, налитый мной фужер, с шампанским и мило улыбнулась мне.

– Что у тебя с Костей? – холодно поинтересовалась я, накладывая себе «оливье».

– У меня? Тим, ты головой не ударился? – услышала я раздражение в ее голосе. – С Костей может быть что-то только у тебя. Тебе он миллион должен за то, что угнал машину твоего кореша.

– Он ее из-за тебя угнал, – поняла я тогда. – Какой дурак, – мотала я головой, поражаясь. Это же от Тимура, мы тогда скрывались в рязанской области.

– Лиле он нравился, они стоят друг друга, – засмеялась Марина. – Как мы сегодня сделали их, – смеялась, как сумасшедшая, не стыдясь ни капли, подружка.

– И Косте попало? – удивилась я.

– Как он за нее вступился, – воображала она. – «Что вы с ней сделали?», «Марина, ты не права», – весело изображала она, потом под села ко мне ближе и обняла. – Но с тобой не побалуешь, ты мой король. – Марина вновь полезла целоваться. Я думала совершенно об обратном, но мой организм взял свое. У меня в штанах кое-что зашевелилось, что-

то новое, будоражащее – я никогда не чувствовала подобного. В штанах будто бы жило самостоятельное существо, и жило оно по своим правилам, не подчиняясь мне. Я испугалась. Что я буду с этим делать? Сумею ли не наделать глупостей? Тем не менее, Марина не сомневалась в моих способностях. Что говорить, она и в Лилиных не сомневалась. Я опять попала под чары этой коварной искусительницы. Я должна была ее возненавидеть, но она была так близко и желала меня. Я закрыла глаза – об этом я мечтала всю жизнь. Я теперь Тимур – мужчина, стыдиться больше нечего. Она по-прежнему мной владеет. Она, как всегда, знает обо мне больше, чем я сама. Пришло время владеть ею.

Глава 22

Через полгода жизнь поцанки, полной неудачницы, серой мышки, неудавшейся лесбиянки, ошибки природы, в том числе, по непонятным природе причинам неузнаваемо переменялась. Неузнаваемо ни для кого. Боженька сжалился надо мной и отдал мужской душе мужское тело, хоть и чужое. Не хочу даже думать где мое – я обрела себя. Моя новая жизнь имеет и минусы. Тимур – бандит, наркодилер. Он ведет опасные дела с головорезами, не только в Мордовии, но и по всему миру. Благодаря моему нынешнему приятелю и двоюродному брату Тимура, тому шкафообразному типу, который избил в свое время Костю, я вошла в курс дел. Я сказала ему, что в новогоднюю ночь, меня кто-то ударил сзади по голове чем-то тяжелым, теперь у меня частичные про-

валы в памяти. Он все понял и во всем помогал.

У меня куча друзей, куча врагов, куча поклонниц. В моем новом облике, у меня много увлечений. Я отрицательный персонаж, плюющий на морали и чертовски привлекательный. Девчонки стелются передо мной, а я купаюсь в их внимании. Но не забываю и о Марине. Она всюду со мной, хотя я и вижу, как она испорчена. С тех пор, как она связалась с Тимуром, она под села на героин. Мой протест уже бесполезен, она живет нормально только за счет наркотика. Это ее выбор – как она говорит. Она хитра, изворотлива, за деньги она готова на все, что она неоднократно и доказывала. Бесспорно, для всех она королева, но не своей жизни. Мне больно за нее. Она родилась красавицей, но, заигравшись, она пустила свою жизнь под откос – глупо подарила ее законченному бандиту. Я оправдываю себя, говоря, что она сама себя погубила, с подачи настоящего Тимура, а не нынешнего, я лишь могу теперь держать ее при себе.

Жизнь усложнилась. Жить на свете стало невыносимо сложно. Улица превратилась в страшное место, где волей или неволей будешь подчиняться негласным законам времени. Кто же принимает эти законы? Законы, по которым люди, дети становятся зомби. Под зависимостью от наркотиков оказывается каждый подросток, взрослые живут от дозы к дозе, пока не придет их конец. Единицы взрослых каким-то чудом еще держались, но их с каждым днем становилось меньше. Наркотики становились все изощреннее, опас-

нее. Правительство предпринимало попытки бороться с накрывшим мир бедствием, но их действия были бесполезны. Масштаб наркомании стал настолько велик, что уже казался нормой для нашей жизни. Может, властей устраивало такое положение вещей, ведь можно было управлять безвольными массами, не тратится на зарплаты и пенсии. А может, они уже не могли с этим ничего поделать. Народ потихоньку умирал в расцвете сил. Люди не видели выхода, не слышали уговоров, не боялись наказаний. Мир сходил с ума. Я почему-то чувствовала себя виноватой в этом. Будто должна была предотвратить этот хаос. Будто могла все изменить, но не знала, как начать. Внутри меня будто сидели два человека: один мог свернуть горы, а другой хотел лечь и умереть от безысходности.

С Костей, я вижу его редко. Увидев его, как-то месяцев пять назад в машине брата, я узнала, что он на нас работает. Мой братец, заставил его распространять наркоту за долг. Я знаю, Костик ненавидит меня, то есть Тимура, и есть за что. Хотя я и освободила его от долгового рабства, он никогда мне не простит то, что упустил Марину, и то, что творится вокруг благодаря таким, как я. Костя хороший парень, не поддавшийся влиянию своего окружения. Он очень умный и всегда стоит на своем. Я это точно знаю. Разглядела тогда, когда мы скрывались. Тогда он был настоящим. Он, как и я, полюбил картинку. У него не было шанса понять, что Марина ему не нужна. Я отпустила его, пусть злится, сколько хочет, но дер-

жится подальше от бед.

Больше полугода, я живу без родителей, а мои родители без дочери. Я часто думала о них, жалела, но долго не решалась, увидится с ними. И как-то раз, когда мы заговорили с Мариной об исчезновении Лили, я уговорила ее сходить к моим родителям. Когда в дверях появилась мама, когда-то пухлая, сейчас похудевшая размера на два и постаревшая лет на пять, мне захотелось убежать. Они убиты горем, а я жива. Я смотрю на маму Лилиными глазами и не могу ничего сказать. Увидев Марину, в маминых глазах зажегся огонек надежды. Марина пришла впервые, может, есть новость. Когда мама, услышала Маринины соболезнования, то прослезилась, а я обняла ее. Две секунды я побывала в прошлой жизни, в объятиях своей мамы, потом она насторожено посмотрела на меня и зашла домой, закрыв дверь.

Отца я не видела и больше не ходила к своим. Я ничем не могла им помочь и не хотела больше мучить себя. Лили больше нет.

Глава 23

Лето. Жара. Девочки с голыми пупками. Интересно то, что в облике Тимура, я поняла лучше сущность девчонок. Красивые, модные, смелые, веселые, уверенные в себе. Такие – под словом «нет», подразумевают «да». Такие хотят отхватить от жизни все самое лучшее, и чтобы непременно кто-то за это заплатил. Даже идя по головам, растоптав свое самолюбие – любым путем. Я жила среди таких и раньше.

Они смеялись надо мной, потому что я была другой. Сегодня, я смеюсь над ними, я в их окружении, и они меня обожают. Завтра, они будут мне противны. Даже когда-то горячо любимая мной Марина мне опротивела. Лживо клянется мне в любви, хотя любит только деньги и свою зависимость.

После очередной ее драки с матерью и двадцати звонков мне я подхожу к ее дому. Из ее подъезда вышел Костя. Странно. Что он там забыл? Завидев меня, он пошагал в другую сторону. Я проводила его взглядом, потом поднялась к Марине.

Марина сидела на лестнице и плакала. Я потихоньку присела рядом, она не отреагировала, будто не заметила. А я готовилась к ее истерике.

– Какая я дура, – заревела она и закрыла лицо руками. Я молчала, она частенько срывалась. – Костя был прав, – неожиданно начала она. – С тех пор, как пропала Лиля, все пошло кувырком, – всхлипнула она. – Она была моим ангелом-хранителем, чистейшим человеком, моим лучшим другом, – с горечью говорила Марина.

– Ты слишком поздно это осознала, ее уже полгода как нет с нами. – Я удивилась ее речи, видимо, меня поминали несколько минут назад.

– Ты виноват в этом! – крикнула она на меня. – Из-за тебя она исчезла. Что ты с ней сделал? – набросилась она на меня с кулаками. – Куда дел? – вновь заплакала Марина, обессиленная после попыток вырвать руки из моей хватки.

– Успокойся, – обняла ее я. – Я тоже не имею понятия, где она. – И это правда, но меня она перестало волновать. – А Костя еще получит за свой визит, – разозлилась я. Что ему нужно?

– Не смей трогать Костю. Лиля всегда его жалела, в отличие от некоторых, – запричитала Марина, как никогда, даже странно.

– Не трону я его, – уверила я. – Может, и сойдешься с ним, по старой дружбе, – проверила я ее реакцию.

– Мне ты нужен, Тим, – испуганно прижалась она ко мне. – Костя действительно нравился Лиле. Я помешала им, а надо было помочь. – Гладила она меня по волосатой руке. – Когда появился ты, я ее простила, хотела с ней поделиться впечатлениями от новых ощущений, – она имела в виду наркотики. – Мне не нужен был ее Костя, я бы все ей отдала, – призналась она. – Я так соскучилась, – зарыдала она.

– Наркотики тебя погубят, – заключила я, а у Марины загорелись глаза. – Лиля не нуждалась ни в Кости, ни в новых ощущениях, ни во мне, – завершила, хмыкнув, я.

– Я нуждаюсь. У тебя есть? – судорожно вцепилась она в меня.

– Ты же знаешь, я не ношу с собой, – недовольно буркнула я.

– А в машине? Там есть, я знаю, – настойчиво просила она, я, молча, смотрела. – Если я умру, тебе станет легче?

– Ты обязательно умрешь, – завершила я ее, – если не согла-

сишься на лечение. – Я уже неоднократно предлагал ей лечиться, но она не признает себя зависимой. Она сравнивает это с сексом. Ей нравятся ощущение оргазма, когда ей этого захочется. Как заядлый курильщик, не куривший полдня – также сравнивает она.

Я бросила пакетик с порошком на лестницу и сказала:

– Это последняя твоя доза.

Потом я ушла, ненавидя себя за слабость. Возле соседнего подъезда, я заметила стоящего ко мне спиной Костю. Я не могла не подойти.

– Что ты здесь трешься? – обратилась я к его спине. Он обернулся.

– Стою, курю, никому не мешаю. В чем дело? – с вызовом ответил Костя.

– К Марине подходил? – дружелюбно держалась я.

– Не переживай, между нами ничего не произошло. Я всего лишь задал ей пару вопросов о безвести пропавшей Лиле. Ее исчезновение не дает мне покоя. А тебе? – тонкий намек от Кости на то, что он не верит в благополучное исчезновение девушки.

– А что же мне свои вопросы не задал? – хмыкнула я. – К Маринке побежал. Небось, ее увидеть хотел? – потихоньку нажимала я. – Соскучился.

– Я же сказал, она мне не интересна, так что расслабься, красть в мешке, я ее не собираюсь, – заверил Костя. Он был зол, что меня накалило. Я отвернулась.

– И что это нормальным парням пустышки вроде Марины жизнь портят? – спросила я пустоту.

– Ты просто гад, – стиснул зубы он. – Это ей с тобой не повезло. Из-за таких, как ты, урод, нормальные люди страдают, – еле держал себя в руках Костик, сжимая кулаки.

– Ты себя с Маринкой имеешь в виду? – догадалась я. Как он был зол. Похоже, он не успокоится, пока сам не наступит на грабли. Хорошо, пусть наступит. – Хочешь ее? – предложила я.

Костя горько хохотнул в сторону.

– Раз ты до сих пор по ней сохнешь, я дарю тебе возможность быть с ней, – пожалела я его, хотя едва ли Марина его осчастливит, как и меня когда-то.

– Зачем ты с ней так? Она тебя любит? Ты готов предложить ее кому угодно? – потупив взор, обращался он ко мне, – Она же, как маленький ребенок. Ты, подонок, готов сгубить такую красоту? – поражался он.

– Красивая, светлая, чистая, – только это и видно со стороны? – улыбалась я его наивности. – Она прозрачная, парень, пресная. Поверь мне, этот ребенок обдерет до нитки любого богатенького лоха, – договорив, я получила по физиономии от разъярившегося глупца, признаться, в первый раз в обеих моих жизнях. Я устояла, стерпела, как настоящий мужчина, выпрямилась.

– Молодец, похвально, – похлопала я трижды, потом потерла болевшую челюсть. – Я покажу тебе твою королеву.

Только условие: когда поймешь, что ни ты, ни я, ей не нужны, признаешь, что я оказался прав, ты извинишься за то, что врезал мне и наговорил.

– Если она захочет остаться со мной? – почти провозгласил он.

– Совет, да любовь! – воскликнула я, уверенная в обратном.

Мы пожали друг другу руки. Во взгляде Кости заблестела уверенность. Рукопожатие было всего лишь печатью нашего договора.

Я желала Марине добра, но не в виду Кости. Они оба были мне дороги, как светлая память о моей прежней жизни. Марину я хочу вылечить, это мой долг. В нынешнем положении Костя вновь «пролетит». Может, вылечившись, она повзрослеет и поумнеет, а останется со мной или уйдет к Косте – это не важно.

Я ее больше не люблю, я о ней забочусь. Нельзя сказать, что она любит меня, просто я остаюсь для нее Лилей в облике Тимура – всегда рядом. Я не говорю ничего по поводу взаимных взглядов ее и моих приятелей, партнеров по бизнесу, не замечаю ее измен. Она даже, находясь в женском туалете, умудрялась мне изменить. Претензий давно уже нет. Я знаю свою подружку.

Сегодня Костя узнает, как хороша и чиста его возлюбленная. Я сообщила ей, что Костя снова в деле, поработает курьером некоторое время. Марина удивилась, изменилась в

лице. Еще бы, Костя даст ей все, что она пожелает, а я воспользуюсь этим, спущу Костю с небес на землю.

Глава 24

Мы встретились с Костей в семь вечера. Он прокатит нас сегодня на своей машине, которую почти отработал у меня. Костя согласился на мои условия. Я сама сведу их с Мариной.

Она ждала нас уже возле подъезда. Как всегда в мини, как всегда сногшибательно выглядела. Села она, конечно, сзади, рядом со мной, оглядев сначала оценивающе Костика, он поздоровался.

– Представлять друг другу вас не надо, – начала я. – Мы поужинаем вместе. Мне надо обсудить с Костей кое-какие дела, – довела я до ее сведения. – В кафе «Весна», – успела я объявить, и зазвонил телефон. – Слушаю, – недовольно ответила я. И что? – недовольство росло. – Сейчас? – спросила я дальше. – Хорошо, подождите, – завершила я разговор и объявила. – Ребятки, вы едите без меня. Я к вам через час присоединюсь, – поспешила я. – Детка, развлечешь его пока, – чмокнула я ее в губки, она послушно кивнула. Я сказала Косте, – А ты не шали, – и погрозила пальцем. – Через час, в кафе «Весна», – и вышла из машины. Никто не знал, что вместо себя я оставила маленькую камеру в свертке на задней полке.

После просмотра записи стало не по себе. Только немного отъехав, послушная девочка на ходу пересела вперед. Костя,

не отводя глаз, смотрел за ее выходкой.

– Ненавижу ездить сзади.

Засмеялась Марина над Костиным выражением лица. Костя тоже засмеялся от удовольствия ее приятного общества.

– Давно подружился с Тимуром? – продолжила непринужденно она, задорно глядя на Костю.

– Мы не дружим, – взволновано ответил он, что позабыло Марину.

– Расслабься, а то мы до кафе не доедим, – улыбалась она. – А ты забавный, – она дотронулась до его колена и погладила, следя за реакцией. Костя вцепился в руль. Он был удивлен ее напористому нетерпеливому настрою, не ожидал от нее такой прыти и всплеска чувств. Костя прижался к обочине и затормозил. Затем, набрав в легкие воздуха, взял ее руки в свои.

– Я думал, ты любишь Тимура раз выбрала его, – он смотрел ей в глаза.

– Люблю, – не задумываясь, сказала она и под села ближе. – А ты меня? – смело глядела Марина ему в глаза, потом повела пальцем по его губам. – Не говори, я знаю ответ.

– Так будь со мной, – с надеждой проговорил Костя. – Уедем из города вдвоем.

Марина лишь рассмеялась и отвернулась к окну.

– Какой ты наивный, – улыбалась она, потом резко повернулась. – Хочешь меня? Скажи прямо. Мне не обязательно для этого делать предложение, – сердито бросила она ему в

лицо. Немного помолчав, она обвила его шею руками и тихо задышала в ожидании поцелуя. Костя не смог отвергнуть. Он страстно поцеловал ее, вложив всю боль, которая накопилась за долгое время отчаяния. Он мечтал об этом моменте, но чувствовал только горечь несбывшихся надежд. Он мечтал о ней с первого дня их встречи, и вот она в его объятиях, готовая отдаться ему, но что-то не так, все слишком непонятно и быстро. Он готов был поклясться, что она разочаровалась в своем Тимуре. Что он не тот человек, который отдаст свое. Он уверял себя в том, что она, узнав о его намерениях, уедет с ним на край света. Она должна решить сейчас, с кем хочет остаться.

Костя остановился.

– Я увезу тебя прямо сейчас, – потянулся он к зажиганию. – Скажи, и нам никто больше не мешает, – она запротестовала.

– Стоп, стоп, чего ты? – не понимала она.

– Я увезу тебя из этой грязи, пока твой дружок, вслед за Лилей и тебя не погубил, – продолжал он бороться.

– Про какую грязь ты толкуешь? Мне комфортно с Тимуром. Только он мне нужен, – вновь рычала Марина. – А ты зануда, как и Лиля, советую тебе найти ее, вы отличная пара. – Марина продемонстрировала Косте средний палец и уже собиралась выйти.

– Мы едим в кафе, – скомандовал Костя, схватив ее за этот палец, что она заныла. – Сиди. – Она покорно села. Минуту

ту помолчав, Костя продолжил беседу. – Лиля была намного умнее тебя. Тебе должно быть стыдно за свое поведение. Лилля переживала за тебя, а где она теперь? Кстати, после ссоры с тобой она пропала, – обвинил он ее. – Что произошло тогда?

Марина смеялась. Злость забурлила в Косте, как лава. Он уже не смотрел на нее, все внимание на дорогу.

– А все-таки она не выходит у тебя из головы, – заговорила она. – Иначе, ты бы не сомневался, не останавливал меня. Меня... – надменно протянула она. – Надеюсь, ты не хвастнёшь этим перед Тимуром. Вновь погладила она его по бедру. – Или ты не мужчина вовсе, – добралась она до интимного места, и тут же была отпихнута, что вызвало восторг Марины и громкий смешок.

– Перестань вести себя, как идиотка, – прикрикнул Костя. – Я и так уже понял, что зря трачу время, – сказал он это, скорее себе. Марина не услышала.

Так как лишнего времени еще оставалось достаточно, они поставили машину сзади кафе и сидели, молча, каждый думая о своем. Костя просто не хотел на нее смотреть, в то время как Марина опять взялась за свое.

– Подумай, от чего отказываешься. Мы могли бы быть полезными друг другу, – Марина вытянула свою стройную ножку и эротично подтянула на нем чулок.

– Что тебе от меня надо? – спросил Костя, переводя взгляд от ноги к глазам.

– Любви и ласки, – заморгала она играючи глазками.

Костя вздохнул. Тяжело было сказать. Звучало неубедительно.

– Этим... тебя твой Тимурчик обеспечит.

Зря он продолжил смотреть на ее чулок. Она знала, как его поймать. Через минуту они уже страстно зажимали друг друга и целовали. Как горячи были их объятия. Марина спец, а для Кости – она мечта, до которой он дотянулся. Сбывшаяся. Случился логический конец этой сумасшедшей встречи.

В любом случае, досматривать онлайн-видео я не стала. Итак, все ясно. Договор есть договор, я набрала номер.

– Я освободился, жду вас в кафе. Вы где? – позвонила я, едва закрыв ноутбук.

– Мы тоже подъехали. Минуточку, – тяжело дышал в трубку Костя.

– Ты от кого-то бежишь? – позабавилась я.

– Бегу, – ответил Костя и отключился.

За пятнадцать минут уединения, я успела подумать о многом, глядя периодически на закрытый ноутбук. Не знаю, была ли это ревность с моей стороны, или что-то еще, что я еле себя сдерживала. Я чувствовала опустошенность. Как-то грустно, тяжело на душе. Не думала, что приревную ее к Косте. Может, я была уверена, что Костя, разочаруется в Марине и пошлет ее, тем самым отомстит ей за ее бессовестность. Я в свое время тоже не устояла. Что говорить, я ожидала не этого. Я желала ей добра. Им обоим.

Вскоре они появились в дверях. Я сомкнула челюсти, что было силы. Марина шла впереди без стыда, улыбалась мне, как всегда, а Костя смотрел по сторонам, только бы не в глаза мне.

Глава 25

– Что-то вы запоздали, – начала наиграно вежливо я. – Где пропадали?

– Костя возил меня домой, надо было поругаться с мамой, она совсем обнаглела, достала меня, – заулыбалась виновато Марина. – Бедному Косте пришлось быть свидетелем нашей домашней ссоры. Это я виновата, я такая несдержанная, – тараторила Марина. Я не сводила взгляда с Кости.

– Что ж вы, ребята, про меня-то забыли. Я жду тут вас, переживаю, – проткнула я вилкой последний кусочек заливной горбуши и отправила в рот, опасаясь сорваться. Костя не выдержал моего взгляда.

– Ты покушать успел, не переживай, мы не голодны. Хочешь, поехали уже отсюда, – дружелюбно предложил Костя, все еще не глядя в глаза.

– Да, да, успел, – постучала я вилкой по столу. – А вы не успели? – я общалась с Костей – Марина тактично молчала. – Время – деньги. Да, Константин? – Я сверлила его взглядом и заставила взглянуть его на меня.

– Я тебе, кажется, уже не должен, – принял он мой вызов, я остыла.

– Не кипятись, дружок, я тебе девушку любимую доверил, а ты ее повез домой ругаться. – Мои бессмысленные, подозрительные, на первый взгляд, слова не понимала лишь Ма-

рина.

– Ты же знаешь меня, я, несдержанная, – хохотнула притворно Марина. – Что ты к нему прицепился?

Я задержала на Марине свой взгляд. «Я прекрасно тебя знаю», – говорил мой взгляд.

– Не хотите есть, – собрала я со стола свои вещи, – поехали.

Сначала, мы завезли домой нашу Марину, затем, я пересела вперед, и мы поехали дальше.

– Что скажешь? – продолжила я допрос.

– Тебя подвести? – совершенно спокойно спросил Костя.

– Поехали к тебе, – решила я, что моментально взорвало Костю.

– Слушай, то, что я, сегодня, пообщался с Маринкой, нас не породнило. К себе, я тебя не приглашал... Так куда? – устался враждебно Костик.

– Ни в коем случае не покушаюсь на твоё скромное жилище, – заулыбалась я. – Оставим машину и пойдем, попьём пива, не далеко шатер есть, – объяснилась я.

– В друзья набиваешься? – уличил он меня. – Не получится, – грозно поглядел. – Я тебе не доверяю, во-первых. Во-вторых, я тебя ненавижу.

– За то, что я прав? – улыбнулась я.

– За то, что с твоим появлением моя жизнь покатилась псу под хвост, – почти зарычал он.

– А не с появлением ли Марины? – уточнила я, наблю-

дая его замешкавшийся вид. – Пойдем, выпьем, я угощаю, – еще раз попробовала я. Так смешно, он не знает, что я уже его друг, он готов разорвать меня. – Ты мне нравишься, нормальный парень, – развела я руками. Как же обезоружить его?

– Не могу сказать того же, – покачал он головой. – Я как-то обещал одному дорогому мне человеку, что буду держаться подальше от подонков вроде тебя, – заявил он. – Убирайся, – и указал пальцем. Возразить нечего.

Я вспомнила, что я же его и просила об этом. Я заслуживаю ругательств в сотни раз хуже. Я сама стала источником бедствий для тысяч людей. Я – крупный наркодилер, хотя когда-то учила Костю не угонять машины. Я оправдываю себя тем, что Тимур – бандит, а не Лиля. Лилия бы никогда не стала участвовать в чем-то подобном. Но я живу сейчас его жизнью. Все усугубилось на моих глазах. Я приспособилась, не смогла бы ничего уже изменить, и я начала входить во вкус. Эта жизнь красива и опасна. У нее один итог – смерть, скорее рано, чем поздно.

– Если бы кто-то взял такое обещание и с меня, – выходя, сказала я.

Это грустно, но правильно. Пусть Костя живет, как захочет, и надеюсь, разберется, наконец, с Мариной, в своей жизни. Я хорошо отношусь к Косте. Мне хочется, чтобы он был счастлив. Я не прошу себя, если с ним что-то случится. Черт! Я уже не Лилия, а он – не ребенок, пусть сам разбирается!

У меня и без него полно забот. Что за непонятное желание устраивать чужие жизни, надо бы своей заняться, – размышляла я и старалась переключиться на разговор по телефону, но раздирало любопытство, как закончилось их свидание. Было или все-таки, нет? Какая мне разница? Не хочу знать. Нет, пока не сотру запись, не успокоюсь.

Глава 26

Я, в сером пальто, серой кожаной кепке, в серый день, стою возле своего дома. Дома, где когда-то жила девушка, ошибка природы – Лиля. Стою, и не решаюсь подняться. Я видела недавно отца. Он прошел мимо, отпихнув меня в сторону. Я глядела ему в след лицом, переполненным эмоций. Я хотела его окликнуть, хотела спросить, как дела, как мама. У меня было много желаний, но я лишь сжала кулаки от боли в груди. В моей жизни тоже настали серые дни. Я опустела, потерялась. Сегодня, я, как никогда хочу любви и тепла. Нет, не многочисленных подруг, не лживые слова – надоели. Красота не манит меня больше. Я перестала чувствовать. Общество многочисленных друзей, тоже лживых, осточертело. Мне надоело выть вместе с ними по-волчьи. Хотя я и похожа на волка, но не желаю больше возглавлять стаю. Я мчусь к обрыву и веду за собой миллионы жизней. Мы обречены.

На улице ветрено и сыро. Осень есть осень. Листья отхрустели. Саранск облачился в серый грязный цвет уныния. Хотя дважды уже выпадал снег, но он, как правило, только прибавил грязи. Хочется уже морозов, смены настроения, каких-то изменений.

Я побрела обратно, не найдя в себе силы встретиться с родителями лицом к лицу. У меня много денег, связей, недурная внешность, крутая машина, но все это уже не радует ме-

ня. Я хочу спокойствия. Это чувство пропало вместе с Костей. Три месяца его не видно, и я не нахожу себе места. Может, он уехал? Знаю, знаю, так будет лучше. Мне просто грустно.

Марину я поместила в больницу, в наш районный наркологический диспансер. Пришлось приложить массу усилий и потратить много нервов. Она категорически не желала признавать, что она наркозависимая, и лечиться. Я заставила ее силой, слушая ее истеричную исповедь. Она раскрыла мне все тайны: о том, что ненавидит меня, о том, что обманывала и изменяла мне на каждом шагу, о том, что собирается покончить собой. Несмотря ни на что, она сейчас находится на лечении. Это мой долг. Не знаю, поможет ли ей лечение? Сделает ли она какие-нибудь выводы? Но сейчас, ей предстоит нелегкий путь возвращения в нормальный образ жизни. Будет очень сложно, но я, конечно, буду рядом.

Я еду к Марининому дому. Ее мать приготовила необходимые вещи, чтобы я отвезла их ее дочери. У нее, у бедной, уже нет сил, терпеть ее выходки. Я заехала в проулок, осветив фарами подъезд. На лавке сидел парень. Присмотревшись, я поняла, что это Костя. Внутри все зашевелилось. На лице засияла довольная улыбка. «Какого черта он тут делает?» – ругнулась довольно я и выскочила из машины.

– Ну, ты и упертый, парень, – не скрывала я радостной улыбки.

– Нет, я не к Марине, – оправдался он. – Ее мать сказала,

что ты сейчас подойдешь.

– Но ведь ты Марину спрашивал? – не верила я. – Не меня же.

– Тебя, – не моргая, смотрел Костя. – Я пришел вернуть долги.

– Мне? – удивилась я. – Ты мне ничего не должен. – Костя пошарил в своем пакете и вынул две бутылки пива.

– Во-первых, я угощаю тебя, – протянул он мне бутылочку и предложил присесть на лавку. – Я смотрю, ты на машине, но можешь ее оставить сегодня, потому что я пришел проститься. Уезжаю завтра, – признался Костя, что меня огорчило. – Во-вторых, прошу прощения за то, что врезал тебе тогда, много чего сказал. Был не прав, в общем, – сделал паузу, отпил большой глоток. Ему явно тяжело было говорить. – Реально, тогда, я был готов разорвать тебя голыми руками. Я был одержим только ей, – развел он руками. – Я думал, что мы с ней все-таки будем вместе. Слепо верил, что она смысл моей жизни, – он растерянно качал головой и пил. – Ты полностью был прав.

– Я рад, что ты разобрался.

Мне не давала покоя мысль, что он куда-то уезжает.

– Что ты будешь делать дальше? – спросил он. – Как ты терпишь все это? – В его голосе чувствовалась жалость, я ухмыльнулась. – Ты ее любишь, – подытожил Костя.

– Я чувствую, что должен оберегать ее. Она не понимает, что делает, – хохотнула я, Костя подхватил.

– Лиля тоже так рассуждала, – продолжил он через минуту, не представляя, как близок он к Лиле и продолжил. – Она ведь любила ее, как ни странно, несмотря на все ее выходки. Она была необыкновенным человеком, даже ее Марина умудрилась предать. – Он снова отпил пива, глядя куда-то вдаль. – Она осталась непонятой многими. Она была особенной какой-то, – говорил Костя тихо-тихо.

– Она пропала, – так же спокойно констатировала я. – Ты хорошо знаешь Лилю? Она была лесбиянкой? – Мне надо было знать, что ему известно о Лиле?

– Нет, – категорически отверг он мою версию. – Может, так казалось. Она была загадкой для всех, но мне удалось разгадать ее, – как заведенный говорил он. – Мне кажется, ближе меня у нее никого не было. Она проговорила как-то, что ей симпатичен один парень, и, по-моему, это был я, – посмотрел он на меня. – Она безоговорочно доверяла мне, поехала со мной однажды без лишних вопросов. Я изводил ее откровенными взглядами, в шутку, а она так смущалась, – вспоминая, заулыбался он, я тоже улыбнулась. «Он скучает по мне?», – вопросительно ликовала я внутри.

– Нет, она девочек любила, – прикрылась я этим.

– В любом случае, мы этого не узнаем. Просто я чувствую свою вину перед ней – не уберег. Отчасти, втянул в свою игру, не подумал о ее чувствах. Ее больше нет. Представляю, как она надеялась на меня, – он встал и, выдохнув, бросил в урну бутылку, будто бы все оставшиеся воспоминания.

Минуту покурив, Костя вновь начал. – Я сам не пойму, почему так цепляюсь за воспоминания? – Костя неохотно признавался. – Просто, Лиля залезла ко мне в душу. За несколько дней, проведенных вместе, она открыла мне глаза на многие вещи. С ней я снова ощутил спокойствие. Я даже был счастлив, – выяснял он сам для себя вслух, а я чуть не прослезилась. Лилия вырывалась из меня и хотела броситься ему на шею, к его заветной родинке. Неужели это только дружеский порыв? Если да, то у нас полная взаимность. Лилия в мужских компаниях всегда хотела сойти за свою, но, оказывалась лишь объектом шуток. А Костя особенный. Он понял ее. Он разглядел ее девичью душу. Значит, она все-таки была девичья. Я так ему благодарна.

– Ты необыкновенный парень, Костя, – лишь похлопала я его по плечу.

– И ты не плохой, – согласился он в ответ. – Хотя признайся, сначала ты был редкостным говнюком, – протянул он руку для дружеского пожатия. Я не отводила глаз с Кости. Он особенный, родной.

– Куда ты собрался? – тщательно скрывая грусть в голосе, спросила я его.

– Куда-нибудь, – вздохнул он. – Не так просто начать жизнь с чистого листа. Заберу свою мать, и махнем, куда она скажет, – говорил он без энтузиазма.

Немного помолчав, я одобрила его решение. – Я рад за тебя, Костя. Надеюсь когда-нибудь попасть к вам в гости, –

горько пошутила я.

– Нет, ты не рад, – покачал Костя головой. – Я чувствую то же, что и ты – грусть, пустоту и отчаяние. Что это? – удивлялся Костя. – Ты стал мне близок за несколько дней, и сейчас очень тяжело от того, что приходится расставаться, – взглянул он мне в глаза. – Ведь так?

– Да, что-то невидимое нас объединило, – поддержала я, – но у нас разные дороги, – отвернулась я, чувствуя тошноту от этих откровений. Что мы распустили нюни? Как-то не по-мужски. Надо прекращать! – Ты должен забрать свою мать. Вас ничего тут не держит, – снова встретила я его взгляд, его чисто-зеленые глаза, как зеркало. – А я не могу вырваться. Меня тащит на дно мое настоящее, и нет мне спасения.

– Неправда, – заявил неожиданно Костя, – поехали с нами. Я помогу. Никто не найдет тебя. Деньги есть, поменяем имена. Будем держаться вместе – все будет нормально, – тараторил он, даже забавно. Он действительно в это верил. – Мне небезразлично. Если ты бросишь все это, то я буду бескрайне горд, ведь одним гангстером в «криминальной Мордовии» станет меньше. Нет, серьезно, завязывай, пока не поздно, – настойчиво говорил Костик.

Он не понимает, какой опасности подвергнет себя и мать, своим предложением. В качестве кого, я буду жить с ними? В качестве осколка прежней жизни? Буду другом Кости или братом? Буду любить его или оберегать? О, я забыла о Марине. Кто позаботится о ней? Я так запуталась. Не хочу еще

больше путать и Костю. Он решил уехать. Я за него рада.

– Кость, уезжай. Забудь все, как страшный сон. Ты обязательно встретишь там свою королеву, женишься, станешь отцом, в общем, нормально заживешь, – скрепя сердце, говорила я, мечтая о том, чтобы все так и случилось.

– Может быть, – согласился он. – Но я все равно буду ждать тебя в гости. Можешь на меня рассчитывать, – не унился он, медленно составляя в пустой пакет, пустые бутылки. Затем он бросил все в урну рядом с лавкой и закурил вновь, я следом.

– Вещи уже приготовил? – поинтересовалась я, нарушив молчание.

– Нет, – задумчиво покачал он головой. – Я еще и матери не сказал.

– А ты уверен, что она поедет так сразу? – удивилась я его решимости.

– Я не оставлю больше ее с этим скотом ни дня, – он имел в виду отчима. Наверное, он заслужил эти слова. – Все решено, – с этими словами Костя бросил окурочек и повернулся. – Я заеду завтра попрощаться с Маринкой?

– Я тоже еду к ней утром. Заехать за тобой? – предложила я тут же. Еще один шанс повидаться с ним в последний раз.

– Я как раз машину продал, было бы кстати, – заулыбался он. – Ну, до завтра. – Снова протянул он руку. – А то, мне еще к матери, помочь со сборами надо. – Он вновь улыбнулся и пошагал вперед, обходя лужи. Я долго смотрела ему

вслед, пока он не скрылся из виду. Потом, позабыв про все свои дела, вновь села на лавку, уставившись на свои испачканные ботинки. Я пыталась честно ответить на вопрос: Кто для меня Костя? Почему, когда вижу его, все внутри меня переворачивается? Я знала ответ, но не хотела сознаваться в том, что Лиля давно влюблена в этого парня и нуждается в нем, как в кислороде. Какая ирония судьбы. Мне нужно было стать парнем, для того чтобы понять, что я хочу вернуть все, как было. Что я ранимая, одинокая, красивая девушка. Что мне очень нужен Костя. Он и тогда был рядом со мной, держал меня за руку, даже целовал. А теперь, я бы отдала свою бестолковую жизнь за возможность прижаться к нему, вернуть наш тот поцелуй в пустом доме. Как много, оказывается, значит для меня его обыкновенная родинка на шее, там, где бьется пульс. Как она недостижима для меня, и он сам. Я представила его взгляд. Ему, наверное, в два раза тяжелее. Я-то знаю, что я Лилия, а он видит во мне Тимура, к которому его очень тянет. Какой бред! – зажала я голову руками. Чешется ладонь. К деньгам? Да, зачем они мне? Я ненавижу их. Что-то не так. Ладонь уже неделю чешется, как будто на ней что-то прорезается. Не зубы ли? Сумасшествие. Так не бывает. Что со мной происходит? Господи, пусть он поскорее уедет!

Через некоторое время, я заставила себя подняться в квартиру Марины, за ее вещами на завтра. Я долго общалась с мамой Марины. Она – невинная жертва происходящего.

Когда-то одна растившая красавицу-дочку, она даже предположить не могла, что именно с ее девочкой судьба сыграет злую шутку, столкнет ее с наркотиками. Маринка была ей опорой и смыслом жизни с тех пор, как из семьи ушел ее муж двенадцать лет назад. Мать гордилась своей умницей до поры до времени. Я – теперь ее опора, хоть ее горю стараюсь помочь. Бедная женщина ждет меня с новостями каждый вечер, и я говорю, что скоро Марина станет прежней. Я тоже хочу этого.

Глава 27

Моя ладонь меня удивила с самого утра. На ней начали вырисовываться таинственные очертания. Что-то вроде татуировки. Но я не делала никаких татуировок. Надо бы узнать, что это, если не тату. Знак странный. Солнце что ли? Или клинок? Так что, бывает? Что не на лбу? Тогда я бы подумала, что избранная. Бредятина!

Как договаривались, утром, я заехала за Костей. Он плохо выглядел, наверное, не спал всю ночь и пил. У порога стояли две сумки со всем имуществом, которые он собрал в дорогу.

– Готов? – бодро спросила я, оттаскивая сумки от двери, чтобы не мешали.

– Всегда готов, – лениво ответил Костик, захлопнув дверь. – Только ключи хозяйке отдам, – с этими словами он постучал в соседнюю дверь. Открыла полная женщина, вытирая мокрые руки о цветастое полотенце.

– Тетя Нина, – улыбочиво обратился Костя, – все, уезжаю. – Из внутреннего кармана, он достал сколько-то денег и протянул их женщине – долг. Та, конечно, их приняла и, не считая, убрала в карман.

– Ты насовсем или на время? – поинтересовалась хозяйка, поглядывая на меня.

– Насовсем, – коротко ответил Костя и, поблагодарив, взял оставшуюся сумку, последовал за мной. Внизу, я поло-

жила сумки в багажник, и мы тронулись. По дороге Костя мне сообщил, что мать, не осмелилась уехать, по крайней мере, сейчас, мол «ехать еще некуда, и мужа она боится, он их найдет, убьет». Но Костя решил твердо, что уговорит друга продать ему в рассрочку дом и вернется за матерью, несмотря на ее страхи. Мне почему-то показалось, что Костя имеет в виду тот дом, в котором мы пробыли пять счастливых дней вдали от внешнего мира. Я не стала спрашивать, я была уверена, что он хочет именно его. Теперь, как ему отдать мой подарок? Я о тех деньгах, которые я приготовила для него под задним сидением машины. Их как раз должно хватить ему на покупку дома и начало новой жизни. Пусть он будет счастлив в нем и вспоминает Лилю.

Я решила проводить Костю до вокзала вместе с Мариной. Ему должно быть приятно. Там скажу ему о подарке под сидением. Не о сумме, а о подарке. Он должен будет открыть его, когда доберется до места назначения.

– Я пошел за Мариной, подожди в машине? – сказала я, заглушив мотор. – Я заберу ее под свою ответственность до вечера.

– Это возможно? – удивился Костя. Я кивнула и вышла.

Я направилась к ее лечащим докторам за разрешением. Конечно же, они мне не могли отказать. Не прошло и двадцати минут, как все бумажные дела были улажены, и мы уже шли с Мариной к машине. Костя вышел нам навстречу. Марина, признаться, выглядела бледной, слабой, но, бесспорно,

обрадовалась встрече.

– Костик, как я рада тебя видеть, – слабо улыбнулась она и обняла его. Он боялся сжать ее в объятиях. Она была бледна и худа, и фон ее белой куртки придавал ей еще более болезненный вид.

– Все впечатления в дороге, – поторопила их я. – Поехали уже отсюда.

Мои пассажиры запрыгнули, и я собиралась, но зазвонил телефон. Звонок партнера по бизнесу заставил отойти за машину. Я отменила сегодня две важные встречи, но не могла не ответить на важный звонок. Жестом, я показала Косте, что отойду за машину поговорить. Я пять минут пыталась объяснить недоразумение, которое произошло с банковским счетом моего партнера. Деньги, которые были посланы три дня назад еще не дошли до адресата, что странно. На этой пессимистичной ноте, я обратила внимание, что моя машина завелась. Я тут же подошла к левой двери. За рулем сидел растерянный Костя, который тронулся с места, как только я постучала по стеклу. Это не шутка, как подумала я в начале. За считанные секунды, он набрал скорость и умчался. А я, как ошалелая, захлопнула крышку телефона, не договорив, и хлопала глазами, провожая удаляющийся корпус моей машины. Тут же набрала номер Кости, затем Марины – никто не ответил. Набрал повторно, аппараты уже были выключены. У меня будто оторвали сердце. Нет, не жалко ни машины, ни Марины, ни денег, они все ровно для Кости, не пой-

му предательства. Ладно, от Марины я привыкла ожидать всякого, но от Кости... Я уверена, ничего заранее не было спланировано. Все произошло за пять минут. Что Марина ему сказала? Как мой друг решился сбежать с этой девкой, как крыса. Я не предвещала ничего подобного. Я в шоке. Я не должна сейчас думать, что Марина предпримет, когда обнаружит деньги на заднем сиденье. Она знает, как действовать. Я благословила своих друзей. Я была готова проститься с Костей, но сейчас мне так горько. Горечь – моя попутчица.

Глава 28

Ноги привели меня в винный магазин. В полусознательном состоянии я купила ящик водки. Было желание убиться. Недалеко стояло такси, на которое я села с покупкой и поехала к себе на «Химмаш». Я закрылась дома, забыв обо всем, кроме предательства. Я хотела утонуть в вине – вот так мне было плохо. Уже который раз я убиваюсь взаперти из-за Марины. С разницей, что я разбила свой постоянно трезвонящий телефон. Мне было все равно, что будет дальше. Я отключилась на две недели, пока один из моих друзей не додумался с помощью МЧС выбить мою дверь и отправить меня в больницу. Еще неделю, я не могла прийти в себя. Белый свет, а точнее белый потолок, я увидела накануне нового 2003-его года. На улице уже во всю торжествовала зима. Даже глаза резало от искристого снега за окном. Вот тебе и смена обстановки! Я вновь родилась. Я оглядела себя. Я – мужчина, Тимур. Грустно вздохнула – стало тошно. Меня окликнули. В дверях стоял Лешка, мой друг, который зачем-то меня спас.

– Тимыч, наконец-то очнулся, – выдохнул он.

– А что, соскучился? – пресно говорила я.

– Тут такое происходит, – округлил Лешка глаза. – Все тебя разыскивают. Твой брат пропал, а с ним и двадцать миллионов со счетов партнеров, с которыми вы вели дела.

– Я ничего не знаю, – удивилась я. – А как давно?

– Вы одновременно пропали, и Маринка тоже. Все сначала подумали, что вы вместе это проделали, потом ты нашелся.

– Значит, то, что я здесь, все знают, – напряглась я. – Меня же порвут, – сообразила я, глядя Лехе в глаза.

– Точно, – кивнул приятель. – Но они еще не знают, что ты пришел в себя.

– Ты зачем мне помогаешь? У меня этих денег нет, – отчаялась я, опустив глаза.

– Не говори глупостей, я не ради денег. Ты мне хорошо помог однажды, – говорил он, но я опасалась. Никому доверять нельзя. Все же выбора не было. Лешка помог мне сбежать из больницы. Он приготовился. В моей тумбочке уже лежала нужная одежда. Мы вышли из палаты, на этаже врачей не встретили. Я надела на себя белый медицинский халат, на случай засады. Не медля, запрыгнули к нему в машину и рванули.

– Тебе надо уезжать отсюда, – подсказал мне друг в пути.

– Куда? – терялась я в догадках. Да, зачем?

– Здесь тебя найдут и убьют. Если, конечно, ты им не вернешь все миллионы.

– Теперь деньгами уже вопрос не решить. Я думаю, меня порешат полюбому, – смиренно сказала я.

В один миг мой карточный мир свалился мне на голову, и мне даже не хочется что-то предпринимать. Леша предло-

жил мне пять тысяч рублей, чтобы нанять машину до другого города, но я не взяла. Я попросил остановить мне на «Войнова», больше мне некуда пойти. Я поблагодарила Лешку за помощь и отпустила. Сама направилась к Марининому дому, надеясь, что ее мать меня впустит. Моей надежды дома не оказалось, и я, как неприкаянная душа, опять брожу возле этого подъезда. Похоже, так будет вечно, даже если умру, а при таком раскладе все скоро завершится. Я знала, что доиграюсь, но не думала, что так скоро. Мне некуда податься, и нет выхода. Снова мысли о смерти в новогоднюю ночь. Где-то мы уже это проходили. Только на этот раз смерть – единственный выход из ситуации, в которую я себя загнала. А может, я уже мертва, поэтому и не боюсь ее? Вопреки всем законам физики, я все еще хожу по земле после падения с высоты. Ньютон, наверняка, перевернулся в гробу.

В небе засверкали фейерверки. Завораживает. Я засмеялась. У меня появилось желание снова залезть на эту крышу. Это уже переходит в традицию: желание напиться и сигануть вниз в новый год. Может провести эксперимент? Разобьюсь или нет? Терять мне нечего.

Глотнув, полной грудью холодный воздух, потеряв снегом лицо, я пошла на прогулку. Купила себе баночку «охоты» и направилась в сторону нашей площади. Как спокойно внутри от непринужденной обстановки. Вокруг гуляют люди, дети, как будто нет наркомании, алкоголизма, смерти. Все резвятся, веселятся – как положено у людей в ново-

годнюю ночь. Забываются все проблемы, все обиды, как по волшебству. Новый год – особый праздник, даже взрослые верят в чудо, которое так нужно в нашем загибающемся мире. Я сжала в руках комочек снега. Из-за ледяного снеговика какой-то мальчишка кинул в меня снежком. Я подкралась к нему с другой стороны, и когда тот вылез из своего укрытия, я нанесла свой удар прямо в спину. Мальчишка рассмеялся от неожиданности, и я от его беззубой очаровательной улыбки. Мальчуган убежал, а я продолжила свою прогулку.

Мне пора, – заметила я на себе взгляды патрулирующей парочки. Как ни в чем не бывало, я повернула в противоположную сторону и медленно пошла с площади. Лучше встретить новый год на крыше со всеми последствиями, чем в участке. Вскоре, я добралась до поджидающего меня подъезда. Немедля, я вошла, поднялась наверх. Ловко открыла люк, ведущий на крышу, он так же и закрывался на гвоздь, и оказалась на месте. Меня встретил ледяной ветер. Сердце сжалось то ли от страха, то ли от холода, и голова закружилась. Моя душа будто бы издала жуткий крик, я заткнула уши и упала на колени. Неужели, здесь обитает дух Лили? Мое тело не слушается меня. Я зажмурила глаза от скрежета в ушах. Было ощущение мотающейся назад пленки. В прошлый раз я была здесь не одна..., – констатировала я, – ... я с кем-то разговаривала. И я вспомнила образ удаляющегося старика, когда падала вниз с крыши. В это мгновение все затихло. Я смогла открыть глаза и уши. Передо мной стоял

тот старик.

– Ты не меня ищешь? – поинтересовался загадочный старик. Я была напугана.

– Это вы, – только промолвила я, глядя во все глаза, – чудеса какие-то, – помотала я головой, как бы отказываясь верить.

– Действительно чудеса, – подошел он к краю крыши. – Мир, который построили мы, действительно, чудесен. Отсюда видно все, – показал он вокруг.

– Кто вы? – спросила я в замешательстве.

– Мы вроде бы знакомы, – он оглядел себя. – Я все тот же, – он выглядел крайне неопрятно. Мимо таких я повседневно прохожу на улицах и стараюсь не замечать, но я сомневаюсь, что это просто человек.

– А я? Что со мной? Объясните, прошу вас, – взмолилась я, найдя в себе силы. Только он может спасти меня, – прояснилось в голове у меня.

– Очень просто, деточка, – потер он руки, спускаясь ниже, – ты запуталась. Обвиняла Бога в том, что он ошибся, создавая тебя. В чем-то ты права. Ты перечеркнула судьбу, возненавидела саму жизнь, хотя тебе суждено жить долго. Ты пошла наперекор предписанному. Учти, никому еще это не удавалось, – помотал он в воздухе указательным пальцем. – Ты особенная, Лиля, и тебе не место на Земле, – начал было старик и указал на меня.

– Просто объясните мне, что со мной? – закрыла я свои

глаза ладонью, отказываясь верить в бред, который он нес. – Кто я? Приведение, ангел, дьявол? Это нереально!

– Ты уникальна, – улыбнулся дед. – Только послушай, ты хотела стать мужчиной. Ты им стала. Никому это не удавалось. Ты средний род. Но ты недовольна. Люди! Людям всегда всего мало! – говорил старик непонятные мне вещи, я запротестовала.

– Я не хочу жить чужой жизнью. Я нажилась. Лучше – смерть. Я запуталась, – повторяла я сама, убеждаясь в этом. – Я устала быть одной, меня никто не любит, никто не ждет, – я опустила взгляд.

– Любовь, любовь, – пропел старик. – А как же твои родители? Их ты любишь? – он резко повернулся ко мне, и я поняла, что он говорит, не раскрывая рта. – Ты обладаешь экстрасенсорными способностями, можешь управлять мыслями людей. Не пробовала? – у меня даже помутилось в глазах. Я тут же отвернулась, почувствовала, как он щупает мой мозг.

– Прекратите, – зажала я уши руками.

– Мы создадим новый путь для тебя. Какой? Ты можешь стать легендой. Ты можешь покончить с наркотиками в Мордовии и поможешь многим людям. Ты добьешься всего, чего захочешь. Ты станешь Богиней среди людей, Лиля. Тебя будут обожать, боготворить. За тобой будут идти толпы. Только представь! – Его интонация становилась внушительнее, и передо мной появилась картинка моего будущего. Я в окру-

жении множества людей, следящими за каждым моим жестом. На их лицах выражение умиротворенности, а на моем белом, как бумага, лице – усталость, грусть. Это не то, чего я хочу. Я никогда не стану счастливой? – задалась я вопросом, на который, у маэстро уже был ответ.

– Разве не счастье, видеть на лицах у людей радость и уверенность? Ты будешь учить людей развивать шестое чувство, видеть сквозь стены, знать все наперед, – причитал могучий старик. – Дай мне руку.

Старик протянул свою дряблую костлявую руку ко мне. Я испугалась, но еще могла думать иначе. Возможно, это доля Тимура, раз он наркодилер, но во мне все еще живет Лиля, – думала я, а он уже прочел мои мысли.

– Почему вы называете меня Лилей? Что во мне осталось от нее? – выпалила я.

– Разум, сердце, доброта. Ты справишься с задачей, – улыбнулся он.

– А что достанется сердцу Тимура? Как он расплачивается? – мне стало интересно.

– Тимур сейчас выходит замуж за своего дядю, – безразлично сказал дед, он потерял руки и развел ими, – поймет, наконец, каково быть женщиной.

– Он в моем теле? – загоревала я. Жалко, хоть меня это уже не касается. – Где хоть он, я не встречу с ним в Саранске? – я бы не выдержала этой встречи.

– Он в далеком и жарком городе Ташкент. Вы не должны

встретиться. – Старик ухмыльнулся, глядя на мои округлившиеся глаза. – Его судьба в моих руках. Вы не встретитесь. – Я, все, не отрываясь, глядела, он продолжил рассказ. – Когда Тимур оказался в Ташкенте, в твоём облиии, он был крайне ошарашен и испуган. Он долгое время ночевал возле своего дома, пока не был замечен одной из своих четырех сестер. В отчаяние, он открылся ей, та сначала не поверила и выгнала. Тогда он подкараулил младшую сестру, та и привела его в дом, – старик присел по-турецки напротив меня. – Он все это время жил в своем доме, прикидываясь подружкой-сиротой своих сестер, пока ее не заметил дядя. Ему понравилась кроткая и стеснительная сирота, которая была лишним ртом в семье брата, и тот предложил выдать ее за него замуж. В свои сорок лет, он – вдовец, воспитывает троих... – я не дала ему договорить.

– Это ужасно, – перебила я его, – лучше умереть.

– Он не такой решительный, как ты. Он воспитан по-другому и не видит выхода, – пожал плечами. – Ну, да ладно, – встал с места и отвернулся. – Я чувствую, что только навел на тебя смуту. От судьбы никому не убежать. Он жертва обстоятельств. На земле каждый третий – жертва обстоятельств. Но это скоро изменится. Скоро каждый житель Земли будет счастлив. И выбирать свое счастье он будет сам. Мы будем управлять их судьбами, а взамен забирать их черные души через пару десятков лет. Подумай, что лучше: жить сто лет и ограничивать себя во всем, думая о ближнем, а не о себе,

или жить в счастье, имея все, попробовав все, пусть всего двадцать лет.

– Но это же страшно несправедливо, – возразила я. Сердце так и сжалось от сожаления.

– Это обязательная жизненная ложка дегтя. Жизнь – игра, а запрограммировал ее я. Ты со мной?

– Играть людьми? А как же любовь? В двадцать лет умирать счастливым, оставив любимого? – на глаза навернулись слезы, я вспомнила о Косте.

– Не забивай голову ерундой, – погрозил он пальцем. – Этот Костя, сама понимаешь, теперь о тебе и не вспомнит. Он украл у своего приятеля девушку и машину неспроста. У него все будет относительно хорошо, пока он вдали от Саранска и от тебя, – направил он свой указательный палец на меня.

– Все правильно, – закивала я головой. – Кто я? Меня уже давно нет. На что же я надеюсь? – закрыла я в отчаянии лицо руками. – Я начну заново! – приняла я решение. – Вы ведь можете мне? – почти взмолилась я, не ощущая ни радости, ни уверенности, только страх и боль.

Я закрыла лицо руками в надежде, что он не увидит мои мысли. Так не должно быть! Что за глупый эксперимент! Я же родилась. Где моя судьба? Я ее творю! Не хочу быть особенной, хочу любить, в конце концов, и быть любимой, как все.

– Итак, дорогая, зачем мы здесь, на крыше мира? – ста-

рик вознес руки над головой, и небо будто сверкнуло. Эта вспышка осветила все вокруг. На секунду я увидела происходящее со стороны. Я здесь, чтобы исправить ошибку. Я, Лиля Тайнова, и другого быть не может. Я встаю с колен и иду к старику. Ровняюсь с ним на карнизе, смотрю вниз. Это и есть крыша мира. Я не на девятом этаже, я на седьмом небе. Я чувствую ветер, чувствую, как небо зовет меня. Мне было больно думать о чем-либо, а татуировка на ладони горела от притяжения руки «сенсея-оборванца» с черными бездонными глазами. Я тянула руку к его руке. Он ждал прикосновения. Я посмотрела на него и проговорила:

– Я буду счастливой. Я буду любимой, – и с улыбкой на устах сорвалась с места. Я летела вниз и видела удаляющегося кричащего старика, красивейшее небо и зависшего в нем белого голубя. Все выключается в моем сознании с жутким треском, со звуками бьющегося стекла. Темнота.

Боль – это ничего. Человек не может родиться без боли. Боль пройдет и наступит новый день. Мой собеседник, конечно же, не ожидал такого поворота. Такой вираж, явно, не входил в его планы, но сделать он ничего не смог. Он управлял судьбами людей, но не моей. Его система дала сбой.

– Неет... – только слышала я сверху.

Доктор Афонина.

Глава 1

Моя история необычная. Я, девушка семнадцати лет, с длинными прямыми русыми волосами, с голубыми, некоторые даже говорят «небесного цвета», глазами. Мой рост – метр шестьдесят восемь, вес – шестьдесят три килограмма. В общем, я неплохо выгляжу, но скрываю это. Впереди у меня, я знаю точно, долгая и удивительная жизнь, позади – невероятное становление легендарной личности. Ни у кого в голове не уложилась бы такая реальность, которую открыла я. Я – сверхчеловек. Я дарю людям новую жизнь. Люди, обречённые на смерть, получают шанс – жить дальше благодаря мне. Это здорово! Это то, ради чего я появилась на свет. По крайней мере, я так думаю.

Я родилась в городе-герое Волгограде в 2000 году. Мой город известен ожесточенными боями на нашей земле во времена Великой Отечественной войны, самоотверженными людьми. В нашем городе стоит известный монумент – Родина-мать зовет.

У меня обычная семья: мама – страховой агент, папа – водитель-дальнобойщик. Жаль, но папа пропускает самые лучшие моменты в нашей жизни. Он пытается нас обеспечить.

Дочкам много всего нужно. Он делает все, что может. Мы знаем, что он живёт вдали от дома ради нас. Мои родители очень добрые и милые люди.

У меня есть старшая сестра. Она старше меня на два года, учится в медицинском колледже. Тоже светловолосая, как и я, среднего телосложения, нос вздернутый, мамин и карие с зеленцой папины глаза. Мы с ней с детства соперничали, и каждое наше общение – это обмен оскорблениями, перетекающий во взаимную ненависть. Она, бывало, цепляла меня по пустякам, из вредности, а все потому, что я всегда была красивее, быстрее, умнее, талантливее ее и всех остальных в округе. В школе – в рядах лучших учащихся, в спорте – первые места, сочиняла и пела песни на школьных концертах, побеждала в играх, метко стреляла и была объектом обожания всех мальчишек. Меня любили, мне завидовали, со мной было престижно и интересно дружить. Это была потрясающая пора – мои школьные годы... Но все изменилось, когда мне исполнилось четырнадцать лет. Моё тело стало меняться. Оно стало удивлять.

Глава 2

– Я буду замешивать тесто, а ты готовь ингредиенты, – предложила мама мне, стоя в вишневом фартуке с надписью «Я тут шеф».

Мы готовили на кухне завтрак. В блюдо утра – блинчики с кабачком. Моей задачей было подготовить ингредиенты и сыпать и по первому требованию «шефа».

– Молоко, – скомандовал мама, я налила в кастрюльку тёплого молока.

– Есть, молоко, – произнесла я, налив.

– Пол чайной ложки соли и две столовые ложки сахара, – продолжила мама командовать.

– Есть.

Быстро справившись, я встретила её одобряющий взгляд. Дело осталось за яйцом, дрожжами и мукой. Когда яйцо было аккуратно мною разбито и отправлено в кастрюлю, дрожжи добавлены, а мука насыпана, мама включила миксер.

– Давай натрем кабачка через треку, – с энтузиазмом предложила мама.

– Давай, – согласилась я.

– Но его нужно почистить. Справишься?

– Мам, ну, как с маленькой, честное слово. Конечно, справлюсь.

Я взяла в руки небольшой нож, из холодильника доста-

ла свеженький кабачок и принялась с видом профессионала водить по овощу ножом. Оставались последние штрихи, как вдруг нож предательски соскочил и порезал мне большой палец. Меня передернуло, по спине пробежал холод. Я зажала порез рукой и нервно выдохнула.

– Ну что? Я так и думала, – раздраженно проговорила мама и подошла, чтобы взглянуть на рану, – Дай, посмотрю.

– Не надо. Я не сильно, – сопротивляясь, выпалила я.

– На тебе лица нет, «не сильно», – причитала мама, настаивая на своём.

– Не трогай, пусть боль отпустит.

Я отошла на два шага, чтобы она отстала.

– Так не отпустит, ты сжала палец.

– Оставь, сейчас все пройдёт.

Я ходила из угла в угол, тяжело выдыхая, что пугало маму.

– Ну все, я за аптечкой, – с этими словами мать вышла из кухни. – Сейчас обработаем и перевяжем, – кинула она уже на ходу.

– Угу, – просочилось у меня.

Я решила взглянуть первой на невероятно щиплющий палец. Что ж как больно-то? Неужели так серьёзно? Только открыла – двухсантиметровый белый рубец на пальце покраснел, и тут же, на моих глазах, образовалась кровяная корочка. В дверях показалась мама с аптечной. К тому времени боль уже отступила. Я снова прикрыла палец. На лице отчетливо было заметно недоумение. Разве так бывает? Чудо ка-

кое-то.

– Я сама обработаю.

Я взяла перекись, бинт и отошла к раковине, чтобы мама не видела ни моей болячки, ни моего удивлённого лица.

– Трусиха, – прокомментировала она и взялась дочищать злополучный овощ, нервно дую себе под челку.

Я облила свой палец раствором и, потеряв запекшуюся кровь, обнаружила, что раны нет. Нет ни следа от пореза, только там слегка ныло при нажатии и чувствовалось какое-то уплотнение под кожей. Этот факт не укладывался в моей голове. Я ничего не могла сказать, но пережитое меня поразило. Я перевязала палец, чтобы мама не видела эффекта.

– Всё хорошо? – спросила мама, наблюдая моё взволнованное лицо. – Палец-то хоть на месте?

– Да, все хорошо, – успокоила её я и выдавила из себя улыбку. – Позовёшь жарить блины.

– Ой, не надо, обожжешься еще. Иди, отдохай, горюшко моё, – сыронизировала мама.

– Не поверишь, все, как на собаке, заживёт, – кинула я ей через плечо, уходя.

– Это неплохо, – согласилась мама и включила миксер.

В своей комнате я развязала бинт, чтобы вновь взглянуть на это чудо. Я точно порезала большой палец. Мне было больно, очень больно. Моя рана затянулась прямо на моих глазах. Это невероятно! Как на собаке... Только место по-

реза, почему-то стало жёстким. Образовалось что-то наподобие подкожного угря, но он был не красным и не болел. Тысячи вопросов с тех пор кружились в голове, но я решила держать это в тайне, пока не разберусь сама. Представляю, что бы началось, если бы мама увидела это. Паника, анализы, исследования. Мама щепетильна в вопросах здоровья. Ей точно нельзя давать таких поводов для беспокойств.

С тех пор, всякая травма кожи вела себя также. Будь то царапина или ожог, или прокол – все затягивалось за считанные минуты, и образовывался подкожный панцирь. К шестнадцати годам таких уплотнения на моем теле было двадцать шесть. На коленях от падений во время тренировок образовались две плотные шишки, не говоря уже о различных царапинах и укусах из-за игр с моим любимым псом Бондом породы хаски. В общем, пальцы, кисти, локти, голени, колени и чуть выше были в новообразованиях. Из открытой, жизнерадостной девочки я превратилась в замкнутую, необщительную затворницу. Спорт бросила, с подругами общаться перестала, днем на улицу не выходила, начала носить закрытую одежду – опасалась, что мой секрет кто-нибудь узнает. Я сама не знала, как объяснить происходящее, не хотела стать объектом исследований или насмешек.

Жаль маму. Она, бедная, видит изменения в моем характере, пытается разобраться в причинах, но лишь натывается на молчание или раздражение. Ещё бы, её гордость, гордость всей школы, всего двора, всеобщая любимица, уходит в се-

бя, закрывается от всего мира.

Лишь Ритке, было все до фонаря, она злорадствовала, как обычно. Это было стабильно. Если бы не она, в комнате царила бы тишина. Она то тетрадь мою куда-нибудь специально спрячет, то вещи глаженные помнет, то печенье мое любимое съест мне назло. В общем, просто бедствие. Она мстила мне за мою прошлую безупречность. Я привыкла.

Как-то мне нужно было отрезать ткань по выкройке для урока технологии. Разгладила ткань, закрепила выкройку английскими булавками и преступила к резке. Резала портными ножницами, аккуратно, пока не вошла сестра.

– Ты не так держишь ножницы, лошара, – наблюдая из-за спины, прокомментировала она.

– Отстань, пожалуйста.

Я не прекращала резать материю.

– Сейчас криво пойдёт, – продолжала злорадствовать Ритка.

– Я справлюсь, уйди, – нервно процедила я, так же сосредоточенно продолжая.

– Давай я, криво ведь идет.

Ритка чуть ли не оттолкнула она меня. Это было возмутительно. Я бешено дёрнулась, чтобы пинуть надоедливую сестру и прошлась острыми ножницами себе по руке. Снова стало холодно всему телу от неожиданной боли, снова жуткое жжение. Я зажала порез рукой и выплеснула на Риту, не выбирая выражений, весь свой негатив.

– Кто тебя просил лезть, дура, ты? – сквозь зубы вновь процедила я.

– Ты сама дёрнулась. Я тебе помочь хотела, – оправдалась, как ни в чем не бывало, Ритка.

– Я тебя просила? Уж кого-кого, но не тебя. Зачем ты влезла, стервь?

Я заныла от волны жжения.

– Сильно?

Ритка тоже солидарно сморщилась, глядя на мою кровоточащую руку.

– Выйди, прошу тебя, – отвернувшись от неё к окну, попросила я.

– Как хочешь, – слышалось в ответ через полминуты. Она вышла из комнаты.

Я же снова убрала руку, чтобы понаблюдать. Жжение продолжалось, но рана затягивалась, кровь высохла. Я потянулась за влажными салфетками, чтобы вытереть руку. Вытерла – раны как не бывало. На этот раз сестра тоже это наблюдала. Она подкралась и из-за спины рассмотрела мое чудо.

– Ого, вот это скорость, – удивлённо говорила она.

– Оказывается, я ничего не порезала, – попыталась оправдаться я и снова закрыла руку.

– Как это? Кровища текла из пальца, я видела, а раны уже нет. Это что за фокус? – продолжала ошеломлённый Рита.

– Ну вот так. Кровь остановилась, рану я отмыла. Мне что, раскрыть ее для тебя опять?

– Так не бывает, раны нет, – продолжала допытывать она.

– Мне повезло – порез несильный, а сестрой – нет, – завершила я и начала собирать свои принадлежности. Убрала их, я сделала вид, что собралась почитать в другой комнате.

Она наблюдала за моими движениями, как будто я зомби. На ее лице застыли вопросы. Я попалась. Это же Ритка, вреднючий человек. Она теперь вынюхивать начнет, допытываться. Как же замять это дело?

Вечером, когда мы собирались спать, Ритка начала разговор, сидя на своей кровати вдоль левой стены.

– Лис, ты ведь изменилась.

– Тебе виднее, – нехотя ответила я.

– Нет, правда. Раньше ты подлизой была, выскочкой, бесила меня страшно...

– Не продолжай, а... – недовольно нцкнула я.

– Сейчас, конечно, тоже, но меньше. Сегодня ты меня удивила вообще... ну, когда с порезом фокус учинила.

– Это был неглубокий порез, к счастью.

– Покажи руку, – дружелюбно попросила сестра.

– Сейчас, разбежалась.

Я инстинктивно сунула руку под подушку.

– Ну, пожалуйста, – настаивала сестра.

– Нет, – уверенно сказала я.

– Лис...

В следующее мгновение она резко подошла и вырвала мою подушку. Я по инерции за нее зацепилась. Ритка схва-

тила меня за руку и обнаружила жёсткий бугор на месте пореза.

– Вот это ничего себе! – в полголоса воскликнула Рита округлёнными глазами. Я же вскочила, чтобы хорошенько наподдать ей за ее выходку, но с моими пластинами на руках, это могло принести ей серьезные увечья, и я ограничилась толчком.

– Алиса... – только удивлённо шипела сестра, – ты же терминатор, блин.

– Ты, дура, ложись спать! – так же шепотом воскликнула я.

– Ты это понимаешь, Лис? Ты – сверхчеловек. Я серьезно, Лис, поговори со мной, – продолжала свое Рита.

Я поняла, что сопротивление бесполезно. Ритка все видела, она верит своим глазам. Она, конечно, не тот человек, которому я бы хотела открыться, но отрицать сейчас уже глупо. Только хуже будет.

Я подошла к ней и долго, молча, смотрела ей в глаза. Та терпеливо ждала.

– Ну, да – наконец, сдалась я.

– Вот это ничего себе! Ты кто, Лис? Ты это давно такая? – тараторила сестричка.

– Тише, – сделала я знак пальцем. – Какая?

– Неуязвимая, – постаралась пошипеть моя собеседница. – И что за бугры у тебя на теле?

– Не знаю...

Не выдержала я ее пытливого взгляда, отвернулась, затем ушла к окну.

– Два года назад я впервые столкнулась с этим явлением – с заживлением ран на коже. Для меня это тоже было шоком. До сих пор я скрываю это...

Я вернулась к сестре на кровать, взглянула на нее с мольбой.

– Рит, так случилось, что ты в курсе. Это теперь наш секрет. Обещай, что никому не расскажешь.

– Это будет сложно.

Рита сомнительно качала головой.

– Пожалуйста.

Я схватила ее за плечи своими бугристыми пальцами, с мольбой в глазах. Ритка перевела взгляд на мои пальцы на своем плече, дотронулась.

– Очуметь, я никогда тебя не трогала. Что с пальцами?

– Они обрастают жёстким подкожным слоем, после какой-либо травмы, и эти места уже больше не травмируются и не чувствуют.

– Теперь понятно почему ты начала закутываться. Я тебя чокнутой называла, потому что ты одно время перчатки дома носила, – вспомнила она. – А у тебя все тело такое?

– Частично.

– Ты из-за этого перестала общаться с подругами, одеваешь балахоны, капюшоны, закрываешься, в общем? – масса вопросов сыпались один за другим.

– Да-да, – продолжала я о своем. – Систер, ты не выдашь меня? Я так жалею, что ты узнала, – в отчаянье качала я головой и неожиданно услышала:

– Я никому не скажу. Думаешь, я законченная стерва?

– Вообще-то, думала, – улыбнулась я смущённо, – теперь, мне кажется, я поменяю свое мнение.

– Надо же, сегодня у меня появилась сестра, – неожиданно произнесла Рита.

– Ну, здравствуй, я, Алиса Афонина.

– Ну, здравствуй, Алиса, сверх-Алиса, – мне показалось мило, я улыбнулась новоиспечённой родственнице.

Мы ещё долго не могли заснуть. Лежа в своих постелях, мы говорили и говорили. В основном обо мне. Это было идеей фикс. Ритку не покидала мысль о том, что у нас теперь есть определенная миссия на Земле, о возможности существования таких же, как и я, как в фильме «Люди – X». Отчасти, я с ней согласна, просто так ничего не бывает, и мне предстояло найти свое предназначение.

Насчёт сестры я опасалась. Я никогда, имея родную сестру, не имела родственную душу. Вокруг меня всегда было много народу. Они все от меня чего-то хотели. Кому-то помочь с домашней, кто-то надеялся на помощь в контрольной. Учителя и тренеры ждали от меня побед. Всем было выгодно со мной дружить, но это все было не по-настоящему. Я видела, как лжив мой мир, и сама лгала, чтобы он не рухнул. Но прошло совсем немного времени, и я стала тенью. Я отказа-

лась от своего успешного мира, чтобы мои же «подруги» не сдали меня с потрохами ради порции славы. Сегодня у меня вновь появилась родная сестра. Я надеялась на нее, другого мне не оставалось. Может, соперничества больше не будет? Может, общий секрет сплотит нас? Может, она все-таки не законченная стерва, а родственная душа?

Глава 3

Настал следующий день. В комнату вошёл Илюха, пришел в гости к Рите. Я, лежа, читала параграф по истории, готовилась к предстоящим экзаменам.

– Привет, школярам, – поздоровался он войдя. – Ты не готова ещё? – недовольно обратился он к Рите.

– Пять минут, – она докрашивала глаз.

Илюха нагнулся над моим учебником, вчитался. – Ну, грамотей, рассказывай, кто сверг царизм? Кто был предводителем большевизма?

– Ой, Илюха, давай без этого, небрежно махнула я на него рукой.

– Бу-бу-бу. Че она бубнит, Рит?

– Это ее обычное состояние. Она у нас умная.

– Ты же умнее всех будешь? Кто тебя замуж возьмёт? – поддевал меня Илья.

– Я не собираюсь замуж, – заверила спокойно я. – Вокруг одни идиоты, я лучше одна буду.

– Придет время и очкастая, пожилая Алиса пойдет по улице в поисках хоть какого-нибудь мужика. Трясущейся рукой будешь хватать, что осталось и не факт, что зацепишь, и, да же если зацепишь, не факт, что он будет тебе полезен.

– Ух ты! Спасибо, за предсказание, Месинг, – саркастично подыграла я. – Похоже, придется умирать старой кошат-

ницей. Ты уже занят, остальные – в полете.

– Закуси локоть, лошара, – подразнила меня Ритка, показала язык, а потом сунула его в рот своему бойфренду. Дальше последовал страстный поцелуй.

– Меня сейчас стошнит, – отвернулась я.

Парочка долобызалась. Он шлёпнул ее по-хозяйски по попе.

– Куда поедем? – слышалось из тамбура.

– Зачем ехать? Можно очень занятно постоять, – и хохотнула.

– Можем и постоять, – довольно согласился он.

– Катите уже, любовники, – не выдержала и крикнула им я.

Дверь захлопнулась.

– Фу, – облегчённо выдохнула я и снова принялась читать учебник.

Глава 4

Я готовилась к экзаменам, совершенно не зная, куда себя деть после. Я разбиралась во многом одинаково хорошо. Мне многое нравилось. Трудно было выбрать что-то одно. Я видела себя и врачом, и юристом, и полицейским, и журналистом – да много кем. Я хотела, чтобы время остановилось.

В виду последних событий я хотела бы стать народным мстителем. Наш мир сходит с ума. Пропадают дети от трех до четырнадцати лет. Некоторых находят мертвыми без внутренних органов. Полиция может только подсчитывать

статистику участвовавших случаев, тем более за последние шесть лет. Думаю, не стоит рожать детей, чтобы не терять их. По крайней мере, пока в мире не наведут порядок. Всегда будут богатые, и всегда будут те, кто на этом наваривается. А если в мире непрекращающийся бардак, значит, он кому-то выгоден, значит, кто-то богатеет.

Вечерами я надевала джинсы, черную толстовку с капюшоном, сверху теплую синюю жилетку и отправлялась выгуливать пса Боню, или он меня. На календаре апрель. Не люблю апрель. Еще не лето, но уже и не зима. На улице вода, грязь. Как ни старайся обойти лужи, все равно придешь домой с мокрыми ногами, да еще, если проезжающая мимо машина не убавит ход, в мокрых джинсах. Боня, наоборот, рад. Ему нравится прыгать по лужам и утолять из них же жажду.

– Ну не рвись, сейчас идем, – обуваясь, сказала я, не находящему место от счастья, псу.

Мы вышли из дома. Боня привык к вечерним прогулкам и ожидал их. «Скорее, скорее», – читалось в его поведении. Скоренько к лифту, из лифта, из подъезда, наконец, улица. Идём. Знакомый маршрут, любимая тропка, обходная, так как строили соседний дом, овражные красоты, ведущие к гаражам. Важные дела Боня сделал и счастливо подгонял меня за собой, обнюхивая все на пути. Из-под тающего снега много чего можно было исследовать. Столько запахов, столько интересного.

Вдруг Боня встал, как вкопанный. Вдалеке Бонька заме-

тил бродячих собак. «Только не это», – пронеслось у меня в голове. Я сильно сжала поводок:

– Боня, пошли, – дернула я, но он был другого мнения. Он застыл, в готовой к нападению, позе. Я дернула ещё раз, а он протяжно гавкнул и завыл. Его заметили. Где-то с полминуты гаражная свора изучала обстановку, просто присматривались, но мой герой бросил вызов. В попытке увести своего зверя, я споткнулась через бордюр и потеряла равновесие. Я упала и почувствовала резкую боль в ступне. На лице появилась гримаса боли, я расслабилась и вытянула ногу. Поводок был натянут.

– Фу, нельзя, – крикнула я на Боню и дернула сильно поводок.

Наконец-то, собака меня заметила и подошла ко мне скуля, облизнула и присела рядом. Нога ныла, как ужаленная, скорее всего, я ее сломала. Я, конечно, надеялась, что все восстановится в считанные минуты, но времени, вообще, не было.

Бродячие псы уже были около нас. Их было четверо. Предводитель был похож на помесь бойца. Что-то типа ротвейлера, только чуть поменьше, и голова уже. Они сцепились. Мой и боец. Они грызлись и катались по грязи. Я была в ужасе: поводок отпустила, но встать не могла. От безысходности, я начала кричать на собак, пытаться их отогнать, но лишь вызвала их агрессию. Другие собаки начали лаять на меня. Я сидела на их уровне и махала на них руками. Ко-

нечно, они восприняли это, как угрозу, и одна псина напала на меня. Она вгрызлась мне в руку и начала теревить из стороны в сторону. Мне удалось ослабить ее хватку, ударив ее в нос. Она перецепила укус – хватанула меня за пальцы. Места, где было жёстко, ее не смутили, она нашла мягкие места. Мизинцу досталось сильнее всех. Она начала его дергать. Пока Боня отбивался от ротвейлера, меня грыз «волк». Он был внешне похож на волка. Серый, почти карие глаза – злой, как черт. Он зажимал челюсть сильнее и сильнее. Я кричала от боли и страха. Из гаражей прибежал мужик с монтировкой. Он крикнул на них и начал гнать своим орудием. Они все переключились на него. У меня не было мизинца. «Волк» его все-таки вырвал. Может даже сожрал его. Кровь густо хлестала, боль непередаваемая. Я по привычке зажала рукой кровотечение и прикрыла глаза в забытьи. Слышала, как мужик бьётся с псами. Послышался визг одной из собак. Возможно, ей прилетело монтировкой, после чего они удрали восвояси, грозно лая.

– Девушка, я вызываю скорую, – обеспокоенно произнес мужик, не приближаясь.

Боня виновато крутился возле меня, пробуя на язык мое лицо.

– Девушка, – продолжал мужик со стороны, – что у вас болит?

Мужик видел мое беспомощное состояние, мою борьбу с болью на грязном снегу и черневшую от сухой крови руку.

– Покусали? – продолжал он, надеясь на ответ, наконец.

– Нет, – выдавила из себя я, – я сейчас встану.

– Я вызвал скорую, потерпите, – продолжал спаситель.

– Уходите, все хорошо, я сейчас встану, – все ещё лежа,

говорила я.

– Вас укусили. У вас рука в крови. Я дождусь с вами скорую.

– Мне уже лучше.

Я попыталась встать. Нога не гнулась, но уже не жгла. В суставе, будто был штырь. Ужасно дискомфортно, но примерно через десять секунд я встала на ноги.

– Спасибо за помощь, я ухожу, – проговорился, пытаюсь выдавить из себя улыбку.

– Девушка, а скорая? Дождитесь, пусть посмотрят. Вдруг там зашить надо, – не оставлял попыток сознательный гражданин.

– Нет, – повысила я голос для уверенности и коряво поплелась. Он хотел вновь возразить, но Боня рванул и убедил спасителя, что его помощь больше не нужна.

– Как хотите, – развернулся он, перекинув монтажку через плечо, несколько раз сплюнул и поплелся в гаражи.

Я тоже ковыляла, хромя на правую ногу, периодически шевеля деревянной ступней в воздухе, чтобы как-то разработать ее или привыкнуть к новообразованию. Правая рука тоже ныла и горела огнем. Я боялась разжать левую ладонь, чтобы посмотреть на пострадавший мизинец. Горит

адски – значит заживает. Это чувство я знаю. Это восстановление. Около дома я решила посмотреть. Палец был на месте. Кисть вся была в сухой крови, а новый палец чист и ныл. Мой организм может восстанавливаться на сто процентов. Не только заживлять поверхностные повреждения, но и наращивать конечности. Палец был жестким на ощупь, но вполне нормальным. Он гнулся, слушался, но не ощущал боли и был неуязвим. Это было потрясающе. Я стояла и разглядывала свою кисть, как ненормальная. Интересно, что ещё нового я открою о себе? Может, я бессмертна? Дункан Маклаут какой-то, собственной персоны, – хмыкнула я. Но лучше не экспериментировать. Жизнь, даже такая удивительная, может оказаться одна, а мне ещё нужно найти свое предназначение.

Пришла домой, прихрамывая.

– Я дома, – произнесла уныло я, осторожно снимая обувь.

Боня прошмыгнул в зал. В нашей трёшке у Бони была своя территория. Он обитал в зале на коврик. Я же проковыляла в комнату.

– Ты чего хромаешь? – удивлённо спросила Рита.

– Ногу сломала, – спокойно ответила я, как ни в чем не бывало.

– Как это? – продолжала удивляться сестра.

– Так, – выдохнула я и присела на кровать, снимая носок, – через бордюры неаккуратно бежала.

– Зачем? – все пыталась понять Ритка.

– Ну, Ритка, с собакой так получилось, – ступня была как неродная.

– И что? Теперь хромать будешь? – застыв, разглядывала мою ступню Рита.

– У тебя вместо сустава когда-нибудь штырь торчал? – спросила я серьезно.

– Нет, – так же серьезно ответила сестра.

– Тогда просто представь... Неприятно, чужеродно, гнется плохо, надеюсь, пока, – я перевела взгляд на мизинец, полюбоваться обновкой. – Но это ещё что. Я сейчас потеряла палец. У меня вырос новый, – повалились мы оба на кровать. Я гляжу на потолок – она на меня.

– В смысле потеряла? Где?

– Рит, ну ты, дура. Потеряла в бою с собаками, – вполне естественно говорила я.

– Ты решила проверить свои силы?

– Ой, Ритка. На нас с Боней напала свора собак. Мы отбивались, как могли. Правда, пока я валялась на земле со сломанной ногой, у меня оттяпали палец, – сыронизировала я.

– Ого, бедная, – хлопала глазами сестра, – дай посмотрю, – она взяла мою руку. Сначала одну разглядела, ощупала, потом вторую. Нашла изъян. – Вау, Лис, она жесткая.

– Ничего не чувствует, – добавила я гордо и убрала руку.

– Ты не хочешь это исследовать? Надо понять, как такое возможно? Вдруг это чем-то грозит тебе. Например, ты быстрее состариться или начнёшь огонь метать из пальцев?

Может, их все стоит новые нарастить? – предложила с энтузиазмом Ритка.

– Ага, давай начнем резать пальцы. А давай с твоих начнем? Вдруг это у нас семейное?

– Исключено. Я вчера ударилась – гематомище на полноги. В общем, надо понять, как это контролировать. Может, даже управлять... – тараторила Рита. Я ее перебила.

– ... Рит, ты меня пугаешь, когда так говоришь.

– А ты меня, когда у тебя новые пальцы вырастают. Я серьезно. Надо начать с анализа крови, что ли?

– Откуда? Из нового пальца? Ты его не проколешь.

– Давай попробуем под этот панцирь. Что будет, интересно?

Я взглянула на свою кисть. Снова нащупала стык вращающегося нового пальца. Я чувствовала перепад. Я думаю, Рита права, нужно попробовать проколоть под этот стык. Что будет? Даже если будет больно, можно потерпеть, это же ради истины. Зато будем знать, в случае чего, как действовать.

Я взяла из аптечки шприц. Раскупорила его. Прежде, чем воткнуть иголку, ещё раз посмотрела на сестру. Она подошла ближе.

– Я сама, стой на месте, – сделала я жест.

– Сама, так сама, – согласилась сестра и отступила.

Я продезинфицировала иглу духами и направила иглу под нарост. Мгновение, и я медленно проколола стык. Было неприятно, я поморщилась, но назад пути нет. Я продолжала

вводить иглу. Уже пол иглы было под панцирем, я перестала ощущать боль. Послышался щелчок. Будто бы внутри лопнул маленький пузырек. Я пошвыряла из стороны в сторону иглой и вытащила ее. Из прокола просочилась какая-то жидкость желто-прозрачного цвета, местами с розовыми крошками. Я надавила на стык и на сам панцирь, просочилось ещё немного жидкости. Затем отверстие затянулось и все. Я успела собрать жидкость в колбочку. Ритка бережно заткнула ее и убрала в свой стол.

– Возьму завтра с собой на учебу. Постараюсь узнать в лаборатории, что это? – очень серьезно произнесла Рита.

– Результат, наверное, будет не сразу.

– Придется подождать день-два. Надеюсь, за это время ничего такого не случится, – и Рита начала улыбаться. – Алис, а что, если ты скоро вся обрастешь панцирем и будешь похожа на черепашку-ниндзя, – подразнила Рита и приняла стойку каратиста. – Даже не пытайся кого-то ударить, покалечишь, – она имела в виду себя. И пошла, наигранно приговаривая, охая и, досадно качая головой. – Моя сестра – черепаха-ниндзя. Подумать только!

Ну, несколько не профессионально. Просто бесит. Я не выдержала и погналась за сестрой. Она решила спрятаться от меня за мамой на кухне.

– Мам, она хочет меня покалечишь, – пожаловалась эта «лошадь» маме.

Мама мыла посуду, встала между нами.

– Наверное, есть за что, – предположила ровным тоном мама, но являлась катализатором. – Что случилось?

– Мам, я ее убью, – пыталась я достать Ритку через маму.

– Тебя посадят... в коробочку, черепаха, – продолжала сестра, высовывая кукиш. Я поймала ее за руку, и мы, как табун, понеслись в комнату. Ритка визжала.

– Как малые дети, – покачала головой мама и продолжила, улыбаясь, мыть посуду.

Глава 5

Я каждый день ждала зова судьбы, но до ужаса боялась перемен. Я никогда ещё не была сверхчеловеком. Я боялась ответственности за изменения, к которым могло привести такого рода умение, и не задумывалась, что процесс пошел уже два года назад. Все было неизбежно, как и это лето.

Я ненавижу лето. Изнуряющая жара. Не знаешь, куда себя деть. Ещё ненавижу то, что хочется раздеться. Все раздеваются. Ритка, того и гляди, скоро вообще по дому голая ходить будет. Она постоянно жалуется на жару, на потные вещи, что я скоро сойду с ума от ее нытья. Мне-то приходится ходить в штанах и в рубашках с рукавами. Есть на теле пару изъязнов, которые я скрываю даже от родителей.

– Мам, я в душ, – громко отчиталась Рита и закрылась в ванной.

– Пятый раз за день. Ты случаем, там не с русалом встречаешься? – через дверь заметила ей мама.

– Я теперь буду с ним тут жить, – глухо отозвалось из ванной.

Мама застыла в дверях у моей комнаты. Я готовилась к экзаменам. В этом году я заканчиваю школу. Долго думала, куда идти дальше. Потом поняла, что я просто обязана поступить на медицинский. Сама судьба говорит о том, что это мое призвание. Многое нужно понять и изучить, так как в

интернете по моему вопросу ничего нет. Единственное, что мне могла разъяснить Ритка по моему анализу из пальца, это то, что в моей жидкости был избыток стволовых клеток и лейкоцитов. Стволовые клетки объясняют то, что происходит быстрое восстановление пострадавших органов, а лейкоциты атакуют любую угрозу заражения в считанные секунды. Но этого мало, чтобы судить о моей особенности.

– Алиса, ты не устала? – аккуратно начала мама, зная о моей раздражительности, после минутного наблюдения за мной.

– Нет, мам, – не отрываясь, отрезала я.

– Может, снимешь рубашку? Жарко же, – рискнула она.

– Мам, мы уже об этом говорили, – подняла я взгляд. – Это мой образ. Я самовыражаюсь, взрослею. Это пройдет. Нужно подождать, – терпеливо проштудировала я прошлый наш разговор.

– Ой, – вздохнула мама недовольно.

– Мамуль, я такая. Прими меня, – подошла я к ней и посмотрела ей в глаза, успокаивая.

– Куда же я денусь? Вы с сестрой мне всю голову заморозили.

– Мам, ты же знаешь, как сильно мы тебя любим. Я у тебя, вообще, умница, а ты – самая лучшая мама на свете.

С этими словами я обняла ее, потом быстро отстранилась и отошла.

– Алис, ты хорошо себя чувствуешь? – забеспокоилась ма-

ма, глядя на мои руки.

– Мам, это бородавки такие. В интернете смотрела, надо купить настойку на чистотеле, прижечь. Сделаю на днях. Все под контролем.

– Запустила, давно надо было, – пыталась разглядеть мои бородавки мама, но я прятала от нее руки.

– Мам, я училась, – наемкнула я ей на дверь и плюхнулась на диванчик с книгами.

– Пойдем, хоть поешь. Я там плов разогрела.

– Не откажусь, – последовала я за мамой на кухню. Ее плов – пальчики оближешь. Придется их как-то прятать.

Я ела – мама наблюдала. Она переживала за дочерей каждый день. Такова сущность матерей. Папа длительно отсутствовал. Он знал, что мама справляется. Мама не нагружала его семейными проблемами, своими переживаниями – берегла его спокойствие. Он все-таки за рулём. Он должен быть спокоен. Мама тащила на себе груз воспитания дочерей. Она пропускала через себя все радости своих девочек, все горести. Она всегда была рядом. Но мы выросли и теперь не пускаем ее в свои души. Я, лично, скрываю от всего мира свою тайну. Мама видит мою скрытность, но ей не пробить этот щит, которым я себя оградила.

Вечер. Почти шесть. Еще немного и начнет темнеть. Я вновь собираюсь на прогулку с Боней. Хаски – северная порода. Они тяжело выносят жару, им по вкусу зима, как и мне. Ему – потому что шерсть у него густая, а мне – потому что

можно закутаться в одежду и не казаться странной.

Надеваю свою толстовку – скрываю в ней свои бугры. К гаражам мы больше не ходим. Не хотим больше случайных неприятных знакомств. Мы теперь гуляем в людных местах. Боне нравится новый маршрут. Он осваивает новые запахи, учится сдерживаться, когда встречает других собак. Мы гуляем с ним по аллее каждый день уже месяцев восемь. Это, конечно, далеко от дома, но здесь можно хорошо отдохнуть. Здесь красиво, много незнакомых людей, хотя Боня обзавелся одним приятным знакомством. Золотистый лабрадор. Боня с ним подружился, и, когда видел на аллее, тут же мчался с ним поиграть. Его хозяин – парень, лет тридцати, может чуть моложе, среднего роста, хорошо сложен, брюнет, какой-то хмурый и сосредоточенный. Видно, высокомерный и грубый. Они гуляли здесь нечасто. Может, мы, просто, гуляли в разное время. Лабрадор был безупречен: подвижен, жизнерадостен, в отличие от своего хозяина. Но надо отдать ему должное, он спускал своего пса с поводка, когда видел меня с Боней. Мы наблюдали за игрой наших любимцев на расстоянии.

Однажды наши питомцы заигрались и отбежали от аллеи ниже. Там была дорога к домам и магазинам. По ней редко, но ездили машины. Боня убежал от лабрадора. Именно в тот момент по той дороге ехала газель. Она набрала скорость, километров сорок – спешила выехать со дворов. Боня не успел среагировать, газель не успела остановиться. Столк-

новение было неизбежно. Визг тормозов, потом визг собаки. Я уже бежала туда, но было уже поздно. Сердце бешено колотилось. Я ощущала его биение где-то в районе горла. Две минуты назад я наслаждалась идиллией, но сейчас я бы все отдала, чтобы оказаться дома, в безопасности. Я предполагала, что это конец. Я приготовилась к худшему и тяжело дышала. Под передним колесом машины лежал мой красавец с отдавленной передней лапой. Зрелище было ужасное: лужа крови и бьющийся в отчаянных попытках встать мой пёс. Он скулил, а я рыдала, не видя вокруг людей, раздавленная горем.

Глава 6

Меня за руку схватил кто-то. Я подняла взгляд. Это был хозяин лабрадора. Он решительно скомандовал, чем привел меня в чувства.

– Девушка, надо везти его в клинику, срочно, – его бас просто был спасительным. – У меня машина недалеко. Я сейчас подгоню, – пообещал парень, прицепив свою собаку к поводку, и они побежали прочь.

Я вытерла слезы и растерянно прикоснулась к Боне. Газелист беспомощно разводил руками, ругался, плевался. Я ничего не могла возразить газелисту. Я смотрела на собаку, на его мучения и не верила своим глазам. Все было, как в тумане, в ушах звенело. Боня трепыхался, скулил, в его глазах был страх. Почему же так больно? – наверное, не понимал мой любимец, а его хозяйка была рядом и не могла ему помочь.

Наконец, подъехал наш спаситель на Рено Сандеро степвей. Вышел и по-хозяйски приступил к извлечению Бони из-под колеса. Он переложил его на покрывало, приговаривая ласковые слова, чтобы успокоить. Я принимала его уже внутри машины.

– Мася, потерпи немного, скоро тебе помогут, – приговаривала я и гладила по шее. Я проклинала каждую неровность на дороге, из-за которой Боньке было ещё больнее. – Боня,

скоро приедем, – бормотала в забытьё я и молилась, чтобы мы уже скорее доехали.

Дорога казалась вечностью. Глядеть в эти грустные глаза было пыткой. Я была к этому не готова. Я была согласна взять на себя его боль. Я сильнее. Так несправедливо. Я с трудом сдерживалась, чтобы вновь не разрыдаться. Но я нужна ему сильной. С водительского сиденья хозяин лабрадора пытался меня поддержать.

– Меня зовут Павел. А то едем и не знакомы, – басил спереди Павел, новый приятель, спаситель и, если бы не он...

– Я, Алиса, – выдавила из себя я.

– Не переживай, ему помогут. Побереги силы. Они тебе ещё понадобятся, – успокаивал он, как мог. Лабрадор сидел спереди. Наверное, привык ездить.

– Скоро приедем? – сейчас меня интересовало только это.

– Да, скоро. В «Не болит» едим. Хорошая клиника. Хорошие специалисты.

– Ага, – моя нижняя губа затряслась. Я представила, что Боня останется без лапы, или ещё что хуже. Не смей плакать! – приказывала я себе и широко раскрывала глаза, потом хлопала ими, чтобы иссушить слезы, но они, непослушные, все же, вырывались. Я их утирала.

Приехали. Павел припарковался возле подъезда.

– Алис, иди, предупреди, чтобы готовили операционную, а я пока его как-нибудь вытащу, – решительно скомандовал Паша.

Я, не теряя ни минуты, поскакала по лестнице в клинику. Не обращая внимания на посетителей, не думая об очереди, я прошла в регистратуру.

– У нас собака. У нее раздроблена лапа. Можно побыстрее ее принять, ей больно, – тараторила я полноватой женщине в белом халате.

– Девушка, во-первых, выйдите отсюда. Есть окошко с той стороны, – завопила удивлённая медсестра. – Во-вторых, подождите, доктор занят. Вы тут не одни с лапами. Всем больно, – с этими словами она начала меня выставлять в коридор. – Сейчас я сообщу доктору. Подождите здесь.

Мне ничего не осталось, как ждать. Я мерила шагами холл, не обращая внимания на взгляды клиентов и больных. В окно я увидела, что Павел понес Боню. Я подскочила к дверям, раскрыла их широко, чтобы Боню занесли, как можно аккуратнее. Они вошли. Как раз вышел доктор и пригласил на осмотр.

– Не ходи, не надо, Алис, – заверил меня Павел и пошагал с Боней за доктором.

Я, конечно, послушалась. Я, вообще, готова теперь слушать его вечно. Если бы не он, я бы, наверное, до сих пор сидела бы на асфальте и обливала бы Боню слезами. Я была бесконечно рада, что он отозвался помочь, что оказался не таким сухарем, каким я себе его представляла. Время было позднее. Я посмотрела на часы в телефоне – было уже восемь. Я не хотела звонить домой. Да и бессмысленно. Я

только вновь распушу нюни. Я дождусь доктора и Пашу. Уже было невмоготу ждать. Хотела войти к ним. Через полчаса Паша появился сам. Я вскочила с места.

– Ну что там? – обеспокоенно спросила я.

– Алис, сделали рентген. К сожалению, лапу нельзя спасти. Она раздроблена, – неохотно произнес Паша.

Как серпом по сердцу. Я предполагала, что вердикт будет примерно такой, но маленькая доля надежды на лучшее во мне теплилась. Я опустила голову и отвернулась, стесняясь своих слез. Павел меня обнял. Прижал меня к себе.

– Алиса, так случилось. Никто не виноват, – шептал он, успокаивая. А я пользовалась ситуацией и плакала. Ещё я была благодарна ему за понимание и помощь. Нужно быть святым, чтобы так поддержать незнакомого человека. – Нужно согласие на ампутацию. Нет другого выбора.

– Боня будет жить, – произнесла я, улыбаясь сквозь слезы.

– Конечно, на трёх лапах, но будет жить. Он забудет все это... и ты забудешь, – заверил Павел и пошел писать согласие. – Посиди, я напишу. Ты не против? – уже на ходу спросил он.

– Напиши. Я, наверное, не смогу, – произнесла я разбито и приземлилась на кресло.

Он неповторим. Он продолжает поражать чуткостью. Мой спаситель. Он оградил меня от нервного срыва. Принял на себя удар. Почему же нельзя также принять на себя боль и увечье Боньки?

Он вновь появился на горизонте.

– Операцию начали. Говорят, мы можем ехать домой. Уже поздно, – деловито предложил он.

– Да, конечно, Паш, езжай. Спасибо тебе огромное. Я останусь, – устало произнесла я.

– Нет, поехали вместе. Я тебя отвезу. А Боню все равно сегодня оставят с ночёвкой. За ним сейчас нужен будет специальный уход. Я взял номер, – твердо басил спаситель и протянул визитку с номером мне. – Давай, ещё твой номер оставим, – он повел меня к бланку, который заполнял. Показал пальцем, где нужно указать номер. Чуть выше я заметила сумму, уже оплаченную. Шесть тысяч семьсот рублей.

– Ты оплатил операцию? – растерянно спросила я. Глупо, я знала ответ.

– Я подумал, у тебя с собой нет такой суммы. Да и не до этого тебе сегодня, – понимающе проговорил Паша, посматривая в окно.

– Ты прав, я не предполагала, что произойдет, что-то подобное. Дай мне свой номер, я тебе обязательно верну эти деньги.

– Пойдем, пожалуйста, а то Максик разнесет все перила, – улыбнулся он, наконец. Я поймала себя на мысли, что у него симпатичная улыбка. Боже, о чем я? – тут же одернула себя. Поколебалась немного. Правильно ли? Не будет ли это предательством. С другой стороны, чем я здесь ему помогу. Да, Паша, как всегда, прав.

– Поехали.

Макс был рад нам. Ему пришлось все это время прождать на улице, привязанному к перилам. Паша посадил Макса спереди, на свое законное место, я села сзади – это и к лучшему. Я могла сосредоточиться на своем горе и не любоваться безупречностью бывшего совсем недавно для меня сухаря.

Мы приехали. На часах – 22:00. Я ещё не задерживалась так долго, гуляя с Боней. Предполагаю, какой дома переполох. Они, наверное, звонили мне, но я не рассчитывала так задержаться и не заряжала телефон перед выходом.

Уже подъехали к дому. Я не знала, как себя вести. Я была в полудрёме, и в то же время мне было не по себе от отзывчивости Павла.

– Запиши мне свой номер, пожалуйста, – протараторила я сразу после остановки. – Я не нахожу слов для благодарности. Паш, ты мой спаситель.

Он включил свет, я смутилась.

– Брось, я не смог бы остаться в стороне – это друг Макса, – говорил он и одновременно достал из бардачка визитку, протянул мне. – Я терял близких, я знаю, какого это. И, если бы в тот момент был рядом хоть кто-то, я бы, возможно, и не потерял, – он говорил, глядя мне прямо в глаза. У него были зеленые глаза и густые черные ресницы. Я не знала, куда деть взгляд. Мне было неуютно, – я мяла в руках визитку то и дело, перечитывая несложный номер.

– Паш, я позвоню тебе завтра. Я верну все расходы. Ты самый лучший на свете. Если бы не ты... – он меня прервал.

– Я знаю, – улыбнулся он, но я поспешила выйти, погладив напоследок Макса.

Я вышла, не выдержав его улыбки. Он тоже вышел.

– Алис, все будет хорошо. Не загоняйся. Возможно, придумаем, что-нибудь с протезом, – сказал он, останавливая меня. – Не думай сегодня об этом. Обещаешь? – он глядел прямо на меня. Я не знала, куда деть взгляд.

– Обещаю. Но завтра, я с утра поеду в «Не болит», – запротестовала я.

– Конечно, – согласился он и подмигнул правым глазом.

– До завтра, я позвоню, – бросила я на ходу и забежала в подъезд. Он проводил меня взглядом.

Машинально пошла к лифту. Я была, словно в тумане. Лицо горело. Отрицать, что мне понравился этот молодой человек, было глупо. Этот сухарь, которого я наблюдала на расстоянии больше полугода, сегодня покорил меня. О чем я говорю? – гнала я от себя эти мысли. – Он просто оказался рядом в трудную минуту. Он просто хороший парень. Это не значит, что я ему понравилась или, что мы теперь чем-то связаны. Завтра я взгляну на все другими глазами. Я просто под впечатлением пережитых эмоций.

Глава 7

До своего пятого этажа я, как мне казалось, ехала слишком долго. Я ехала одна, а, казалось, что с ним. Я видела его образ, слышала его голос. Вот, зацепило! Мне нельзя так реагировать.

Открыла дверь своим ключом. В прихожей сразу появились мама с Риткой. Лица были обеспокоенными. Мне было тяжело начинать разговор.

– Ты представляешь, который час? Где твой телефон? – недовольно начала мама.

– А где Боня? – присоединилась тут же Рита.

Самые главные вопросы прозвучали. Я разулась и проследовала на кухню.

– Боня в ветеринарке. Ему ампутировали переднюю лапу. Он попал под машину, – нехотя проговорила я три предложения, присаживаясь за стол.

– Как? Где? – удивилась Ритка.

Мама заохала.

– Мы гуляли по аллее, как обычно. Боня разыгрался и побежал, не глядя на дорогу. Вот так, – развела руками я и, вспомнив Боню в крови, опять прослезилась.

– Дочь, прямо ампутировали лапу? – зажала нижнюю челюсть мама, голос ее тоже задрожал.

– Да, спасти не удалось – лапу раздавило, – я старалась

взять себя в руки, вытерла слезу, шмыгнула носом.

– Когда забирать? – спокойно спросила Рита.

– Завтра позвоню. Кстати, нужны будут деньги, – обратилась я к маме, – за операцию. Сегодня мне помог один замечательный человек. Он отвёз нас в ветеринарку и оплатил расходы. Завтра нужно будет отдать.

– Действительно, замечательный, – подозрительно посмотрела на меня мама. – Почему нам не позвонила?

– Мам, я была не в себе, – округлив глаза, взорвалась я. – Я растерялась. Я, вообще, забыла о существовании телефона. А потом, где-то в девять, он у меня разрядился.

– Рядом был замечательный человек, мам. Она забыла обо всем на свете, – подразнила сестра. – Имя у него есть? Не забыла?

– Иди к черту! – устало кинула я сестре и открыла холодильник, чтобы не смотреть на них.

– Бонька! – причитала мама, не веря в случившееся.

– Все, давайте не будем больше об этом, иначе у меня голова лопнет, – отрезала я и, захлопнув дверцу, потопала в спальню. – Я спать.

Лежа в кровати, я долго не могла заснуть. Меня одолевали воспоминания бурного вечера: переживания за собаку, плавно перетекающие в картинку лица и глаз нового знакомого, незабываемого парня Павла. Скорее бы провалиться в сон и забыться. Я ворочалась до рассвета. То ли я представляла всякие небылицы, то ли я засыпала, и это были кошма-

ры, но ночь была тяжёлая. Я видела Боню, бегущего под машину. Вновь чувствовала бешеное биение сердца, чувствовала боль, видела свои сломанные пальцы, видела Ритку с иглой в медицинской маске, видела Боню. Параллельно с тем, как срастались мои пальцы, у Бони вырастала новая лапа. Такая быстрая смена картинок, чувств, меня вымучило за ночь, как никогда. Только на рассвете я заснула крепко, выжитая, как лимон, измученная, как жертва маньяка. Проснулась я от звонка телефона. Он лежал на столе, воткнутый в зарядное устройство. Я вскочила и ответила на звонок. Звонили с ветеринарной поликлиники. На часах было уже одиннадцать дня.

– Да, я буду через час-полтора, – ответила я доктору, который отчитался о послеоперационной ночи моего питомца.

Боня провел ночь неплохо, без эксцессов, от наркоза отошёл ночью и почти всю ночь спал, в отличие от меня.

На кухне суетилась мама, что-то готовила.

– О, доброе утро, садись завтракать, – улыбнулась мама.

– Ты меня не разбудила, – тихо заметила я, накладывая из сковороды в тарелку молочную яичницу.

– Вчера был тяжёлый вечер. Думаю, сегодня он будет не легче для нас всех. Тебе нужно было выспаться.

– Да, надо сейчас бежать в «Не болит» к Боне. Звонили.

– Как он там? – уставилась мама, забросив чистку овощей.

– Говорят, держится. Mam, деньги нужны, – деликатно напомнила я.

– Сколько?

– Восемь шестьсот – надо будет отдать человеку. Наверное, ещё тысячу – на всякий случай с собой.

– Я с тобой поеду, – тихо сказала мама.

– Хорошо, я только Павлу позвоню насчет денег, – пережевывая, объявила я и, достав из кармана визитку, начала набирать номер. Я долго слушала гудки в трубке – он не ответил. Нет, я не расстроилась, а даже облегчённо выдохнула, так как не пришлось с ним говорить. Я боялась, если честно, начать разговор. Я могла перепутать слова и звуки от волнения. Я отвернулась к окну и невероятно сосредоточилась, даже во рту пересохло. Мама не заметила этого, слава Богу.

– Доедай, – указала мама на тарелку.

– Не хочу больше. Я пойду собираться.

Я пошла в свою комнату. Зазвонил телефон. Высветился номер Павла. Меня даже передёрнуло. Я ответила:

– Да.

– Вы мне звонили, – пробасил Павел.

– Это Алиса, хозяйка Бони, – уточнила я.

– Я так и думал. Ездила в «Не болит»?

– Нет еще, вот собираюсь, – засуетилась я, почесывая кончик носа.

– Алиса, я освободился на сегодня, могу подъехать, – дружелюбно предложил он.

– Да, конечно, подъезжайте, я отдам вам деньги, – затараторила я.

– Буду через двадцать минут, заодно отвезу тебя, – отсалютовал парень.

Разговор завершился. Он скоро будет у подъезда! При свете дня! Что за реакция!!! – взбесилась я. – Что я себе там придумываю. Человек заберёт свои деньги, и все. Из вежливости подведёт до клиники. Будь собой. Держи себя в руках, – размышляла я и машинально перебирала вещи, не зная, что надеть. Мой гардероб состоял из джинсов и кофт с рукавами. Что я искала?

Мои мысли перебила мама.

– Собралась?

– Мам, подъедет Павел за деньгами, за одно отвезёт нас к Боне, – сказала я, надевая светло-серую в печатях кофту.

– Павел, говоришь, – заулыбалась мама, когда заметила, что я, то и дело, заглядываю в зеркало, поправляю выбившиеся из резинки волосы.

– Что ты улыбаешься? – покосилась я на нее и тут же перевела взгляд на часы.

– Я, наверное, не поеду. Денег дам и подожду дома. Павел, поди-ка, поможет с Бонькой, – предположила мама.

– Это просто знакомый, мама, не надо ни на что намекать, – нервно собирая волосы в хвост, проговорила я.

– Поэтому ты сама не своя, да? – хихикнула мама и вышла из комнаты.

– Мама! – недовольно кинула я ей вслед.

Зазвенел телефон. Подъехал. Последний взгляд в зеркало.

Волосы все-таки надо накрыть капюшоном – спрятать шрам на шее сзади.

– Я уже выхожу, – сказала я в трубку первая.

– Ага, – послышалось в ответ.

Мама так и не пошла. Проводила меня в дверях, дала деньги. Я поспешила вниз. Его машина стояла возле подъезда. Подошла к его двери с серьезным видом.

Глава 8

– Привет, Павел, – поприветствовала я и уже хотела вытащить кошелек из сумки.

– Привет. Поехали, – указал взглядом Паша на пассажирское сидение.

– Макс против не будет? – спросила я, когда села.

– Макс не узнает, – увлеченно смотря на боковое левое зеркало, проговорил он.

– Вы сегодня не работаете? Четверг, – через минуты три произнесла я, дабы не молчать.

– Пораньше освободился. Мы до сих пор на «вы»? Я думаю, это неудобно. Как ты считаешь? Тем более мы столько пережили вместе, – на мгновение он задержал на мне взгляд и опять устремил его вперед.

– Попробуем, – согласилась я и засмушалась.

– Я ждал твоего звонка, если честно. Я хотел поехать с тобой в ветеринарку – уже не глядя, проговорил он. Все внимание на дорогу.

– Кстати, – вспомнила я, – твои деньги, – снова зашарила

в сумке в поисках кошелька. Может, мне неудобно, потому что я должна ему.

– Давай потом. Сначала Боню заберем, потом с долгами рассчитаемся, – уверенно, но мягко сказал он.

Он был в черной атласной рубашке. Рукава закатаны почти до локтей. Верхняя пуговица не застегнута, что оголяло верх загорелой груди и демонстрировало серебряную цепь крупного плетения. Черные джинсы обтягивали его мощные ноги. Рыжий ремень вносил контраст и придавал ему ещё большую солидность. На голове была черная кепка. Ему она очень была к лицу. Его лицо... Не смотри на него, – одернула я себя, заметив, что уже люблюсь им.

Доехали. Я вышла сразу, он через несколько секунд. Вошли и сразу в регистратуру.

– Афонина Алиса. Мы за Боней, – с ходу выпалила я.

– Да, мы вас ждем. Пойдёмте, – ответила полноватая медсестра.

Мы прошли. Боня был в клетке. На шее был послеоперационный воротник. Передней правой лапы у Бони не было. Это место было забинтовано. Глаза у Бони были грустные и растерянные. Ещё бы, он среди незнакомых людей, в незнакомом месте. Бедный, он не понимает, что происходит. Он увидел меня и попытался встать. Ему стало больно, и он опять лег.

– Боня, – дрожащим голосом произнесла я, – как ты, малыш?

– Не переживайте, он привыкнет и на трех, – успокаивала сестра. – Правда, уставать будет быстрее.

– Он так любил побегать, – жалостливо говорила я, глядя на бедного пса.

– С этим придется попрощаться, – вздохнула медсестра, сожалея нам.

– Боне повезло: он жив, рядом с ним, любящая хозяйка. Он скоро опять будет бегать с Максом, – ободряюще добавил Паша.

– К сожалению, с Максом он уже не побегает, – глядя собаку, грустно сказала я.

– Не думай об этом.

Паша присел со мной на корточки и дотронулся до моей руки на собаке. Я тут же одернула руку – она безобразна. Взгляды встретились. Я опустила взгляд и встала.

– Мы хотим забрать его, – обратилась я к медсестре.

– Пойдёмте, подпишем документы. Я вам расскажу, как лечить и обрабатывать лапу.

Я последовала за этой женщиной в белом. Как странно я себя ощущала. Я чувствовала его взгляд на своей спине, и недоумевала, что же он может значить.

Мне показали, как ухаживать за собакой. Я подписала соответствующие документы, и мы направились к выходу. Паша взял Боню на руки и вынес к машине. Я постелила на заднее сидение простыню, и мы осторожно сели сзади. Боня скулил, а я гладила его по спине и приговаривала:

– Всё, домой едем. Дома и стены помогают, – так я успокаивала его и себя.

Чтобы не молчать и не надоедать своим нытьем, я решила набрать маме. Трубку взяла Ритка.

– Да, Лис, – откликнулась она, когда я уже хотела сбросить.

– А где мама? – спросила тихо я.

– Ее вызвали по работе. Она телефон оставила. Везёшь Боньку?

– Да, будем через минут двадцать, жди. Подготовь ему лежанку.

– Как он? – успела спросить сестра.

– Без правой передней. Сама увидишь. Давай дома, – отрезала я и сбросила вызов.

Я замолчала. Боня тяжело дышал. Мне было грустно и жалко нас.

– Чего притихла? Говори что-нибудь, – заговорил Павел и посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

– Я тебе, наверное, уже надоела со своими проблемами, – засмушалась я, пряча взгляд.

– Я сам вызвался помочь, не переживай. Я равнодушен к собакам, – говорил и сверлил глазами меня. – И думаю, еще равнодушен к хозяйке Бони.

Я подняла взгляд на мгновение, встретила с его глазами и уставилась в окно.

– Почему ты закрываешься? Ты красивая девушка, умная,

добрая. Может, дело во мне? – осторожно предполагал Павел.

Он ждал ответа. Конечно, он мне нравился, но дело во мне. Не стоит пускать в свою жизнь никого. Я странная. Скоро он разочаруется во мне, когда узнает о моих противных подкожных тайнах. Он бросит меня и расскажет всем обо мне. Этого нельзя допустить. Я собралась с мыслями.

– Паш, я очень тебе благодарна, – начала я, – ты просто чудо в нашей с Боней жизни... – я замешкалась. Видит Бог, мне тяжело давались слова, – я не могу ответить тебе взаимностью. Паш, дело не в тебе, а, правда, во мне.

Звучало, как дежурная фраза. Он ничего не ответил. Мы доехали, молча. Молча, вышли. Паша старался не смотреть на меня.

– Я возьму, Алис, – тихо произнес Паша, – закрой, пожалуйста, дверь.

Он осторожно взял в охапку мою собаку. Я закрыла дверцу. Он нажал кнопку на брелоке и заблокировал двери машины. Затем я опередила их. Открыла широко дверь подъезда, вызвала лифт. Он разговаривал с Боней. Я не знала, куда смотреть, когда мы ожидали лифт да ещё, когда ехали в лифте. Он то и дело на меня поглядывал, но, не встречая взаимности, отводил взгляд и ничего мне не говорил. В дверях мы застали Илюху. Ритка провожала его. Он поздоровался со мной, обвел взглядом моего приятеля и собаку.

– Лиск, все-таки ампутировали? – заметил он грустно.

Я не ответила. Он сел в лифт и уехал.

– Здрасьте, – поприветствовала нас Рита, – а кто это у нас приехал, – засюсюкала она с Боней, как с ребенком то, изучая молодого человека, то, косясь на меня.

– Проходи в зал, не разувайся, – повела я их.

Паша осторожно уложил пса на его подстилку и поправил ему аксессуар – конус. Боня было засобирился куда-то бежать, но мы его успокоили и уложили на место.

– Проходите на кухню, чаю попьем, – предложила любезно Ритка, улыбаясь.

– Нет, я поеду. У меня ещё дела, – отряхиваясь, произнес Паша.

– Паш, деньги, – вспомнила я и нашла в прихожей сумку. Вытащила восемь тысяч и пять сотен сотками.

Он заулыбался, секунд пять помолчал, глядя внимательно на меня и на деньги, а потом произнес:

– Алис, мне было бы удобнее переводом. Сможешь?

– Хорошо. По номеру телефона? Куда перевезти?

– Я пришлю реквизиты. Мы еще увидимся? – уже в тамбуре спросил Паша.

– Может, где-нибудь увидимся. У меня теперь пес-инвалид, когда теперь мы выйдем из дома, не знаю, – старалась, как ни в чем не бывало говорить я.

– Я позвоню, – вздохнул Паша и ушел.

Я закрыла за ним и присела на полку для обуви. Машинально взглянула на свои руки, пальцы. Они покрыты пупы-

рями, а на ощупь – жель. Жаль расставаться, но нужно быть сильнее. Мои мысли прервала сестра. Сунула свой любопытный нос в дверь.

– Ну, ты где?

– Тебе ведь интересно другое, – справедливо предположила я.

– И другое тоже, – продолжала висеть она на двери.

Я направилась в квартиру, к Боне в комнату. Он спал. Был под воздействием обезболивающего. Я присела рядом. Ритка стояла за моей спиной, сверля меня глазами. Мне пришлось пойти побеседовать с ней, иначе она начнет задавать вопросы здесь и разбудит Боню.

– Рит, Паша – хороший парень. Можно было бы попробовать отношения с ним, но в моем положении, это невозможно, – начала я первая, смотря в окно, когда мы обе сели за кухонный стол.

– Почему так категорично? Он проявлял интерес к тебе?

– Я поняла, что да. Но я не дала ему шанса.

– В смысле? Он к тебе с чистым сердцем, помогает, поддерживает. А ты его послала что ли?

– Я сказала, что нам лучше больше не видеться.

– Ну и дура. Я бы попробовала. Тем более, какой симпатный, сильный.

– Ты знаешь, почему я его отвергла, – встала на нервах я и посмотрела опять на свои руки.

– Ты думаешь, он не видел твои пальцы? Ему всё равно.

Он на твоё смазливой личико запал. Да и может, характер твой приглянулся. Он-то тебе нравится?

– Я не должна поддаваться чувствам. Я знаю, приближается что-то важное.

Я, действительно, в последние полгода ощущала нарастающую тревогу внутри. Я видела непонятные, но странные сны. В мои мысли, при просмотре телепередач, закрадывались сумасшедшие идеи, которые я тут же гнала. Стоп кадр возникал и при разговоре с кем-то или при прослушивании музыки. Определенные темы меня явно преследовали, но собрать в кучу мозаику я пока не могла.

– Алиса-сверхчеловек! Ага, ну как знаешь, – махнула рукой Рита.

Я на мгновение зависла. В голове возникла картинка из моего сегодняшнего сна. У меня растут пальцы, у Бони растет лапа. Это, конечно, желаемый результат, но это же невозможно. Хотя, о чем я? Слово «невозможно» я уже переросла. Идея сумасшедшая, но я ее озвучу.

– Рит, эксперимент проведем? – неожиданно предложила я.

– Я за любой эксперимент, ты же знаешь, – с энтузиазмом поддержала Рита.

– Я думаю, нужно попробовать отрастить Боне конечность, – сказала я и перевела взгляд на свои пальцы.

Секунд двадцать мы помолчали, глядя то на мои пальцы, то друг на друга. Стало совершенно очевидно, что нужно по-

пробовать, что это не такая уж плохая идея.

– У нас есть шприцы? – спросила я, уже открыв холодильник. Вроде бы там я их видела.

– Да, были.

Ритка стала шарить вместе со мной. Нашла. Один. Это знак того, что шприц ждал этого момента. Я распаковала его.

– Рит, найди спирт, – попросила я. Она достала из ящика бутылек.

Я приготовила иглу, обработала ее и палец с выпуклостью спиртом. Я была уверена, что я делаю правильно. Я разгадала знамение. Я ввела иглу под выпуклость. Снова поводила ею внутри, поморщив нос, пока не лопнул пузырь внутри. Игла прошла дальше. Я начала потихоньку набирать. Ощущения не из приятных. Жидкость шла туго, но шприц набирался. Набрала два миллиграмма. Хватит. Вытащила. Сестра дала спиртовую ватку. Я передала ей драгоценный шприц, а сама приложила ватку к уколу.

– Думаешь, ввести Боне прямо в ампутированную конечность? – предположила Рита.

– Да, – уверенно ответила я.

– Ну, надеюсь, что все получится, – так же, взволнованно выдохнув, произнесла сестра.

Мы направились в зал. Боня спал. Я подошла к нему, встала на колени и уставилась на перевязанную лапу. Ее нужно освободить от бинтов. Я сняла лишь верхний слой бинтов. Боня проснулся и заскулил. Больно.

– Рит, давай я его подержу, а ты сделай укол, – нервно проговорила я, обратившись к белой, как бумага, сестре. Она кивнула и взяла у меня шприц. Затем села на мое место, прицелилась чуть выше бинтов, уколола. Боня зашевелился. Ему, конечно, было больно, но я его прижала к себе. Ритка успела ввести жидкость. Боня заскулил, забеспокоился ещё сильнее. Я держала его и не открывала глаз. Мой эксперимент над моей собакой просто убивал меня. Я не знала, чем все закончится, мне было страшно. Прости, Боня, – кричал мой внутренний голос.

Глава 9

Шло время. Боня не унимался. Бедные соседи, наверное, думали, что мы медленно убиваем собаку. Через пятнадцать минут мне уже тоже так казалось. Ритка причитала, что мы зря это затеяли, обвиняла меня в излишней самоуверенности. Казалось, что этот кошмар никогда не закончится. Но, когда мы уже потеряли надежду, в бинтах начало что-то расти. Это медленно образовывалась новая конечность. Боня стал спокойнее. Мы перестали паниковать и, наконец-то, с облегчением улыбнулись друг другу. Риск оправдался. Я была счастлива, что не убила своего пса и, что была права. Через ещё минут десять пёс расслабился и успокоился. Повязка на лапе уже еле держалась, нужно было ее убрать. Ритка стянула ее. На месте ампутации была целая лапа, правда без шерсти, жесткая на ощупь.

– Вот это ни фига себе! – воскликнула моя сестрёнка. Вид у нее был обалдевший. – Лис, ты теперь, как Иисус Христос, можешь ходить и всех убогих лечить.

– Ага, и меня тут же отправят лечить, – неуверенно шептала, все ещё не отойдя от шока, я, – или забьют камнями власть имущие, а потом раскаются.

– Да, в нашем мире не любят необычных, – согласилась Рита. – Ты аккуратнее с этим.

Предостерегла серьезно сестра, и мне стало смешно.

– Я не буду об этом трепаться, так и быть. Надеюсь, Боня тоже никому не скажет.

Через полчаса пришла домой мама. Она урегулировала вопросы на работе и вернулась. Мама была удивлена тому, что у Бони все лапы целы. Мы с Риткой заранее забинтовали лапу Боньки, а маме сказали, что удалось восстановить лапу, и ее не ампутировали. А вчера после операции я, как будто, собаку не видела, и была уверена, что лапу удалили. Слава Богу – все обошлось. Теперь есть возможность полноценно ходить. Мама облегченно выдохнула и потрепала Боню по его рыжей голове. Похоже, поверила. У нее не было выбора. Правда не уложилась бы у нее в голове.

В комнате мы ещё раз с Риткой разговорились.

– Мама вроде поверила, – улыбнулась я Рите.

– Что ты скажешь своему приятелю? – подделать она меня.

– Он больше не увидит Боню, – уверенно произнесла я.

– Откуда столько уверенности? Ты больше не выпустишь Боню из дома? А если он захочет проведать нашего Бонда? – начала сыпать вопросами сестра.

– Я уже говорила, что с Пашей вопрос решен. Мы больше не будем видеться. Соответственно, Боню видеть ему тоже не обязательно.

Ритка бросила на меня неодобрительный взгляд.

– Знаю, это очень неблагодарно с моей стороны, но в связи с последними событиями у меня нет выбора, – в голосе

прозвучало сожаление. Я отвернулась.

– Ну, допустим, ты прогуливаешься с Боней по улице, а он тоже гуляет со своей собакой, и вы, совершенно случайно, встречаетесь. Ты скажешь, что это другая собака?

– Я буду гулять совсем в другом месте. На аллею я его больше не поведу. В нашем районе много других классных мест для прогулок...

– И вероятности, что вы встретитесь на одной из улиц нашего района, нет, – перебила она меня.

– А что ты предлагаешь? Гулять в другом районе?

Мы оба замолчали.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – после некоторого молчания сказала я. – Когда ещё мы выйдем гулять?

Глава 10

Прошел месяц. Боня за это время встал на ноги, в полном смысле этой фразы. Он уже уверенно ступал на свою новую неуклюжую лапу. Гулять мы с ним выходили только вчера. Он был так рад. Но не бежал, будто боялся вновь ощутить боль. Боня не убегал, держался рядом со мной. Его лапа так и не обросла шерстью. Лапа была уродлива, но Боня мог ходить, и это главное.

Паша звонил мне на мобильный, я трубку не брала. Ритка видела, как трудно мне было слышать его звонки. Однажды, она чуть не взяла трубку за меня, но я ей не позволила. Больше он не звонит. Я знаю, что так и не отдала ему денег, за операцию Бони. Я обещала ему скинуть на банковскую карту, но я не знаю номер его счета. Попрошу, Ритку позвонить ему и спросить. Сама звонить я не буду. Не смогу.

Я благополучно сдала экзамены в школе. Сразу же поступила в медицинский институт, как и планировала. С моими знаниями это было не трудно. Мама с Риткой решили отпраздновать это дело. Купили шампанского, конфет, фруктов – гуляем.

– Наконец-то в нашей семье появится ещё один врач! – торжественно произнесла Рита, поднимая бокал.

– Дочь, я рада, что осуществилась твоя мечта. Я хочу, чтобы ты всегда добивалась поставленных целей, – пожелала ма-

ма.

– Когда она их не добивалась? Мам, твоя Алисочка ещё прославит семью, запомни, – пророчески повествовала сестра.

– Дай то Бог! – завершила мама и отпила за это из бокала. Я молчала, и чувствовала, что это не просто тост, а, действительно, пророчество.

На часах было восемь вечера. У меня зазвонил телефон. Я отошла, чтобы ответить на неизвестный номер.

– Привет, Лиск. Это Илья звонит, – жизнерадостно начал Илюха. – Тебя можно поздравить. Ты теперь, можно сказать, наша с Риткой коллега.

– Спасибо, за поздравление, – коротко отреагировала я.

– Можешь спуститься вниз? Я внизу, в машине, – продолжал Риткин приятель.

– Зачем? – удивлённо спросила я.

Странно, что он просит об этом меня. О чем речь?

– Лис, мне надо что-то тебе сказать. Это очень важно, – настаивал Илья.

– Я с Риткой спущусь.

– Нет, спустись одна. О нашем разговоре не должна знать Рита.

Слова Ильи настораживали меня и интриговали. Что же он мне скажет такого, что не должна знать его девушка, моя сестра?

– Ну хорошо, сейчас попробую выйти незаметно.

Конечно, незаметно не получится. Я сказала, что выйду в коридор, что мне нужно кое-кому позвонить без свидетелей. И под бурные овации сестры, мне удалось выйти.

Внизу в черном «Ниссане кашкай» сидел Илюха. Он жестом пригласил сесть, и мы отъехали к соседнему дому.

– Что? – уставилась я на него полными интереса глазами.

— Ты не пугайся, все нормально, – засмеялся, глядя на меня, Илюха. – Я хочу сделать тебе предложение... – опять ухмыльнулся, глядя на мое ничего не выражающее, лицо. – От которого нельзя отказываться. Я, человек, который видит во всем возможность заработать. В словах других людей, в возможностях других людей, в проблемах других людей и тому подобное. Именно поэтому у меня есть деньги, я езжу на шикарной машине, живу в собственной квартире. У меня серьезные намерения по отношению к твоей сестре. Возможно, мы с тобой породнимся. И я предлагаю замутить бизнес. Сто процентов успеха гарантирую. Я уже в деле и надеюсь на твою поддержку.

– Я как будто на тренинге «Как стать миллионером?». Что за дело, в котором я тебе так необходима? Денег у меня нет. Вложиться в бизнес у меня нет возможности, – скептически смотрела я на него.

– Ты самое ценное вложение. Лис, я узнал большой-большой секрет, – напел Илюха с намеком. – Ритка, раскололась. Я про фокус с лапой. Не было и вдруг стало. Я, как медик, знаю, что конечности, у кого бы то ни было, не отрастают,

как ноги.

– Илья, лапу не ампутировали. Ее восстановили, – опять я заладила, да максимально убедительно.

– Нет, не сработает. Я видел, не было лапы, – показал он на своей руке, до каких пор не было у Бони лапы. – Говорю же, Ритка меня все рассказала.

– Что, все? – продолжала отнекиваться я.

– Что ты, Алиса – сверхчеловек. Что ты можешь конечности наращивать и не знаешь, что с этим делать. Я же тебе помогу реализоваться. Обещаю, славы не будет. Будет колоссальная прибыль...

Я хотела было возразить, но он отрицательно покачал головой и продолжил.

– ...Перестань. Бесплезно. Ритка мне все рассказала. Ты можешь мне доверять. Мое предложение ты обдумай. Но я надеюсь на положительный ответ. Ты будешь дурой, если продолжишь свою неубедительную актерскую игру.

– Илья, в чем заключается мое вложение? Откуда пойдет прибыль? – смирилась я.

– Наконец-то. Я работаю с влиятельными людьми в медицине. Как видишь – успешно, – указал он на дорогой руль. – Трансплантология. Мы занимаемся пересадкой органов в частной клинике. Теперь можно будет восстанавливать конечности за большие деньги. Клиентурой я тебе обеспечу. Все будет аккуратно, – улыбнулся широко Илюха. Он был в восторге от мысли и от моего интереса.

– Я не говорю «да», – пришпорила я его. – Дело нелегальное? Я не хочу проблем.

– Я в деле три года. Видно, что у меня проблемы? Лиск, ты будешь помогать людям и, конечно же, брать за это деньги. Это не вопрос жизни и смерти, это вопрос комфорта, а за комфорт нужно платить. Те, кто захочет вернуть свои конечности, понимают, что это не бесплатно. Риска нет.

– Илюх, я пойду. Меня, наверное, уже ищут, – заторопилась я.

– Да, иди. Я убедительно прошу, не говори пока ничего Рите. Она не знает, о дополнительных источниках моих доходов.

– Ладно.

Я вышла из машины. Он вдогонку мне бросил:

– Лиск, все будет просто отлично. Думай об этом.

За какие-то десять минут мое сознание перевернулось. Мой секрет узнали. Я боюсь огласки. Рита. Как необдуманно! Илья, может проболтаться. Да еще и его серьезные намерения, даже как-то боязно. Если раньше я пользовалась своими способностями украдкой, то сейчас мне предлагают зарабатывать на этом. Может, это и не плохо, я смогу помогать людям, потерявшим себя. С этим надо переспать.

Я приехала к себе на этаж. В дверях уже торчала Ритка. Она меня искала.

– Ты где была? Я зову-зову, – недовольно бурчала сестра.

– Я здесь. Пойдем, – затолкала я ее в тамбур.

– Ты внизу была? Это Паша приходил? – тараторила надоедливая сестра.

– Да, да, – согласилась я, лишь бы отстала, – но я ничего тебе не скажу. Это не твое дело.

– Да ладно тебе, – уговаривала она, как маленькая.

– Нееет, – пропела я.

Глава 11

Ночь напролет я думала. Уснула под утро, но успела решить, что нужно развивать свои способности, узнавать о них больше. Мало ли, что они сулят мне и обществу. Илья решительнее меня. Мне хочется верить ему. Я же знаю, что мне уготована особенная судьба. Просто скрываться – глупо.

Проснувшись, я позвонила Илье. Он был занят, обещал перезвонить, но целый день ни слуха, ни духа. Я весь день проходила с телефоном. Днем так и уговорила себя набрать Паше. Мне нужно было вернуть ему долг. Я должна в последний раз с ним связаться. Один Господь знает, как мне это было непросто. Четыре гудка...

– Алло, – его голос пробежался холодком по моей спине.

– Паш, здравствуй, – жмурясь, произнесла я.

Молчок. Он ждал моих слов.

– Паш, извини, я не могла раньше позвонить... Пришли, пожалуйста, номер своей карты, я должна тебе денег.

Послышался горький смех. Я замолкла. Мне стало стыдно.

– И все? А что трубку не брала раньше. Денег не было? – ухмылялся он.

– Нет, я просто не могла, – выдавила из себя я и уже пожалела, что позвонила.

– Я приеду за ними сам. Возможно, сегодня.

– Да, приезжай, – согласилась я.

– Я позвоню, если приеду.

– Хорошо.

– Давай.

– Пока.

Еще раз нужно будет потерпеть. Я осознанно обижаю парня. Что он нашел во мне? Почему мне так сложно с ним? Все могло бы быть хорошо, если бы не неизвестность, если бы не моя особенность. Он обязательно разочаровался бы, немного погодя, разочаровал бы меня. Так что, зачем допускать ошибки?

Вечером, в восемь, позвонил Илья и пригласил выйти, поговорить без лишних глаз. Я пошла, как мы и договорились к соседнему дому, села к нему в машину.

– Привет, моя золотая, – поприветствовал, сияя, мой без пяти минут родственник.

– Не будь ты женихом моей сестры, так и подумала бы, что ты ко мне не равнодушен, – не без сарказма, заметила я. – Что это ты такой счастливый?

– Я предвкушаю скорый успех, – признался он.

– Я тебе ещё ничего не ответила. Или твой успех не зависит от меня?

– Я знаю, что ты умная девочка. Ты не упустишь свой шанс.

– Я хочу быть уверена, что ничем не рискую. Как это все будет?

– Я снимаю квартиру под частную клинику в спальном районе города, оборудую операционную, лабораторию, подвезу необходимый инструмент, аппаратуру. Это моя забота. Твоя забота – белый халатик, чепец и желание работать. В лаборатории будешь готовить необходимые растворы. Все, что тебе понадобится, все будет, – тараторил убедительно Илюха и сопровождал жестикуляцией свои слова.

– А как твои влиятельные знакомые, они тоже будут в деле?

– Я думаю, мы обойдёмся без них, – уверенно произнес Илья.

– Тогда не подведи. Я начинаю тебе доверять, своячок, – наконец, улыбнулась и я, окончательно отбросив, все сомнения.

– Что делает дома Ритка? – переключился Илья.

– Готовит себе поздний ужин – отказалась есть плов. Видите ли, он вреден на ночь.

– Правильно, тебе-то терять нечего, – пошутил, прикусив язык, Илья.

– Я пошла, поем ещё плова на ночь, – засобиралась я, сделал обиженное лицо.

– Погоди, довезу, сокровище. Не дай Бог что-то случится. Я этого не вынесу, – драматизировал Илья, параллельно вырুলывая от чужого подъезда.

Я вышла у своего дома, улыбаясь его шутке.

– Сокровище. Я тебе позвоню, – крикнул он мне в вдо-

гонку.

Я, наигранно улыбаясь, ответила:

– Я буду ждать.

Последовала к подъезду. На лавке возле подъезда сидел Паша с собакой. Он прекрасно видел и слышал наш наигранный спектакль. Что он мог подумать?

– Паш, привет, – улыбка сразу же исчезла с моего лица.

– Я хотел тебе набрать. Ты откуда? – проводил он взглядом Ниссан.

– Я с Илюхой разговаривала. Одно дело нужно было обсудить.

– Миленко, – он сверлил меня взглядом. – Как Боня?

– Боня? Хорошо. Ему уже лучше.

– Макс скучает, – посмотрел он на свою собаку.

Я присела, чтобы погладить его.

– Максик, привет, мой хороший. Бонька тоже скучает.

Я гладила пса и была рада, что есть куда спрятать взгляд. Я была в коричневой толстовке с капюшоном. Он скрывал меня от сверлящих глаз. Он тоже присел.

– А ты как?

– Я сдала экзамены, поступила на медицинский. У меня все хорошо, – глядя на собаку, говорила я.

– А не спросишь, как у меня дела?

– Честно? Зачем? – подняла я глаза.

– Неинтересно? Жаль.

– Я спущу сейчас деньги, или поднимемся? – перевела я

тему.

– Ты достала со своими деньгами. Мне они не нужны. Неужели ты этого не поняла? – взорвался он.

– Но я должна, – отрывисто и виновато произнесла я.

– Ты должна была увидеть, что ты мне нравишься, – дёрнул Паша рвущегося куда-то Макса. – Хотя о чем я? Ты будешь ждать другого звонка.

С этими словами Паша развернулся и пошагал за своим псом от моего подъезда. С минуту погодя, я пошагала в свой подъезд. Настроение было уничтожено. Я позвала Пашу, чтобы вновь помучить. Я дала ему ложную надежду. Мне ужасно стыдно. Я не буду больше настаивать на возврате долга и не позвоню ему больше. Думаю, он тоже не позвонит. Скоро я заживу совсем другой жизнью.

Глава 12

Через две недели Илья воплотил свою задумку. Он привел меня в нашу оборудованную клинику. Помещение на улице Тихорецкой с вывеской “Стоматология“. Конечно, стоматология лишь прикрытие. Не писать же «Наращивание конечностей». Это вызвало бы огромный интерес у всех. Нам этого не нужно. Будем работать с надёжными людьми, заполняя обязательство о неразглашении, будем менять офисы и названия – осторожность не помешает.

– Ну, это твое рабочее место. Пройдись, осмотришь, – радостно восклицал Илья, жестикулируя направо и налево.

Действительно, клиника не могла не восхищать. При входе – белоснежная регистратура: белые панели на стене, натяжной потолок, белые жалюзи на окнах. Здесь Илья будет заполнять необходимые бумаги, вести учёт клиентов клиники. Справа кабинет-ординаторская. Здесь я буду готовиться к операциям и отдыхать после. Слева кабинет-операционная. Стол, соответствующее освещение, необходимые инструменты. За ширмой моя мини-лаборатория. Никаких окон.

– У меня есть зелененькая форма для работы. Подойдет? – спросила я, осмотрев все.

– Да, вполне. Работать начнем, где-то через неделю. Я жду нужные документы, лицензии. Есть один клиент. После ава-

рии ему раздробило ногу. В общем, ее не спали. Но ты совершишь чудо.

– Я совершала чудо сразу после лишения конечности. Не знаю, получится ли по прошествии долгого времени, – неуверенно проговорила я.

– Я думаю, успеем восстановить. Его выпишут ещё в бинтах, попробуешь.

– Попробую, – задумалась я, а в голове промелькнуло, что нужно будет проделать пробу заранее. Человек ведь придет с надеждой, искалеченный, нельзя подводить.

Глава 13

– Проезжайте сюда, – любезно пригласила я первого своего клиента.

– Илья заверил, что вы можете мне помочь, – угрюмо выдавил Сергей, паренёк лет двадцати, частично забинтованный, без ноги в инвалидном кресле. На его молодом, симпатичном лице, зияли две розовые полосы.

– Попробуем.

Я неделю тренировалась на новом своём подопытном, белом мышонке по кличке "Везунчик". Через неделю стала восстанавливать ему ампутированную лапку, она выросла в течение трех минут. Я волновалась, вдруг что-то пойдёт не так.

– Лиса, вы моя надежда. Я слабо верю, что нога вырастит, но Илья заверил, что это произойдёт. Скажите, что не обманываете меня.

– Сергей, я очень хочу вам помочь...

– Я заплачу любые деньги. Я не смогу жить в инвалидном кресле, я покончу с собой, – перебил меня пациент.

– Давайте, начнём, – коротко отрубил я и смущённо отвернулась. – Сергей, для начала снимите одежду и наденьте нашу стерильную сорочку. Затем ложитесь на этот стол.

Я говорила как можно сдержанно, чтобы не провоцировать лишнюю истерику. Конечно, я могла обойтись без цере-

моний, но все должно выглядеть как операция. Пациенты не должны видеть, тем более чувствовать процесс роста. Им нужен результат и положительные эмоции без нереальных подробностей.

Через пятнадцать минут пациент был готов. Он лежал на столе и шевелил губами. Может, молился.

Илья поставил ему укол, и Сергей вырубился. Затем я ввела в разбинтованную конечность чудодейственную жидкость из заранее подготовленной ампулы. Процесс пошёл не сразу. Сначала никакого эффекта не было. Через минуту плоть начала размножаться. Потребовалось десять минут, и обречённый на инвалидность молодой человек снова был полноценным членом общества.

Наркоз начал отпускать. Парень открыл глаза. Голова кружилась, и не верилось, что нога на месте. Сергей щупал ногу, а сфокусироваться не мог. Как ошалелый, он смеялся, радуясь своей полноценности. Он должен был поспать, но принялся куда-то бежать. Он бежал благодарить меня.

– Алиса, вы просто волшебница. Я в вечном долгу перед вами, как заведенный тараторил Сергей, все ещё шатаюсь.

– Ты оплати вторую часть операции, дружок, – напомнил Илья счастливицу.

– Я все для вас сделаю.

– Сереж, не гоняй больше на машине. Жизнь тебе никто не вернёт, – предупредила я и, наконец, обняла его.

Не выразить словами, как я была счастлива и горда за то,

что сделала. Операция прошла успешно. Пациент жив, здоров и доволен. Наверное, вот для чего я живу на свете. Я не пожалею себя ради таких моментов. Люди получают новые жизни, взамен сломанным. У этого паренька теперь все будет хорошо. Он женится, станет механиком или банкиром, и будет всю жизнь вспоминать меня. А не хотел жить. Не это ли счастье? Чертить линии судеб. Спасать. Надо где-то начать зарубки делать по спасенным жизням, – подумала я, когда проводили этого счастливого. Илья тоже был рад. Он был рад за первый заработанный миллион. Как бы дорого не звучало, а здоровье, полноценность, оказывается, можно сегодня купить.

– Лиск, заживём, походу.

– Да, наверное. Все-таки дорого за простое для меня дело. Это, может, дар людям свыше, а мы наживаемся.

– Что такое деньги, когда близкий человек на грани? Лис, сколько раз я слышал: " Вот бы все вернуть назад". Лис, люди теперь могут все вернуть назад. А мы рискуем. Нужно быть осторожными. Подписку о неразглашении взял, но через месяц, поменяем штаб.

– Как скажешь.

Я вяло взяла со стола свои пятьсот тысяч и пошла прятать их в рюкзак. Илюха хохотнул и тоже пошёл прятать.

Глава 14

Я работала не каждый день. Днем была на учебе, а в стоматологию ездила по звонку. Илья работал в неотложке. Это золотая жила по несчастным случаям. Кого-то зажало в автомобиле, кто-то пальцы циркулярной пилой отпилил. Всякое в жизни случается. Пальцы, конечно, дешевле стоили, чем ноги или руки, но все же доход. За четыре месяца на этом поприще мы разбогатели на несколько миллионов. Офисы меняли, как и планировали, раз в месяц. Я расслабилась. У меня отпала всякая неуверенность. Я стала смелее, даже шутила, когда пациенты сомневались, боялись.

На операционном столе лежала маленькая девочка семи лет. С Катей произошёл несчастный случай. У неё в руках взорвалась "Римская свеча". Отец не уследил. Она зажгла её, и у нее теперь нет двух пальцев на правой руке. Лицо более или менее зажило.

– Не плачь, все самое страшное уже позади. Впереди ждёт долгая и счастливая жизнь, – успокаивала я ребёнка, а мать держала её за руку.

Илья ввёл наркоз, и плачь прекратился. Илья увёл волнующуюся мамочку из операционной. Я осталась один на один с пациенткой.

Только я сделала укол, дверь операционной распахнулась. Вошли четыре человека. Наглые мужчины уставились на ме-

ня и на пациентку.

– Что происходит? Немедленно выйдите! – потребовала растерянно я.

– А вы что-то скрываете? – подразнил пожилой седоватый мужчина.

– Илья, сделай что-нибудь.

Тем временем процесс восстановления пошёл. Это чудо наблюдали и четверо незнакомцев и мама Кати. Илья был растерян и держался за голову. Он знал этих товарищей.

– Илья уже сделал много чего, я смотрю, – удивлённо констатировал факт появления пальцев пожилой незнакомец. – Смотри-ка, как на три-д принтере. И сколько стоит такое чудо? – обратился он к мамочке.

– Кто это? – не выдержала я.

– Я, милочка, очень важный в городе человек. Ты можешь называть меня Роман Васильевич. Илюш, что ж ты не познакомил нас?

– Алиса Андреевна Афонина, – отрывисто произнёс Илья.

– Мы отойдем, – повёл он меня за собой из операционной, – поработай, Илюш, – добавил нагло мужчина в чёрном.

Его ребята встали на выходе. Мне стало не по себе от прикосновения этого чужака. Он повёл меня в свободный кабинет.

– Нравишься ты мне, Алиса. И чутье моё мне подсказывает, что ты очень умная девочка. Мы ведь сработаемся?

– Я вас не знаю.

– Илья знает, он расскажет обо подробнее в процессе.

– Я ничего не понимаю. Я ничего не сделала.

– Сделаешь, сделаешь.

Роман Васильевич пошагал к двери. Я стояла в растерянности. Однако заметила на его среднем пальце широкий перстень с изображением птицы. Он повернулся напоследок взглянуть на меня. В черных глазах его свернул язык пламени.

– Сиди здесь.

Чужак вышел. За дверью слышно было, как провожают маленькую пациентку здоровую и радостную. Мапочка написала подписку, испуганная и осторожная покинула с дочерью клинику. Мне не хотелось выходить. Я ждала объяснений. Через полчаса зашёл Илья. С белым лицом, что означало его отчаяние.

– Что теперь? – начала нетерпеливо я.

– Теперь мы работаем на них, – констатировал Илья.

– На кого? – раздражённо процедила я.

– Это Роман Васильевич, заместитель министра здравоохранения по нашей области, жесткий человек. Ему кто-то рассказал. Я догадываюсь кто. Прежде, чем открыть клинику, я советовался с одним авторитетным человеком тоже из здравоохранения, хотел заручиться его поддержкой. Он тогда меня на смех поднял. Значит, теперь все понял, заложил.

– Ты же сказал, не будет риска! Ты же обещал, без проблем!

– Не ори, мы оба рисковали. Тут замешаны большие деньги. Мне показалось, тебе нравилось считать бабки.

– Я отдам все, что заработала здесь, только договорись, чтобы отстали.

– Ты смеёшься? Они теперь не отстанут. Ты для них золотой рудник. Мы попали Лиск.

– Я не хочу... – шептала она ему, мотая головой в страхе.

Илья ходил туда-сюда по кабинету. Он нервничал, отчего становилось тошно.

– Они ушли? – спросила я.

– Да.

– Может, сбежим?

– Они везде нас найдут.

– Я не буду их рабой, не буду делать их грязные делишки.

– Я думаю, они не оставят выбора. Лучше подчиниться.

– Я лучше умру.

Илюха скептически посмотрел на меня. Да уж, умирать не хочется. Значит надо попытаться убежать.

На часах пять вечера. Илюха переоделся и вышел первый. Он осмотрелся при выходе по сторонам. Никого подозрительного. Вернулся.

– Лис, вроде их там нет, – констатировал Илья.

Я взяла ключ, выключила свет. С Богом. Мы вышли. Пошли по тротуару на задний двор. На парковке стояли три машины. Одна Илюхина, другие две тонированные. Илья разблокировали двери, я хотела уже сесть, как из одной тони-

рованной машины вышли три мордovorота.

– Не в ту машину садитесь, друзья, – обратился один из них.

И не дав возможности среагировать, шкафообразный проводил к своей машине. В ней сидел Роман Васильевич. Илюху посадили в другую машину и повезли нас в неизвестном направлении.

– Куда вы меня везете? – паниковала я.

– В твой новый офис.

Всё трое мужчин не сводили с меня глаз. Мне стало не по себе от их наглых взглядов, будто я перед ними голая.

– Меня ждут дома. Мама пойдёт в полицию, если я не приду.

– Мама – это святое. Маму мы успокоим. Заедем к ней сейчас.

– Роман Васильевич, что вы задумали? – нервно говорила я.

– Если будешь умничкой, у тебя все будет хорошо. Денег зарабатываешь. Маме своей поможешь материально. Если нет, мама твоя будет по частям тебя выкупать у нас. Но я думаю, что все хорошо будет. Сейчас маме твоей скажем, что ты работать уезжаешь в... Москву. Советую не фокусничать, все-таки семья твоя, без нервов обойдёмся, – предупредил заместитель.

– Пожалуйста, – молила я, – отпустите меня.

– Рыбка моя золотая, исполнишь мои желания, может, от-

пущу. А пока не дергайся.

Глава 15

Приехали к моему подъезду. Поднялись на мой этаж. Я открыла дверь своим ключом.

– Мам, – крикнула я порога.

– Пришла? – крикнула мне в ответ мама из кухни. – Голодная?

– Мам, я не одна.

– С кем? – вышла в прихожую мама с полотенцем на плече.

– Мам, это дядя Ильи, Роман Васильевич. Он предложил мне работу в своей частной клинике. Он, хирург, мама, я буду ему ассистировать. Это хорошая возможность набраться опыта.

– Ну, это, наверное, неплохо? – удивлённо спросила мама, оглядывая с ног до головы хирурга.

– Как вас зовут, мамочка? – вступил в разговор Роман Васильевич.

– Лариса Николаевна.

– Лариса Николаевна, дело в том, что у вас очень талантливая дочь. Она очень впечатлила меня сегодня. Нынешняя молодёжь, ну, совершенно безнадёжная, а ваша дочь – умничка. Я как раз набираю себе в клинику персонал, сделал предложение и вот пришёл лично просить вашего одобрения.

– Алис, а ты учиться будешь успевать?

– Не волнуйтесь, она будет сдавать лишь экзамены. Обо всем договоримся. У меня она научится большему, чем в колледже, ещё будет прилично зарабатывать.

– Я не против, конечно. Дочь, что скажешь?

– Клиника в Москве.

Наступило молчание. Илья настороженно смотрел то на мою маму, то на выглянувшую из комнаты Ритку.

– Как в Москве? Где ты там будешь жить? – растерялась мама.

– Не переживайте, Лариса Николаевна, я буду для нее, как родной отец, – начал тут же успокаивать её "хирург". – Жить у меня есть где. Илюша, что молчишь? Я же к племяннику сюда приехал. Ему предложил ехать со мной, а он упёрся. Здесь, ведете ли, у него девушка. А Алиса – умница, она сразу поняла, что с Романом Васильевичем нужно дружить. А Илюшка попозже подъедет, когда припрет, как у нас бывает, и ему место найдём.

– Да, Лариса Николаевна, – подтвердил, не моргая, Илья. Рита улыбнулась.

– Алис, а когда? – осторожно спросила мама. – Не сейчас, надеюсь?

– Лариса Николаевна, надо сегодня. У меня самолёт. Клиника в понедельник должна уже открыться, а Алисе надо все показать, разместиться. Надо сегодня.

– А как же билет на неё?

– Все нормально, – опять заверил её Роман Васильевич.

– Алис, поешьте хоть, – растерянно продолжила мать тянуть время. – Алис, а папа? Надо с папой посоветоваться.

– Мамочка, это можно сделать по пути в аэропорт. Папа дочке добра не желает? Илья нас проводит. Общаться по телефону будете. Попозже приедете в гости к дочке, – дядечка нетерпеливо подтолкнул меня собрать вещи. – Алис, самое необходимое с собой, немного. Там остальное купишь.

Я послушно пошла в комнату. Мама начала Илью спрашивать. А меня в комнате Ритка начала допекать своей завистью.

– Лиск, везёт же некоторым. Возьми меня с собой.

– Не надо тебе со мной, – холодно проговорила я и начала пихать в спортивную сумку какие-то вещи.

– Лис, а он тебя не клеит?

– Кто?

– Дядечка, – хохотнула Рита.

– Вообще не смешно.

Я подняла взгляд и, молча, посмотрела на сестру. Сказать, не сказать? – думала я. Возможно, в последний раз вижу Ритку. Кто знает, куда меня везут. Она радостно обняла меня.

– Зараза! Я думала, я раньше свалю из дома. И тут меня обскакала. Не забывай нас. Станешь там независимой, зазнаешься.

– Я никогда не забуду вас. И вы, что бы не случилось, не забывайте свою Лиску.

Я заплакала у сестры на плече. Было ужасно на душе. Я прощалась навсегда.

– Береги маму. Папе привет большой, когда с рейса придет. Я его люблю.

– Лис, не плачь, – тоже захныкала сестра, – мы к тебе скоро приедем. Делай все, что поручит тебе Роман Васильевич, не дерзи. Заработаешь там себе на квартиру, умничка наша, – ещё сильнее заплакала я, сомневаясь в её словах.

– Пока.

Я резко встала, на ходу вытирая слезы, пошла к выходу. Мама смотрела на меня жалобно. Она не хотела препятствовать шансу, который выпал мне. Конечно, все родители желают только лучшего своим детям. Маме было страшно отпускать меня в другой город неизвестно с кем. Я удивляюсь, что она так легко это сделала. Может, из-за того что это, якобы, родственник Ильи. Она обняла меня, её руки дрожали. Она спросила ещё раз, хочу ли я лететь в Москву. Я ответила "да", потому что должна была увести бандитов из дома.

Глава 16

Я не в Москве. Все гораздо ближе. Я нахожусь где-то в пригороде Волгограда. Когда увозили, мне завязали глаза, но ехали мы недолго, примерно минут двадцать. Илью высадили в городе, не знаю где. Также с завязанными глазами, меня завели в какое-то здание. В лифте мы поднялись, по моим подсчётам, на пятый этаж. Там повязку с глаз сняли. Передо мной возникло помещение. Не квартира. Какой-то кабинет, офис. На окнах жалюзи, в правом углу стол. Книжная полка, в основном, с медицинскими книжками. Слева кожаный кремовый диван, перед ним стеклянный столик. На потолке большой вентилятор или это люстра. Чуть дальше, почти в левом углу, ширма, скорее всего, там кушетка или операционный стол. Я предположила, что это моя обитель на последующее время.

Меня толкнули вперёд.

– Осваивайся, – надменно провозгласил Роман Васильевич. – Это и дом твой теперь и твоя работа. Выспись, завтра начнёшь.

Я промолчала, хотя было множество вопросов.

– Да, телефон, он тебе здесь не нужен.

Ко мне подошёл один из его ребят, залез ко мне в карманы и нашёл его. Конфисковал.

– Как же я буду с семьёй общаться? Они же будут зво-

нить, – запротестовала я.

– Будешь звонить сама, после семи. Роберт тебе будет телефон выдавать для одного звонка, – обратился он к мордовороту слева. – Он у тебя в дверях будет жить. Если, что надо будет, через него.

– Роман...

– Все.

Роман Васильевич буркнул, повернулся к выходу и пошёл, находу раздавая ребятам указания. Дверь захлопнулась, закрылась на замок. Я осталась одна в этом кабинете, в этом мире. В голову пришло, взглянуть в окно. Я прoderнула жалюзи, внизу открылся вид на поля. Ни магазинов, ни машин, ни людей. Где я? Окно пластиковое, закрыто на ключ. Я прошлась по кабинету, остановилась у двери. За дверью кто-то ходил. Это Роберт. Хорошо, хоть с другой стороны. На стене висели часы. Половина десятого. Я заглянула за ширму – кроме стола, там была ещё одна дверь. Мне стало интересно, я вошла. Лаборантская. Полки с медикаментами, холодильник с лекарствами, столик с колбами и жгутами. Слева железная массивная дверь. Запрета. Пошла дальше – умывальники, дверца – туалет. А где ванная? – подумала я. Мыться – не судьба, – покачала я головой.

Дошла до дивана. Прилегла. Смотрю в потолок. Что будет завтра? Буду ли я также помогать калекам, или их теперь будет больше. Эти люди не упустят возможности заработать. Придумают схему.

Казалось, я не усну, но в какой-то момент провалилась. Или пребывала в своих размышлениях. Всю ночь меня кошмарило. Снилось кровь, струящаяся со всех сторон. Снился Роман Васильевич, в образе демона, высасывающего души из людей. Снилось белая птица, голубок, парящий в небе. В общем, я не спала, а ворочалась на этом неудобном кожаном диване.

Встала рано. Не было и шести. В семь двадцать дверь открылась.

– Готовься, везут пациента без руки, – зевая, проговорил Роберт.

Я не нашла слов. Он вновь вышел. Я пошла в лабораторию. Раскрыла стерильный шприц, растерла спиртом палец, сделала себе укол, набрала жидкость. Готово.

Ворвались амбалы и истекающий кровью безрукий парень. Откуда, в такую рань увечье? Я приступила. Его положили на каталку. Парень взвыл.

– Заткнись, должничок, – злобно гаркнул амбал.

Вот как сейчас выбивают долги, – подумала я. Уколола его чуть выше раны. Началась агония. Парень очумел от боли. Рот ему прикрыли, чтобы он не орал.

– Ребята, вы задушите его, – запротестовала я.

Они ослабили хватку, освободили нос.

Пять минут, и рука окончательно восстановилась, пальцы прежних размеров, даже ногти.

– Вот, Итяй, видишь, какой штраф за просрочку платежа

у тебя получился.

– Я же все отдал, – прохрипел бледный Итяй

– Поздно отдал. Теперь ребятам своим скажи, что "Василич" так же бошки всем вам поотрубает. А она бошки не умеет наращивать.

– Я все понял, Пузырь, – удивлённо ответил Итяй, поглядывая на свою руку.

– Ты должен за операцию лимон рублей. Через два дня придём, не отдашь – ну, ты знаешь.

– Я все понял.

Парень не верил собственным глазам. И никто не поверит, если он такое кому расскажет. А миллион надо начинать собирать.

Парня под руки повели амбалы. Моя дверь закрылась с той стороны. Мне несложно выполнять эту миссию, но мои руки все больше и больше грубели от уколов, и всякий раз приходилось брать выше. Да и мне кажется, я должна приносить пользу человечеству, а не доход бандитам. Кто-нибудь объясните, почему я здесь? Я не верю, что здесь все закончится. Тогда какой смысл моего существования, моего дара. Боже, где ты?

Глава 17

Я целую вечность нахожусь взаперти, по моим подсчетам уже полгода. Я провожу по две-три процедуры за день. За все это время я заработала телевизор с кабельным каналами, трехразовое питание и беговую дорожку. По телефону пришлось сказать родителям, под давлением, конечно, что не хочу больше о них слышать. Что надоело отчитываться, что все хорошо и, что когда-нибудь, возможно, приеду сама. Бог знает, как тяжело мне было сказать это, но мне пригрозили их здоровьем. Я сделала вывод, что это только моя проблема. Илюха работал также на скорой помощи и на бандитов, конечно. Я поняла их схему. Они выбирали состоятельных людей, отрубали им конечности, а потом Илья предлагал им услуги, якобы, своей секретной клиники. Кто-то соглашался, кого-то убеждали шантажом, либо ещё как-то. Суммы были заоблачными. Роман Васильевич, наверное, даже подтирался деньгами. С Риткой Илья отношения порвал. Может, он и не любил Ритку, может, из-за того, что любит. Правильно сделал. Не надо подвергать опасности мою семью.

В последнее время в моей лаборатории началась движуха. Я поняла, что Роман Васильевич задумал экспериментировать. Он ничего конкретного не говорил, но надеюсь, не меня парировать он собирается. Потайная дверь в лаборатории открылась. В неё каждый день привозили что-то в коробках.

Какое-то медицинское оборудование. На коробке было написано "3d принтер Raise 3d". Остаётся только гадать, что мы будем на нем печатать. Протезы? Да, я вроде, сама, как 3d принтер. Поживём – увидим.

– Ты, я вижу, заинтригована? – начал Роман Васильевич, как-то приехав с утра пораньше. – Что же мы готовим для тебя.

– Мне все равно, – устало проговорила я.

– Ну-ка, взбодрись, выпрями спину, – скомандовал шеф.

– У меня нет настроения бодрости. Я здесь – раба, если вы не видите.

– Пойдём, раба.

И шеф повёл в лабораторию, затем в ту железную дверь.

– Я давно уже думал об экспериментах. Время настало.

Роман Васильевич демонстративно обвел рукой помещение компьютерной томографии. Оборудование, двигающаяся кушетка, компьютер. С другой стороны стол с 3d принтером.

– Ты умная девочка, осваивай помещение, компьютер проверь, он подключён к принтеру. Тебе предстоит серьёзная работа, возможно, и Нобелевская премия, если постараться.

– Я не понимаю, что я с этим должна делать?

– Ты, в принципе, можешь и без этого. Речь идёт о трансплантации органов человека. Твоя задача, восстанавливать не только руки-ноги, но что-то наподобие сердца, печени,

почек, я не знаю и тому подобное. Если справишься без оборудования, я не против.

– Вы с ума сошли? Руки-ноги и сердце. Внутренние органы – это очень сложный механизм. Я не Бог.

– Я не знаю. Может, ангел? Может миссия? Надо проверить. Задача ясна?

Шеф повернулся и пошёл. Его не интересовало, как я это буду делать? Получится ли, вообще? Для начала хорошо бы подопытных. Мышат, например. Я же не пробовала так глобально.

– Что нужно будет, через Роберта, знаешь.

Ушли. Я вновь осталась одна. Теперь в моем распоряжении создавать новые сердца. Кто знает, может, целых людей.

– Я не смогу, – сразу вырвалось, как только я это себе представила.

Я легла на кожаный диван и закрыла глаза.

Глава 18

Через три дня привезли пациента без обеих рук. Он был без сознания. Наверное, болевой шок. Илья стоял весь в крови. Он, наверняка, знает, что произошло. Шеф скомандовал нести его в кабинет КТ. Его просканировали и отдали мне.

– Сделай ему руки, – скомандовал холодно шеф.

Я вопросов задавать не стала. Мне надоело. Я ввела ему в руки по инъекции. В сознание он не приходил, хотя дышал. Руки отросли. Медленнее, чем обычно, но все же.

– Что-то не так, он должен очнуться, – заметила я.

– Если не очнется, достаём органы.

Шеф говорил вполне серьезно. Здесь потрошить человека? Отморозки.

– Зачем это?

– Будешь учиться создавать подобные органы.

– Вы с ума сошли? Я не буду связываться с внутренними органами.

– Я – говорю, девочка, ты – делаешь. Если не хочешь связаться с Робертом.

Подождали минут двадцать – пациент умер, не приходя в сознание. У него остановилось сердце.

– Быстро готовим операционную.

Он имел в виду лабораторию. Там был операционный стол и над ним светодиодная большая лампа.

– Переносим его, быстро, – скомандовал Роман Васильевич. – На стол, живо, – все громко подгонял он.

Парня уложили на стол трое крепких ребят. Роман Васильевич облачился в белый халат, колпак и марлевую повязку. На руки он спешно надел медицинские перчатки. Ему подали инструменты из его чемоданчика для резки и пилки грудной клетки. По видимому, пациенту хотели вскрыть грудную клетку. Я стояла и с ужасом наблюдала за происходящим. Через пятнадцать минут посильного труда шеф скомандовал:

– Алиса, набирай шприц со своей фирменной жидкостью.

– Что вы собираетесь делать?

– Набирай, черт возьми! – с нетерпением крикнул снова он.

Я начала набирать из ампулы. Набрал, подошла к врачам. Передо мной предстала картина не для слабонервных. Раскрытая специальным инструментом человеческая грудная клетка, внутри которой виделась замершая главная мышца.

– Коли!

– Куда?

– В сердце.

– Это бессмысленно, – повторяла я, намереваясь дотянуться до сердца шприцем. Уколола. Ввела. Ждём.

– Оно должно забиться? – уточнила я намерения хирурга.

– Должно хоть что-то произойти.

Все ждали чуда. Смотрели неотрывно на бездыханное

кровоавое тело. Вокруг сердца начала формироваться ткань. Сердце начало работать. Начало, а потом прекратило и по-чернело. Эксперимент не удался. Человек умер дважды. Я не могла больше смотреть на это. Я убежала подальше, прикрыв рот от приступа рвоты. Ком встал в горле, и нельзя было его сглотнуть. Я побежала к двери, будто надеялась сбежать оттуда, но она, конечно же, была запрета. Тогда я ска-тилась по двери вниз, села на корточки и зарыдала от безыс-ходности. Человек умер на моих глазах. Человек. Его уби-ли и неизвестно, что сделают ещё с его несчастным телом. Я ничего не могла сделать, я знаю, но так паршиво, будто я виновата в чем-то. Я хочу умереть.

Делегация подошла ко мне. Они отшвырнули меня от две-ри. Роман Васильевич, вытирая руки полотенцем, начал го-ворить:

– Мы попробуем ещё. Должно получиться. Наш дружок тихонько полежит на столе до ночи. Ночью ребята вывезут его. Уберешься в операционной, чтобы чистенько было. Най-дешь все, что нужно для этого.

– Я не буду больше пробовать. Я же сказала, что только с конечностями так получается. Мало вам, что ли?

– Девочка, это будет прорыв в истории медицины. Ты не понимаешь, что можешь больше.

– Я не хочу смертей.

– Тогда старайся. Всё в твоих руках.

Шеф вышел в открытую дверь со своими амбалами. Через

тридцать минут принесли обед: два кусочка пиццы с сыром, два пакетика быстрорастворимого кофе. Как будто я могла есть.

– Боже, почему я здесь? Что ты приготовил для меня? Дай же ответ, – плакала я. – Дай хоть какой-нибудь знак.

В окно врзалась птица. Я как раз смотрела на окно и видела, как стремительно за окном несколько виражей сделала ласточка, а в третий раз врзалась со всего маху в стекло и упала на карниз. Я не могла открыть окно. Я ничем не могла ей помочь. Бедняжка, разбилась. Смерть была повсюду. Это знак? С минутку погодя ласточка начала шевелиться. Она перевернулась, встала на лапки, потрясла головкой и снова бросилась жить. Невероятно, я думала, она умерла. Вот, как бывает. Может, это и есть знак? Это значит, что смерть можно обмануть, что нельзя сдаваться.

Я заставила себя пойти в операционную. Парень лежал белый и страшный. Я надела перчатки и, преодолевая брезгливость, начала воплощать план, возникший в голове внезапно. Скальпелем я подлезла в раздвинутую грудь трупа и отрезала сердечные артерии, аорту и вены, чтобы вытащить его. Через шесть-семь минут мне это удалось. Вся в поту я держала в руках человеческое сердце. Дальше я включила аппарат компьютерной томографии и просканировала орган. Он отобразится на экране монитора. Немного подумав, я задала принтеру напечатать силиконово-резиновую копию данного сердца. Принтер шумно принялся за работу. Горячее сопло

выдавливало силикон миллиметр за миллиметром, пока не выполнило поставленную задачу. Уже скоро я держала в руках искусственное сердце, как две капли воды, похожее на оригинал. Попытка не пытка. Я аккуратно затолкала в пустую грудь искусственный орган. Дальше я опять приготовила инъекцию для завершающего этапа моего эксперимента. Уколола. С трепетом жду. Вены, артерии, аорта, начали тянуться к силиконовому органу. Сердце начало обрастать мышечной тканью. Было ощущение, что оно вот-вот забьётся. Оно сделало попытку. Клапаны по одному разу открылись и закрылись. На этом – все. Крови в организме не достаточно или тело уже безнадёжно мертво. Причин множество. Факт в чем? В том, что силиконовое сердце возможно запустить. Парень безнадежен. Но появилась новая надежда. Появилась уверенность, что я могу больше, что не все потеряно.

Я чувствовала радость и, в то же время, грусть. Я верила, что парень оживёт. Провал. Или второе дыхание. Для меня.

Немого уныния, и я начала замечать следы. Я вернула на место родное сердце, а силиконовое поместила в пакет с формалином. Сам пакет спрятала в пластмассовую аптечку, положила её на самую верхнюю полку и закрыла. О моем эксперименте не стоит знать моим похитителям.

Ночью бандиты пришли за телом. Несчастливого погрузили в чёрный полиэтиленовый мусорный пакет и поволокли, сопровождая крепким словцом. Прощай, парень. Я стояла

у окна и плакала. Он, наверное, был чьим-то женихом или мужем. Его ждут родные, может ребёнок есть. Он никогда больше не придёт домой.

Я мыла операционную. Вылила в унитаз три ведра красной воды. Стало чисто, но мне всюду чудилась кровь и запах смерти.

Я прилегла. В голове стоял кадр бьющегося силиконового сердца в груди трупа. Кто бы помог разобраться, что это за результат. Попытка, которая не удалась, и которая, все же, очень многое изменила.

Глава 19

Он шёл, как всегда, следуя, за своим лабрадором, витая где-то далеко, хотя думал, что собака следует за ним. Он полгода выгуливается собакой, иначе вообще бы из дома не выходил. Благо дело есть работа и пёс. Жизнь течёт тонким руслом: дом – работа, работа – дом, собака – улица – дом. Он и раньше не был особенно любезен с окружающими, а теперь замкнулся, как будто чего-то ждал. Макс спешно перебрал лапами, оглядывая прохожих. Вдруг он остановился на мгновение, а потом пустился во всю прыть вперёд так, что хозяин еле поспевал за ним.

– Куда? – бежал Павел за Максом и смотрел вперёд.

Что же увидел Макс? Или кого? Какая-то девушка недалеко выгуливала серую хаски. Хаски тоже увидела Макса и побежала ему навстречу. Это был Боня. Он на всех четырёх бежал, радостно высунув язык. Рядом с ним бежала Рита. Собаки "обнялись". Они рады были видеть друг друга в отличие от Паши. Он не хотел видеть ни Риту, ни Алису, даже Боню. Рита узнала Пашу.

– Привет, Паша, – грустно поприветствовала Рита.

– Привет. Боня, это ты? – удивился Пашка, оглядывая собаку. – Рит, это что, протез?

– Да, протез, – неуверенно произнесла она.

– Что-то не похоже, – сомневался Паша, уже глядя Бонину

отросшую и обросшую шерстью лапу. – Нет, это не протез.

– Паш, я не знаю, что это. Лапа восстановилась. Просто чудо.

– Не бывает таких чудес.

– Хочешь – верь, не хочешь – не верь.

– Как?

– Лиска, укол какой-то придумала, – прятала глаза Рита.

– А где она сама?

– Не спрашивай.

– Почему?

– Я не хочу говорить об этой негодяйке.

– Даже так, – удивился опять Паша. – Что же она негодяйкой стала?

– Она разрушила всем нам жизнь. Уехала тогда среди ночи в Москву, зазналась, родителям сказала, чтобы они ей больше не мешали жить, что она, видите ли, там хорошо живёт, а мы ей все время названиваем. С Илюхой из-за неё расстались, – на последних словах её голос задрожал.

– А Илюха тут причём, если Лиса в Москву поехала.

– Она с дядей Ильи уехала, в его частную клинику.

– Она же только поступила на медицинский, уже работать позвали. Как это?

– Она – уникам, будь она не ладна. Разглядели в ней талант, увезли среди ночи. Она и рада – в пять минут собралась. "Не забуду вас, приезжайте в гости" – а сама... плевать ей на всех, кроме себя. Она всегда была такая. Только ей,

только она, – Ритку словно прорвало. Выплеснула все, что накопилось, сама плакала.

– На Лису это не похоже, – не согласился Паша. – Значит, среди ночи уехала с малознакомым человеком и отказывается общаться с семьёй?

– Я думала, она изменилась, а она – стерва. Прости, Паш, она и тебя кинула.

– Да, ну, не верю я, что Лиса такая. А с Ильёй что?

– Я насадала на него из-за его дяди. Просила его отвезти меня к ним. Я хотела увидеть Лису в Москве, сказать ей все, что она заслуживает, заставит извиниться перед родителями, а Илья вместо того, чтобы поддержать меня, наорал, развернулся и ушёл. Потом по телефону сказал, что больше не придёт. Трубку не берет.

– А ты искала его?

– Нет, я не стану бегать за ним. Если бы он меня любил, как говорил, то не бросил бы из-за пустяка. Значит, я ему просто надоела.

– Странно все это.

– Лиска даже о Боньке ни разу не вспомнила.

– Я не верю. Что-то тут не так. Я попробую выяснить. Клубок событий закрутился слишком быстро и подозрительно. Илья твой слинял, будто есть, что скрывать.

– Илья оказался козлом.

– Я не верю в такие метаморфозы. Я в полиции работаю и знаю, просто так ничего не бывает. Всему есть причины.

Ритка промолчала. Возможно, она предположила что-то, вспомнила её последние слова, действия. Они, молча, пошагали. Собаки резвились на лужайке. Им было все равно, о чем думали их хозяева. Рита, засомневалась. Паша думал о том, чтобы найти Лису. Он был уверен, что она попала в беду. Ни в совпадения, ни в чудеса он не верил. Он верил своим глазам, поэтому хотел увидеть Лису живой и здоровой.

Для начала Паша решил найти Илью. Он, наверняка, знает больше, чем Рита. Он расскажет, где найти Лису.

Глава 20

Паша сходил на работу к Илье. Кто знает, может, он тоже в Москву к дяде свалил. Подождал немного возле первой подстанции, он появился – не спеша, ковылял от парковки, озираясь по сторонам. Он приехал на серебристом ниссане, в руках сжимал брелок с ключом. Павел был в гражданской форме, стоял возле входа. Илья его узнал и тут же изменился в лице и в походке.

– Судаков Илья, здравствуй, помнишь меня? – уверенно, глядя в глаза, произнёс Павел.

– Нет, не помню, – с опаской ответил Илья. Он занервничал.

– Павел, друг Алисы, собаку помог донести после операции, помнишь?

– Допустим.

– Мне надо Алису увидеть.

– А я здесь причём?

– Ты же знаешь, где она.

– Не знаю, – как-то враждебно протянул Илья.

Почему враждебно? Ему не приятна эта тема? Или он пытается выглядеть убедительно.

– Она не безразлична мне. Хочу её найти. Поговори с дядей, надо её найти.

– Она больше не работает с дядей. Мы ничего о ней не

знаем.

– Илюх, понимаешь, молодая девушка уезжает из дома в столицу с "без пяти минут родственником" и пропадает. Страшно, как-то. Она ещё ребёнок. С ней могла случиться беда. Что скажешь?

– Я здесь не причём. Лису искать не собираюсь, не знаю, где она, – продолжал не убедительно Илья, глаза виновато бегали. – Паш, тебя Рита подслала? Замучили. Пусть Лиса живёт своей жизнью. Отстаньте от неё. И от меня.

Илья прошёл на свою работу. У подъезда готовились на вызовы "скорые газельки", шаферы суетились вокруг машин и подшучивали между собой. Паша постоял, посмотрел по сторонам, обдумывая дальнейшие действия, потом пошёл прочь. Проходя мимо машины Ильи, Паша придумал хитрость.

– Для чего мне два телефона? – прошептал себе под нос Паша и, повертев головой по сторонам, вытащил из внутреннего кармана "онер 7 а". Он выключил на нем все звуки и включил геолокацию. В машине у него была изолента. Не пожалев мотка и телефона, Паша зафиксировал на мосту его автомобиля свой телефон.

– Посмотрим, где ты бываешь, Илюша.

Паша довольно сел в свой "сандеро" и уехал. На следующее утро ниссан поехал. Паша поехал по её следу. Сначала Илья поехал домой, к себе на квартиру. Около подъезда к нему подошли двое коренастых серьёзных ребят, они ми-

нут десять постояли, пообщались, передали Илье какую-то бумагу формата А4 и разошлись. Паша проводил взглядом мордovorотов и уехал. Илья на крючке, за ним надо будет поехать.

Вечером ниссан поехал вновь. Паша последовал за ним. Машина остановилась возле новостройки в центре. Павел остановился на другой стороне. Илья вышел и направился в подъезд. Через полчаса Илья вышел с мужчиной, у которого не было руки. Они сели в машину Ильи, посидели минут пять, затем тронулись. Преследовать вплотную Паша не стал, держался вне поля зрения. В его телефоне было видно, куда движется машина. Они выехали на горьковскую трассу и прибавили скорость. Через некоторое время завернули в Волжский. В посёлке они заехали в глухой район к старой пятиэтажке. Она была обшарпана и заброшена. На часах было семь вечера. Около подъезда их встретили двое вчерашних товарищей Ильи. Осторожно осматриваясь, они поторопились в подъезд. Хорошо, что на подъездной двери не было замка или домофона, Паша спокойно вошёл через несколько минут после них. В нос ударил затхлый запах: то ли подвальный, то ли мусорный. На первом этаже никого не было. Паша насторожился и медленно пошагал по ступенькам вверх. Где-то наверху слышны были голоса. Сердце бешено колотилось. Паша понимал, что дело не чисто, понимал, что один и назад пути нет. Конечно, он бы мог попробовать сейчас убежать, но тогда он не узнает, что скрывает Илья. Возмож-

но, Алису. Что-то неземное тянуло Пашу к Алисе с первого дня их знакомства. Как это назвать? Может, любовь с первого взгляда. Может, запретный плод сладок. Даже, когда Лиса отвергла его, он не перестал любить ее. Злиться и любить. Эти чувства и двигали им в данный момент. Здравый смысл и инстинкт самосохранения притупились. Он хотел видеть Алису. Он верил, что Илья приведет его к ней.

Паша медленно поднимался. Сначала второй этаж, затем третий. На четвёртом Паша встал. На пятом этаже топтались и голосили человек пять-шесть. Послышался голос Ильи:

– Короче, кто тебе это сделал и за что, ты сам решаешь. Я тебе сказал, что могу исправить. Перекидывай деньги на мой номер сейчас.

– Слушай, давай половину сейчас, а вторую половину после того, как рука отрастет.

– Не доверяешь? Мы вроде все обговорили. У тебя нет другого выбора. Хочешь руку восстановить или нет?

– Ребята, странно все. Мы, хоть, где?

– Тебе не надо знать. Ты уже рискнул, и я тебе говорю, не зря. Деньги.

– 50 на 50?... Ребята, вы меня можете грохнуть здесь, если скину деньги сразу.

– Сыграем в "верю – не верю". Если результат оправдывается, то ещё 200 тысяч сверху.

– Договорились.

Голоса смолкли. Послышался скрежет замка, дверь от-

крылась. Компания зашла в квартиру. Паша недоумевал, что же задумали эти ребята. Кажется, этаж опустел. Герой-одиночка пошагал выше на свой страх и риск. С пятого тоже кто-то пошагал вниз. Возможно, услышал шорох, шаги и решил проверить. Паша никак не успел среагировать, на него направили пистолет.

Амбал, что пасся возле дверей, приказал:

– К стене, руки, чтобы я видел.

– Я, наверное, ошибся, – начал юлить Паша. – Я думал, что здесь никого нет. Мне переночевать негде.

– Что-то не похож ты на бомжа. Пойдём-ка, поднимайся.

И Роберт повёл его к заветным дверям. Набрал номер на своём телефоне.

– Шеф, тут у нас крот объявился. Крался, подслушивал. Куда его? Допросить? Сейчас. Илья здесь ещё. Хорошо.

Из разговора этого "швейцара" было ясно, что Паше никто не поверил, и что его не выпустят отсюда. Его усадили на стул прямо возле дверей. Начался допрос.

– Ты как тут оказался?

– Я от ментов прячусь, думал, засяду пока здесь. Место тихое.

– Подозрительно. Не верю я тебе. Что же ты мог сделать, что менты тебя ищут?

– Я – вор.

– Почему именно сюда пришёл? Где работал?

– В Краснослабодске. Здесь прячусь.

– На чем ты?

– Автостопом.

– В Волжском ментам не попадался?

В это время из дверей вышла компания. Двое коренастых ребят и Илья. Все они уставились на задержанного.

– Оба на, какие люди, – проговорил Илья.

– Ты знаешь его? – удивлённо констатировал Роберт.

– Упертый гад. Пас меня, наверное. Со вчерашнего дня интересуется мной. Вот и приплыл, – театрально развёл руками Илья.

– А он тут мне другое втирал. Мол, вор, спрячьте меня, братаны. Знаешь, что бывает с болтунами?

– Илюх, она здесь?

– Нет. Ты – идиот, Паша. Ты себя приговорил. Очень глупо... Шефу сообщил? – спросил он Роберта.

– Да.

– Что шеф велел?

– Удерживать. Он завтра приедет, решит.

– Уведите его на четвертый.

– А кто за ним там смотреть будет? Пусть здесь сидит.

– Нельзя его здесь оставлять, – настаивал Илья.

– Почему?

– Нельзя, – не сдавался он опять.

– Иди на четвертый, смотри за ним сам. Я сейчас шефа наберу.

– Мне ехать с клиентом надо будет, я не могу оставаться.

– Клиента отвезут без тебя.

В дверях появился тот "клиент" с сопровождением уже полноценный и счастливый.

– Ребята, вы такие молодцы! – с трудом подобрал слова счастливец.

Паша, воспользовавшись моментом, разглядел через дверной проем меня.

– Алиса! – возбуждено выкинул он, не веря своим глазам.

Я услышала и прямо перед закрытием двери рванула к ней.

– Паша, Паш, – слышались мои отчаянные возгласы из-за закрывающейся на ключ двери.

– Выпустите её, уроды, – вскочил со стула Паша, но тут же был усажен на место ударом в живот.

– Успокойся, урод, – среагировал Роберт. – Надо бы его связать, а то он дерганый какой-то.

Я барабанила в черную металлическую дверь, говорила слова радости, но меня плохо было слышно. Дверь стояла хорошая, дорогая, при всем желании не вышибешь.

– Деньги переводы, Шкурин, – обратился к нему Илья. – Спускайтесь в машину, я открою сейчас, – скомандовал Илья мордovorотам-сопровождaющим.

Клиента повели вниз. На этаже остались трое.

– Илюх, ну как так-то? – сокрушался Паша, преодолевая боль.

– Это обречонка, Паша. Не судьба, не получится ничего

у вас. Жаль, конечно, но у каждого своя дорога. У неё дар – она людей чинит, у меня – связи, я бабки зашибаю, хорошим людям нужен. Ты вчера мог жить, а сегодня – сам себя приговорил. Зачем полез сюда? Алиса тебе нужна. Она многим нужна.

– Илюх, ты же можешь помочь. Я же на тебя надеялся... Ради Риты.

Илья промолчал. Лишь сплюнул себе под ноги и отвернулся к Роберту.

– Пойду, в общем, провожу ребят, с деньгами разберусь и вернусь. Пригляди пока за этим.

И Илья потопал вниз. Паша остался слушать шумное дыхание Роберта из-за сломанной перегородки носа, скорее всего, и мои отчаянные попытки быть услышанной.

Паша не думал о своей дальнейшей судьбе, он думал о том, как вызволить меня из плена. Он надеялся, что появится возможность. Или она уже предоставлена? Паша вскочил со стула и набросился на амбала. С ноги он нанёс удар ему в живот. Роберт лишь пошатнулся, но устоял на ногах. Паша продолжил борьбу. Схватив стул, он с размаху ударил соперника по голове. Стул разлетелся – он был старый. Роберт же только разозлился. Он толкнул Пашу, что тот ударился головой об стену и скатился, держась за голову. Роберт хотел ударить ногой, но сдержался, убедившись, что Паша итак в нокдауне.

Голова болела, кружилась. Паша сидел на бетонном полу

и ненавидел сам себя. Возможность упущена.

Зазвонил телефон. Роберт ответил. Ему звонил Илья. Кажется, он говорил о том, что не может остаться. Что возникла проблема с деньгами, что двести тысяч нужно ехать и брать дома у клиента.

– Илья, я его ночью пристрелю. Он сломал об меня стул. Он нам нужен, вообще?

– Шеф приедет завтра, – слышно было на том конце.

– Почему все на мою голову? Куда мне его?

– Запри его с Лисой. Так будет спокойнее.

– Надо посоветоваться с шефом.

– Не надо, пусть это будет необходимостью.

– Это Лиске, типо, подарок? А дар у неё не пройдёт от такого счастья?

– Нет, думаю, нет.

– Смотри, ты отвечаешь, если что.

На этом и решили. Паше понравилась затея, даже боль в голове почти улетучилась. Роберт поднял за шкурку пленного и толкнул его к стене рядом с дверью.

– Не дергайся, а то я тебя пристрелю, козёл, – пригрозил амбал с пистолетом в руке и полез за ключами в карман куртки.

Паша не собирался дёргаться, ведь он хотел видеть, наконец, свою любимую.

Глава 19

Дверь раскрылась. На пороге стоял Паша. Он вошёл. Я

бросилась к нему в объятия и сильно-сильно прижалась. Паша приподнял меня и поцеловал в губы. Он целовал меня нежно, боясь причинить боль, хотя он так истосковался, что готов был задушить в объятиях.

– Паш, я так тебя люблю, люблю, – повторяла я, будто боялась не успеть сказать ему эти заветные слова и плакала.

– Я знаю, моя маленькая, я тоже тебя люблю, поэтому я здесь.

Он целовал мои губы, щеки, глаза и нос. Он вытирал мои слезы, приговаривая:

– Я вытащу нас отсюда, верь мне.

– Я тебе верю. Я тебя хочу, – шептала я и податливо бросилась головой в ласки любимого.

Паша гладил мою спину и целовал щеки и шею. Я сняла с него куртку и тоже запустила свои бугристые пальцы под его свитер. Прикосновения и чувство близости любимого способствовало сильному желанию. Я сняла кофту и уже не стеснялась своего тела. Я любила, доверяла. Неизвестно, что будет завтра, сегодня я буду счастлива. Когда мы оба оголили верх и наслаждались теплом друг друга, давая волю бессовестным рукам, ласкавшим интимные зоны, замок заскрежетал. Чёртов замок! Кто-то решил помешать нашему счастью. Скрежет привёл нас в чувства, вернул с небес на землю, плюхнул с высоты об асфальт. Сколько не сравнивай, итог один – дверь открылась.

Приехал Роман Васильевич, ублюдок.

– Ух, ты, я не вовремя, – наигранно похлопал шеф. – Лиса, а ты шустрая штучка.

Я накинула на себя валявшуюся недалеко кофту и пыталась умерить дыхание. Паша встал.

– Что тебе? – прикрикнул он с блестящими от поцелуев губами.

– Ты кто? Не шуми. Лиса, я думал ты моя?

– Она моя. Мы любим друг друга.

– Любишь? Что ты можешь ей дать кроме любви?

– Свободу, счастье, выбор – да много чего, – дерзко возразил Паша.

– Как насчёт вечности? – с этими словами он протянул руку Алисе.

Роман Васильевич сверкнул чёрными глазами, брови его странно сдвинулись, образуя глубокую морщину на переносице и на лбу. Лицо его сделалось нечеловеческим.

– Алиса, дай мне руку, и мы разделим с тобой вечность.

Моя правая ладонь зудела. Рука, будто бы тянулась к этому страшному человеку. Так не должно быть. Паша застыл на месте. Он просто смотрел на меня и молчал. Время, будто остановилось. Я взглянула на зудящую ладонь. На ней был рисунок: солнце, а в его центре меч. Откуда этот рисунок? Ладонь горит и тянется вперёд. Внутри меня разыгралась буря. Буря эмоций. Любовь и страх, борьба и боль.

– Нет. Нет, – повторяла я.

– Алиса, руку, – требовал старик. – Я всегда буду рядом,

дай мне руку.

– А Паша?

Он застыл. Все застыли, кроме нас двоих. Меня трясло. То ли от страха, то ли от холода, то ли от внутренней борьбы. Старик, будто гипнотизировал меня.

– Я люблю его.

– Насколько глупы людишки! – прогремел старик. – Придумывают любовь, добродетель, обманывают себя иллюзиями, потом страдают. Неужели нельзя любить себя? ... Забудь его. Ты даже не человек. Ты – существо, душа, спрятанная моим братом от меня в тело девушки. Он прячет тебя миллиарды лет, забрасывает в параллели времени, в разные судьбы, но я тебя нахожу, потому что ты поддаешься земному влечению. Святая наивность.

– Кто ты? – испуганно прошептала я.

– Я – твой избавитель. Пойдём со мной.

– А Паша?

Этот упырь в образе Романа Васильевича выстрелил в упор, в сердце Паши. Паша упал замертво. Я упала следом. В ужасе от происходящего, я начала гладить лицо любимого, плача и боясь поднимать глаз. Пусть это будет сон, – молилась я.

– Его больше нет. Нет смысла оставаться здесь, пойдём.

Злобный оборотень начал сокращать дистанцию, но как-то несмело, будто боялся чего-то. Господи, защити, – не поднимая глаз, повторяла я про себя. Боясь прикосновения его

холодных рук, я сильно-сильно зажмурила глаза. Я зажала в кулак ноющую ладонь и закричала с закрытыми глазами. Я вложила в крик всю свою боль, все отчаяние, несогласие со своим положением. Я так сильно сжала кулаки и глаза, что даже чувствовала, как из них что-то сочится. Я куда-то провалилась. Какое-то облегчение обвило моё тело. Ощущение невесомости. Какое-то белое пространство, и я в нём. Как непонятно и приятно. Я умерла?

Женское сопротивление

Глава 1

Я спускаюсь по широкой лестнице, держа на руках четырёхгодовалого сынишку Даниила и ещё кучу грязного белья подмышкой в стирку.

– Даня, не хулигань, – мягко сказала я, молодая мама, убирая ручонки сына от висевшей на стене вдоль ступеней фотографии.

– Надо прибраться. Какой у нас беспорядок, – все приговаривала я, целуя малыша-непоседу.

Я спустилась в просторную прихожую. Справа была ванная комната, отделанная синей керамической плиткой. В левом углу разместилась душевая кабина, правее прямоугольная широкая раковина для умывания с огромным зеркалом. Справа от входа уборная и стиральная машина. С обеих сторон у машинки стояли плетёные корзины для белья с декоративными крышечками. В одну из корзин я и определила грязное бельё.

Выйдя из ванной, я направилась на кухню. Кухня-гостиная представляла собой обеденную и готовочную зону. Напротив, у стены расположился белый кожаный диван для отдыха. Над ним висел большой плоский телевизор.

– Даня, посиди здесь,

Я посадила его в детский стульчик, а сама подошла к плите помешать почти сварившийся суп.

– Скоро папа придёт с работы, мы его покормим и будем с ним играть.

– Папа придёт, – обрадовался малыш.

Заиграла мелодия на мобильном. Звонила подруга Кира. На часах было шесть вечера.

– Привет, подружка, – поздоровалась Даша.

– Да, Даша у меня идёт кровь из носа и лба. Он меня избил, – жаловалась полушепотом Кира.

– Опять? Кира, что на него нашло? Он же всегда такой весёлый, вежливый. Подумай, может он что-то знает или заблуждается в чем-то?

– Я не знаю. Я его боюсь, – рыдала подруга в трубку.

– Мне так тебя жаль. Тебя и Мишаню... Поговори с ним, спокойно. Пусть скажет, в чем дело.

– Я пробовала. Ни в чем. Он просто так бьёт меня кулаками, а потом, как ни в чем не бывало, просит накрыть на стол. Голос однотонный, без эмоций, как у робота. Нет того Сашки, за которого я вышла замуж пять лет назад. – Женщина на том конце задыхалась от слез. – У меня отец такой был, сосед такой. Выходила за Сашку, думала, у меня по-другому будет.

– Уходи от него, не терпи. У тебя один ребёнок. Как-нибудь. Ты ещё сможешь найти свое счастье. Жалко ребёнка.

Он видит ругань, рукоприкладство. Что станет с его психикой?

– Даш, ты о чем? Куда уходить? Кому я нужна? Мама не стало. Отцу я не была нужна никогда. Даш, так у многих. Я общаюсь с двоюродными сёстрами – у них такая же история, как у меня. У Ирки Родниной так, у Машки муж пьёт беспробудно, гнобит её по-всяки.

– Разводись.

– Он меня убьёт. Ты не представляешь, как он изменяется, когда выходит из себя. Он монстр.

– Кира...

У меня не было слов, для того, чтобы поддержать в такой ситуации подружку детства. Я не могла ей помочь. Хотела, видит Бог. Но чем?

– Всё, он идёт.

Она бросила трубку. Мои щеки горели. Хотелось пригласить её с ребёнком к себе, но я живу не одна. Мой Лёша не позволит. Он не сторонник лезть в чужие отношения, тем более семьи. Лёша мягкий, немногословный, добрый. Он хороший муж, отец пока двоих детей. Мне повезло с ним.

Мы поженились, когда нам было по восемнадцать. Вместе учились, жили в соседних домах. Мы больше, чем супруги, мы – друзья, выросшие вместе. Отсюда и взаимоуважение, привычка быть всюду вместе – мы называем это любовью.

Ника у нас родилась через пять месяцев после свадьбы. Это было волнительно. У детей родился ребёнок. Родители

помогали, спасибо, научили азам материнства, а отцовство Лёша освоил через месяцев шесть. Он боялся брать на руки новорожденную до полугода. Брался за любую работу, только чтобы не оставаться наедине с малышкой. Он боялся её. На моих руках он её любил, играл с ней, общался, но в своих руках долго не держал. Позже признался, что боялся сломать маленькую драгоценность.

Через четыре года родился Даня. В двадцать два года мы уже были богаты двумя детьми, когда некоторые строили карьеру, искали того единственного. Многие крутили пальцем у виска, зачем, мол, обременять себя узами брака, детьми. Замужество постепенно выходило из моды. "Добровольно сдавать себя в рабство", – как выражалась моя однокурсница в университете. Я же сделала свой выбор и не жалела о нем. У меня все было хорошо. Двое здоровых детей, прекрасный муж, большой дом, машина в кредит. Всё это мы сделали вместе с моим Лешей, ну и родители немного помогли.

На часах – двенадцать ночи. Лёши все нет дома. Его мобильный не доступен. Что-то случилось. Моё сердце было не на месте. Он так сильно не задерживался. По крайней мере, звонил, если что, а тут и телефон выключен. Надо позвонить Артёму, они вместе работают на предприятии. Набираю.

– Артём, извини, что так поздно. Лёша не с тобой?

– Нет, Даша. Он поехал домой. Мы отметили день рождения коллеги. Не волнуйся, он скоро будет дома, – заверил меня его товарищ.

– Хорошо, извини.

Не находя себе места, я мерила шагами кухню. Дети уже спали наверху, в детской. Я ещё час побродила от окна к окну и прилегла на диван. Проснулась от того, что на лицо мне пролили воду. В испуге я вскочила. Передо мной стоял Лёша, сильно пьяный. Его брови сдвинулись, он был зол.

– Стерва, я тебе безразличен? – кричал он.

– Что ты творишь? Не кричи, дети спят, – пыталась его успокоить я.

– Не прикрывайся детьми, я все знаю.

– Что ты знаешь? – удивилась я.

– Ты, шалава, я ненавижу тебя.

С этими словами Лёша вцепился мне в шею и начал душиить. Он был невменяем, перед глазами пустота. Каким-то чудом он ослабил хватку, и я вырвалась. На коленях я отползла от него.

– Ты мне не звонила, я тебе не нужен. Я тебя порву, просто порву.

Он устался в стену и говорил с ней. Затем он ударил по ней кулаком, разбил себе кисть в кровь. Он бил рукой в стену, раз пять, потом встал и ушёл в нашу комнату на второй этаж. Я терла шею и тяжело дышала. Что это было? Белая горячка?

Через минут пять я на цыпочках поднялась наверх и взглянула в щелку двери в нашей спальне. Он лежал на кровати. Я взглянула, спят ли дети. Спят. Снова спустилась

вниз. Спать я уже не могла. Я заснула лишь к утру. Меня разбудил Лёша с Даней на руках.

– Спишь, не слышишь, ребёнок проснулся, – негромко пробасил взъерошенный Лёша, сажая мне его на живот.

– Мама, – обрадовался малыш.

– Налей-ка нам компота, – предложил муж, уставившись на меня, как ни в чем не бывало.

– Сейчас, – послушно встала я и направилась к холодильнику.

– А пива там нет?

– Нет, – сухо ответила я и хлопнула дверцей.

– Ну, нет, так нет.

Он осушил весь бокал и пошёл обратно в комнату. Интересно, он помнит, что было ночью? Судя по всему – нет. Я тоже попила компота. Даня закапризничал.

– Дань, я погрею, дам и тебе.

– Дай пить мне, – залепетал Данечка нетерпеливо.

– Дам, секундочку.

Глава 2

Выходные пролетели незаметно. Близился вечер воскресенья. Лёша не помнил, как набросился ночью после дня рождения. Все отрицал, обвинял в том, что много слушаю своих подруг. Он мучился от похмелья целый день. А сегодня в полдень он ушёл из дома, ничего не сказав. Телефон с собой не взял. Я подумала, что это к лучшему. Пусть подумает о своём поведении. Может, извинится, хотя бы. Домой он вернулся за полночь. Дети спали, я – нет. Пока ждала его, чего только себе не представляла. Боялась заранее его непредсказуемости.

Он появился. Закурил, глядя на меня, а горящую спичку задушил мне в волосы. Я увернулась.

– Лёш, ты что? – испуганно заговорила я.

– А ты?

Бешено глядел он на меня и затягивался всеми лёгкими. Впервые я видела, что он курит.

– Ты пьян.

– А ты?

Он странно продолжал на неё глядеть.

– Лёш, ты пугаешь меня.

– Бойся.

– Я не хочу с тобой говорить сейчас, иди спать, – начала было я и отвернулась к раковине.

Он подошёл сзади и ударил меня головой об верхний ящик гарнитура. Затем повалил на пол и начал рвать на мне одежду. Я сопротивлялась и плакала.

– Лёш, что ты? Пусти меня.

А Лёша порвал сорочку и навалился на меня всем телом. Он не обращал внимания на мои вопли, на мольбы, он схватил меня за волосы и изнасиловал на полу кухни. Кричать я себе не позволила, не хотела, чтобы дети услышали. Он трудился надо мной минуты три, а после, посвистывая, ушёл на второй этаж. Я перевернулась на спину, смотрела на красивый натяжной потолок, а слезы медленно капали на тёплый пол.

И этого человека я любила недавно. Всё ради него. Столько жертв: верность и забота, свобода и исполнение его желаний. Всё, о чем мечтала я, с ним стало неважно. Его желания стали нашими.

Вот, что я для него значу. Как дальше жить с этим человеком? Это какая-то шизофрения. Как такое может происходить с нами? Он хочет, чтобы я ушла?

Утром он поцеловал меня в бровь, я проснулась. Я спала у детей на диванчике. Неудобно, все же лучше, чем с ним.

– Я хочу, чтобы ты спала в своей комнате, – отнотонно заявил Лёша.

– Ты этого хочешь? – хмыкнула я.

– Да, там твоё место.

– Я от тебя ухожу. Что скажешь?

– Нет, твоё место здесь, со мной.

Я вышла из детской, пошла в спальню, поражаясь его наглости. Он последовал за мной.

– Лёш, ты изменился. Что случилось? – спросила я трясущимся голосом. – Что ты творишь?

– Я – твой муж, ты – моя жена – все так, как должно быть.

– То есть это нормально? Бьёт, значит любит. Мы с тобой обсуждали когда-то эту поговорку. Теперь все изменилось? Я не буду терпеть, ты знаешь меня.

– А ты знаешь меня?

– Я думала, что знаю, – горько сжала я губы и отвернулась, пряча слезы.

– Я на работу, приду поздно. Жди.

– Чего? Я не прощу тебя, Лёша. Ты пожалеешь.

Он подошёл и с размаху ударил меня по лицу ладонью. Ничего не сказал, просто вышел из комнаты. Он уже был одет, взял только куртку с кровати. Я осталась стоять посреди спальни, ошарашенно марая глазами. Дверь внизу захлопнулась, я подошла к окну. Лёша немного покрутился около машины, затем сел в неё и уехал. Щека горела, но это ничего, по сравнению с тем, как пылало моё сердце. Оно разбилось и ныло. Половина его была в осколках и кровоточила. Как быть? Какой-то ступор. Страшный сон, я отказывалась верить в происходящее. Все надежды на счастливое будущее улетучились. Остался ступор и вопрос: уйти или остаться. Остаться, значит принять его условия и мириться со своим

положением, а уйти... Куда уйти? Я не работаю, у меня двое детей, школа, детский сад. Он не отдаст детей. Мне нечего им предложить. Я пожертвовала всем ради него. У меня нет ни профессии, ни работы, ни выбора. Боже, я даже не представляла, что такое когда-то может случиться. Если бы я знала.

В комнату вошла Ника и заглянула в окно.

– Мам, я не иду в школу? – предположила дочка, заметив, что папиной машины нет на месте.

– Идёшь. Буди брата, вы опаздываете.

Я обняла дочку, поцеловала её в макушку и сбежала на кухню, пока она не начала спрашивать о моих глазах. Быстро собрала детей, оделась сама, и мы выбежали из дома. Обычно, их до школы и до сада подвозил папа, но теперь все не обычно.

– Мам, а вы с папой поругались? – спросила Ника дорогой.

– С чего ты взяла?

– Он не приходит домой, не возит нас больше.

– Ник, он приходит поздно, а уезжает рано. У него теперь много работы.

– А он не будет из-за этого нас бить?

– Ника, почему он должен нас бить?

– Вику Лапину папа бьёт и маму бьет тоже.

– Это она тебе сказала?

– Да. А Колю Карпова папа отобрал у мамы и перевёл в другую школу.

– Как это отобрал?

– Они развелись. Ну, мама с папой. Сначала Коля с мамой жил, а теперь папа отобрал Колю.

– У них своя семья, у нас своя. Я вас никому не отдам. Я вас очень сильно люблю.

Мир сошёл с ума. Сплошь и рядом разводы, разделы имущества, разборки – бедные дети, они страдают от безответственности родителей. Видят пьяные драки мам и пап, оскорбления и ненависть, когда-то любящих друг друга людей. Мы разучились жить вместе. Это трудно, но нужно любить не только себя, уметь прощать, не бояться уступить в ссоре. Мы забываем, что ссоримся с близким человеком, не хотим сделать ему больно, не подозревая, что боль копится раз за разом, и однажды букет цветов или банальное "прости" может не спасти брак.

Тем не менее, люди избалованы, облюблены родителями, слишком эгоистичны, самоуверенны, чтобы признавать свои ошибки. Огромный выбор, свобода отношений, доступность и вседозволенность в сумме дают легкомысленность. Легко обрести, но сложно пронести. Люди не умеют хранить отношения, ведь это вклад, труд. Проще отпустить, залить горе и размениваться дальше по мелочам, заблуждаясь по поводу того, что нет настоящей любви или, сокрушаясь по поводу того, что им не везёт в этой самой любви. Слушать близко-го человека, интересоваться его мыслями, не раздражаться, если он не понял или прослушал, быть рядом в трудную ми-

нугу, даже если он далеко, не это ли настоящая любовь?

Рассуждая о человеческой порочности, я дошла до дома. Ника и Даня успели в свои учреждения. Я же шла по пустынной улице, вдыхая морозный воздух. Стоял февраль. Асфальт был тщательно расчищен, да снега, вообще, почти не было. Зима неснежная в этом году.

Дома мне стало ужасно одиноко. Я давно не звонила маме. Они живут с папой и сестренкой в другом конце города. Сестра на пять лет моложе меня, умничка, круглая отличница, заканчивает одиннадцатый класс весной. Отец заводской рабочий, наладчик. Ему шестьдесят лет, скоро на пенсию. Маме пятьдесят шесть. Она работает в налоговой службе. У неё большое сердце.

– Привет, мам, – как можно радостно сказала я.

– Привет, доча, давно не звонила. Как ты?

– Хорошо. Вы как?

Я несказанно рада была услышать мамин голос. Оказывается, я соскучилась по нему до слез.

– Дочь, ты плачешь там?

– Нет, – соврала я и вытерла слезу.

– С детьми все нормально?

– Да. Как Анютка? К экзаменам готовится?

– Она-то, хоть завтра на экзамен. Она за себя и за того парня ответит. Мечтает уехать от нас подальше.

– Почему?

– С отцом не ладят они. Он придирается к ней по пустя-

кам, а она обижается.

– Уж к ней-то что придирааться: учится, дома помогает, не то, что я в свое время.

– Старее папка. Ворчит...

На заднем плане заговорила Аня, отняла трубку.

– Даш, папа сошёл с ума. Он бросается на нас с мамкой, какой-то дикий. Вчера закрыл нас дома и на целый день, ушёл куда-то. Пришёл то ли пьяный, то ли какой, неадекватный, в общем.

– Да? – удивлённо подняла брови я.

– Даш, по телевизору, в новостях не слышала, один мужик в Пензе жену и двух дочерей зарезал. Сначала, говорят, руками бил, потом, когда жена начала отпор давать, он зарезал её, а потом детей. Даш, слышишь, до чего пьянка доводит. А наш тоже не трезвенник. Что делать, я боюсь.

– А где он сейчас?

– На работе. Может, не пускать его. Может, на работе их зомбируют?

– Брось ты, страшилок насмотрелась. Кризис среднего возраста, максимум, перебесится, – неуверенно говорила я, чётко понимая, что сестра правильно заметила. – Маму береги, я ещё позвоню.

Сбросила звонок. Мужчины в мире и впрямь сходят с ума. Я взрослая девушка и не должна поддаваться воображению, хотя в голову лезли нереальные версии. Как ещё объяснить поведение Лёша, папы? Я заставила себя заняться уборкой и

готовой, голова пухла от разных мыслей.

Глава 3

Год прошёл. Я, будто попала в фильм ужасов. Мир, в котором я жила год назад ушёл в забвение. Опасения моей сестры, которые я не восприняла тогда, сбылись. Начало было положено ещё раньше. Постепенно мужчинами в мире овладело что-то сатанинское. Они оставались нашими мужчинами: мужьями, братьями, отцами, соседями и тому подобное, но только внешне, на деле же их словно подменили. Они были требовательными, жестокими, неумолимыми, отторженными. Жены стали рабами своих мужей, дочери – рабами отцов. У кого отцов не было, у тех история ещё хуже, их вывозили за города, и никто больше о них не слышал. Женщин планеты поработили. Они стали собственностью мужского пола, их вещью, служанками, куклами для утех. Дети мужского пола по достижении восьми лет отдавались в спецшколы, а девочки делили участь матерей. Никто не знал, что это за школы для мальчиков, чему в них учат. Явно, не доброму.

За год жизнь в городе изменилась до неузнаваемости. На улице патрулировали полицейские. Женщин тщательно проверяли. В базе данных была информация о зарегистрированных женщинах, то есть живущих в семьях. Если документ-бейджик не подтверждал этого факта, то женщина задерживалась и увозилась куда-то. Полицейские позволяли себе многое: применение пистолетов, электрошокеров, даже

в отношении детей.

Лёша меня запирал. Не думаю, что он беспокоился обо мне, так как на улице было опасно, я просто должна была быть дома. А с его приходом начинался домашний ад. Мои дети жили в страхе вместе со мной. Я научила их скрывать страх и повиноваться. Когда Лёша все-таки бил Нику, она не плакала, научилась, чтобы не злить его ещё больше. Даню он почти не замечал. Главное, Даня был дома.

Я готовила для нас, стирала, убирала, выполняла его поручения, терпела его выходки, молчала – это были основные мои задачи. Телефона он меня лишил. Может, думал, что я кому-нибудь пожалуюсь, позвонив. Смешно. Кому в этом мире можно пожаловаться? Господу Богу? Он давно забыл о нас.

Как там мама, Аня, я тоже не знала. Анютка звонила как-то около года назад, жаловалась, что отец заставляет их передвигаться дома на коленях, в школу не пускает. Это не нормально, я знала, но, что я могла сделать. Я посоветовала, сдать отца в психушку. Что дальше стало с ними, я не знаю. Я терпела безумие Лёши, психушка и нам бы не помешала. И так стало в каждом доме, где был мужчина. Они захватили не только дома, но и погрузили в хаос весь мир.

Вторник, 23 марта. 2050 год. Полдень.

– Давай с нами, Ника, – позвала я играть в настольную игру дочку.

– Нет желания, – пробурчала Ника.

– Весело же, пойдём, – хохотала наигранно я. – Даньке нравится.

– Пускай, я наверх.

Ника пошагала в свою комнату. Мы остались на просторной светлой кухне, играя и веселясь.

Через час Даня измотался и начал зевать.

– Пошли к сестре. Сестра, наверное, уже спит, и мы ляжем.

Данил послушно пошёл за мной за руку. Мы вошли в детскую, в ней Ники не было. Мне казалось, она пошла в комнату. Значит, в нашей спальне уснула, – подумала я и, уложив Даньку в постельку, направилась проверить спальню. В нашей комнате её тоже не было, зато было настежь открыто окно. Я бросилась к окну, смотреть вниз и по сторонам – её нигде не было видно, но только отсюда, она могла спуститься. Под окном козырёк от крыльца, а на стене крыльца леска для вьющихся цветов, по ним она могла спуститься на улицу.

Я постояла у окна, не зная, что мне делать. Ника убежала из дома. Она с утра не в настроении, я должна была быть с ней рядом. Где она теперь? Без документов. Её задержат. Что будет? Я достала из антресоли документы: свой и дочери, сунула их в карман. Надев джинсы и короткую куртку, на ноги обув кроссовки, в следующее мгновение я перемахнула через окно на козырек. По леске пройтись мне не удалось, леска порвалась, и я приземлилась на небольшую горку снега с прошлогодними листьями вперемешку, ударила колено,

но, похрамывая, добралась до калитки, открыла и поковыляла по улице между домами. Пробегая мимо садовых участков товарищества, я думала, куда она могла пойти. Может, соскучилась по детской площадке, по аллее с лавочками в виде сказочных персонажей. Пойду-ка я в ту сторону, далеко она не могла уйти.

Глава 4

Я сама давно не была в городе. Очень много машин, так же как и раньше. Людей мало. Мужчины – холодные, подозрительные, пристально глядят на меня, как будто я что-то украла. Тем не менее, я шла вперёд, дошла до аллеи. Ники нигде не было. Я оглядывалась по сторонам, паниковала. Ни женщин, ни детей в округе не было. Не было ни смеха, ни тепла, ни цвета. Всё казалось серым, безжизненным, а главное – я не могла найти Нику. Я села на лавку и опустила голову. Скоро проснется Даня. Как я вернусь домой без Ники?

Ко мне кто-то присел, заговорил.

– Кого-то ищешь?

Я оглядела с ног до головы этого человека. С виду похож на мужчину, но приглядевшись, я поняла, что это женщина. На ней было черная куртка до колен, на голове кепка с козырьком, на шее густо намотан темно-серый шарф, на ногах мужские зимние сапоги. Лицо было молодое, на глазах затемненные очки.

– Тебе помочь? – повторила она.

– Я потеряла дочку. Ей девять лет. Она худенькая, бледненькая. Ника. Её зовут Ника.

– У тебя синяк на лбу, губа разбита. Тебе нравится твоя жизнь? – неожиданно проговорила незнакомка.

– Что за вопрос? У меня нет выбора.

– Ты просто не знаешь, о том, что он есть.

– Кто вы? – удивлялась я.

– Я скоро стану известной личностью. За мной пойдут миллионы женщин земли. Мы вернём свою свободу. Мы поставим на колени мужской пол, а потом истребим. Ты хочешь этого?

– Я хочу найти дочь. Ты, я вижу, не в себе.

– Анна Перова. Ты её знаешь?

Я напряглась, не сводила глаз с ее лица.

– Это моя сестра. Что ты знаешь о ней?

– Она была сегодня под твоими окнами. Ника с Аней.

Я воодушевилась, запаниковала. Как реагировать? Хорошо это или плохо?

– Почему она не зашла ко мне?

– Нам пока нельзя рисковать. Рано.

– Верните мне дочь. Я не могу вернуться без неё.

– Не возвращайся. Прямо сейчас пойдём со мной.

– У меня дома сын.

– Сын – это мальчик, он не нужен, оставь его.

– Как оставить? Я не могу, – запротестовала я, округлив глаза.

– Ради сына он тебя из-под земли достанет, будь уверена. Без сына больше шансов уехать подальше.

– Ты спятила.

– Решайся, или сгинешь в рабстве.

Нас заметила патрулирующая парочка. Они пошли в на-

шем направлении. Девушка встала и, сунув мне в ладонь бумажку, спешно пошла восвояси. Бумажку я спрятала в лифчик, под грудь, расстегнув молнию куртки. Я тоже поспешила, пока патрульные не нагнали. Не хотелось бы наткнуться на их неравнодушие. Они заметно прибавили шаг, хоть беги. Я, хоть в душе и чертовски боялась, действовала, как заправский секретный агент. Не знаю, откуда во мне взялись силы и умения, но я решила уйти от преследования. Раньше, когда была законопослушным гражданином, мне было проще поднять трясущиеся руки и сдаться, но сейчас на кону жизнь и благополучие моих детей. Я вернусь домой правдами и неправдами.

Я завернула в сады. Пошла узкая тропа, заросшая кустами. Я знала, что когда-то в одном месте был лаз. Его проделали бродячие собаки, бомжи. Его никто так и не заделал. Дом забросили, сад зарос. Мне было это на руку. Я нырнула в этот лаз в заборе и скрылась в зарослях малины и крыжовника. Ободрала руки, порвала куртку, но, завернув за небольшой дом, отворила калитку и вышла на другую улицу. Тут недалеко мой дом. Я побежала. Три дома до моего. Два, один. Сзади никого не было, хотя я думала, что вот-вот меня поймают. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Я открыла калитку, вошла и вновь запела. Как войти в закрытый дом? Теперь предстояла новая задача. Надо забраться тем же путем. По леске? Нет, уж. В подвале должна быть лестница. Я притащила лестницу, по ней забралась наверх. Уже дома

я связала простыни и бросила их верёвкой из окна. Вновь спустилась по лестнице, убрала их обратно в подвал. Нужно забраться по импровизированной верёвке. Я хорошо закрепила её дома, поэтому уперлась ногами в стену пристроя и, хоть не сразу, но забралась на крышу. Видит Бог, как сложно это было сделать. В комнату забежал Даня.

– Мам, ты где была? Я тебя везде искал. А где Ника?

– Скоро придёт, мой хороший. Ты давно встал?

На часах уже было шесть. За окном послышался звук мотора. Приехал Лёша. Сегодня пораньше, непредсказуемо. Надо спускаться вниз. На ходу снимая верхнюю одежду, я поторопилась на кухню. Мы сели за настольную игру, сделали вид, что играем давно. Лёша зашёл, молча, прошёл наверх. Ни ответа, ни привета. Надеюсь, он не выйдет оттуда сегодня.

– Даня, поешь.

Я наложила сыну каши, посадила на стульчик. Сама же пошла в ванную, взглянуть, что за бумажку мне дала загадочная незнакомка. Развернув небольшой огрызок в клетку, я прочитала. "Сегодня в 01:30 Аня будет на развилке твоей улицы и соседней вместе с Никой. Решайся". Сообщение меня взбудоражило. На что решаться? Я быстро сожгла сообщение. Не дай Бог, Лёша увидит его. С другой стороны он рано или поздно заметит, что Ники дома нет. Я подозреваю, что мне нужно решиться на побег. Как? Я вернулась на кухню.

В девять вечера в нашу идиллию вмешался папа. Он спустился на кухню и пристально стал рассматривать нас. Я затихла. Он что-то подозревает? Чего ждать?

Глава 5

– Почему так тихо? – спросил он после тридцати секунд молчания.

– У нас так всегда.

– Где девочка?

– Это твоя дочь. Ее зовут Ника.

– Где она?

– Она уже спит. Странно, что ты о ней вспомнил. Мы тебе безразличны, вроде бы.

Даня начал хныкать. Я взяла на руки Даню. Его взгляд нас пугал.

– Зачем ты взяла его?

– Он боится тебя, уйди.

– Это ты настраиваешь его против меня. Из-за тебя он боится.

Он подошёл, я затаила дыхание. Лёша взял на руки Даню. Он заплакал. Лёша будто не слышал его плача.

– Видишь, все хорошо. Пойдём.

Я с тревогой наблюдала, как Лёша впервые за год взял сына на руки. Он пошел наверх, унося плачущего сына с собой.

– Лёш, оставь его, он плачет, – пыталась остановить его я.

Он меня не слышал. Я схватила его за руку, он силой толкнул меня. Я отлетела на диван. Даня тянул ручонки ко мне и удалялся с папой на второй этаж. Я сильно ударила палец но-

ги, меня остановила боль. Лёша закрылся в комнате. Я утешала себя тем, что к Данилу он относился терпимее, внимательнее, чем к Нике и ко мне. Возможно, он закрылся с ним, потому что хотел пообщаться, сблизиться. Плач стих. Я успокоилась, но ненадолго. В одиннадцать плач возобновился. Даня плакал навзрыд. Лёшу слышно не было. Дверь в спальню была заперта. Я начала барабанить в дверь – никакой реакции. Может, он спит? Не может быть, Даня очень сильно плакал.

– Лёш, открой. Дай мне ребёнка. Я его успокою. Лёша!

Я уже кричала. Плач Даньки меня сводил с ума. Я не знала, что Лёша с ним там делает. В голове застыл страх.

Я провела за дверью час с лишним. Даня все ещё ныл, а Лёшу я не слышала. Я сидела возле закрытой двери, сгрызла все ногти в ожидании. Данилка резко взвизгнул и вновь громко заплакал. Моё сердце не выдержало. Во мне будто что-то лопнуло, и адреналин стал литься через край. Ребёнок там подвергается неизвестно чему, а я боюсь неадекватного мужа. Какого же тогда малыша? Нет, хватит.

Я вскочила с места и побежала. В голове моментально сложился план. Я бежала за скалкой. У меня на кухне была толстая метровая деревянная скалка-самоделка, досталась мне в наследство. Я ей не пользовалась, время пришло. С ней в руках я подбежала к спальне. Я ударила скалкой по двери – безрезультатно. Бросила скалку, начала бить ногой по двери. Дверь была филенчатая, некрепкая, после пятого

удара ногой дверь раскрылась. Лёша зачем-то подвесил ребёнка за ноги к привинченному к стене светильнику. Он не ожидал моего появления, но приготовил кулаки, как только увидел меня. Подумать только, ребёнок провисел вверх ногами полтора часа из-за папиного идиотизма и маминой трусости. Бедный Даня.

Как только я приблизилась к сыну, чтобы освободить его, почувствовала удар по голове. После того как я упала, он ударил меня ногой в бедро. Я поползла из комнаты к лежащей в прихожей скалке. Такого поворота он не ожидал. Он нагнулся надо мной, а я ткнула ему в лицо этой дубиной. Лёша попятился назад, закрыв лицо руками. Не дав ему опомниться, я опять ударила его. Я хотела, чтобы он вырубился и для уверенности ещё раз, как следует, приложила его скалкой.

Теперь, когда он лежал без сознания, я могла освободить задыхающегося от слез и осипшего сыночка.

– Всё хорошо, мой сладкий, – приговаривала я, целуя и обнимая бедненького, – я с тобой. Я не дам больше тебя в обиду, моя зая.

Я раскачивала сына в объятиях и плакала. Моё тело болело, мое сердце разрывалось от обиды. Мне было жалко и Лёшу. Он чем-то болен, явно, но я начала бороться. У меня появился выбор. Я выбираю моих детей.

Лёша начал шевелиться, я вздрогнула. Даню я погнала вниз, велела ждать на кухне. Скалка в руках. Лёша открыл

глаза. Я, плача, размахнулась и, не мешкая, ударила его по кровоточащей голове. Назад пути нет.

Осознавая, что сделала нечто очень плохое и единственный выход – побег, я начала спешно кидать кое-какие вещи в дорожную сумку. Вспомнила про документы, взяла. Деньги. Я порыскала в карманах у Лёши, нашла бумажник. Наличных нет, только карты – взяла, может, сгодится. На Нику положила немного вещей, на Даню – получилась целая сумка, еле закрыла. Сумочку свою и Данину наполнила сухомыткой: печенье, два батона, пачка сосисок.

На часах час двадцать ночи. Я смотрю в окно, надеюсь, что записка – не обман, и Аня появится, иначе я даже не знаю, что буду делать, куда бежать.

Выйти в дверь я не могла, на окнах первого этажа решётки. Остаётся проверенный способ – козырёк пристроя и простыни. К счастью, Даня не спал из-за пережитого потрясения. Он играл в машинки и задавал вопросы.

– Мама, а мы больше не вернёмся к папе?

– Нет, малыш.

– А Ника останется?

– Нет, мы идём к Нике.

Я взяла между собой простыни, чтобы спустить во двор в корзине для белья Данила и спуститься самой. Проверила – надёжно.

Через десять минут мы уже были внизу с вещами. Калитку я отперла легко. Мы вырвались. Я судорожно оглядывалась

по сторонам в поисках теней, человеческих фигур, но улица была пуста и темна. Слабый свет редких фонарей практически не доходил до нас. Мы все-таки пошли вперёд к перекрестку улиц. Даня начал было что-то лепетать, я показала палец у губ. Этот жест он хорошо знал – притих. Мы встали на перекрёстке. Никого не было. Моё сердце сжалось. Неужели никто не придёт? Куда я пойду с ребёнком? Где тогда моя Ника? Меня сковал ужас. Мои щеки горели от давления. Домой я не вернусь.

Через минут пять я услышала звук мотора. Где-то ехала машина. Ужас. Куда спрятаться? Не успела я схватить сумки, как сзади некто подкрался.

– Вас подвезти? – любезно, но с одышкой начала моя сестрёнка.

– Анютка, – обрадовалась я и скорее обнимать свою уже взрослую сестренку.

– Нет времени, грузитесь в машину, – скомандовала она и быстро отстранилась.

Машина была типа внедорожника, тёмная и просторная. За рулём была та незнакомка, сзади сидела Ника. Я обрадовалась, увидев дочурку. Столько хотелось сказать ей, отругать, что сбежала, но сейчас важно не это.

– Как ты выбралась? – спросила Аня.

– Я, кажется, убила его, – растерянно проговорила я.

– Где твоя машина?

– Моя?

– Да, она же на тебя оформлена.

– Оформлена, да. Она в гараже.

– Нужна машина. Ты же умеешь водить?

– Возвращаться? – испугалась я.

– Придётся. Мы готовим грандиозный переворот. Нам нужна помощь.

– Но я давно не ездила. Пять лет.

– Вспомнишь как раз.

– Хорошо.

Я увидела в глазах девушек решительность – они на полном серьёзе. Аня пошла со мной. Машина осталась стоять подальше.

Вошли, сразу к гаражу. Я посмотрела в окна, вроде бы, в них никого не было видно. Тишина. Аня осталась снаружи, а я нашла ключ на подоконнике, под коробочкой, посветив фонариком. Спешно открыла гараж, а затем ворота. Опустив козырёк от солнца, над водительским сидением, я обнаружила ключ и документы. Руки дрожали. Вдруг он сейчас появится. Аня села за руль и поторопила меня. Завела, поехала.

– Надо закрыть ворота.

Я вспомнила, что пульт от ворот у него всегда лежал в бардачке. Я кинулась искать его. Нашла. Кроме пульта там ещё был пустой стаканчик, откусанный пирожок с ливером и пистолет.

– Какая удача! – восторженно констатировала Аня, когда

увидела у меня в руках пирожок и пистолет ТТ.

Я сунула пистолет обратно от греха подальше, нажала кнопку пульта, взглянула напоследок на свой дом. Аня прибавила газу. Мой дом исчез из виду. Дом, в котором я была когда-то счастлива. Дом, который мы строили вместе с любимым мужем. Как занимались любовью на полу, делая ремонт в спальне. Как я сказала, что беременна в душе, и мы отметили эту радость с ещё большим рвением, с ещё большей страстью. Всё рухнуло. Полтора года назад или сегодня, я не знаю.

– Ань, кто научил тебя водить?

– Папа.

– Где он сейчас?

– Я его убила.

– Как это? Как ты смогла?

– Смогла. Он убил маму.

Я замолчала. Вспомнив маму, зарыдала. Моей мамочки больше нет. Я не услышу больше её голос. Как же я любила её голос. Мягкий, родной, протяжный. Она не говорила, она утешала. Её убил не отец, а эпидемия захватившая мужское население.

– Сними серёжки.

– Зачем? – удивилась я и дотронулась до сережек.

– Сними, так надо, и дай мне.

Я сняла свои золотые кольца с ушей, как просила Аня. Наверное, в них что-то есть. Аня густо облепила их репья-

ми, нафаршировала ими пирожок с ливером и выбросила в окно. У Ани тоже не было ничего в ушах, хотя раньше она очень любила серёжки. У неё было их так много, разных: золотых, серебряных, пластмассовых и просто металлических, разнообразных размеров и форм.

– Куда мы теперь, Ань?

– У нас колония в Пензе. Есть поддержка в высших кругах. Девушки, вырвались из лаборатории в Мордовии, захватили обширную территорию: аэропорты, некоторые военные части.

– Лаборатории?

– Женщин без мужской опеки загоняют в лаборатории и на заводы. В лабораториях на девушках испытывают какие-то препараты, а пожилые женщины трудятся в цехах по изготовлению таинственного табака, который курят наши мужчины и звереют.

– Я так и думала, что их что-то дурманит.

– Женщин их препараты не берут. У нас разная физиология. Говорят, все дело в буром жире внутри мужиков. Но очень много девчонок погибло в их лагерях.

– Очень жаль девочек.

– Те, кто выбрались, отомстили им сполна. У нас теперь есть реальная возможность поквитаться.

– Но они же одурманены.

– Их это не спасёт.

Глава 7

Аня была настроена серьёзно. Она горячо верила в идею об отмщении, и у неё были сторонники. Я отомстила своему мужу, вырвалась на свободу, и мне придётся принять условия игры женского ополчения. Ради жизни моих детей.

Две машины двигались в ночи по тёмным полям где-то в Тамбовской области. Мы ехали окольными путями без остановок в Пензу. Там ждала новая жизнь, если мы доедем.

Рано утром мы доехали до базы. Нас встретили на дороге и сопроводили до места. База представляла собой охраняемую женщинами территорию, заброшенная военная часть. На стреме стояли женщины в военной форме с автоматами, издали похожие на мужчин.

– Пока мы дислоцируемся кучками по двадцать человек, но таких куч, поверь мне, много по стране. Нам удаётся не попадаться. Мы ждём команды. Влиятельные дамы в верхах тоже контролируют ситуацию. Нам осталось захватить главный компьютер, и мы просто займем свое законное место у руля.

– Какой руль нам нужен?

– Вся планета.

– Боже, вразуми нас всех.

Мы шли к полуразрушенным зданиям. Рядом со мной были мои дети, впереди шла сестра и её подруга из джипа Ре-

гина. Она была главной в этом лагере. С ней советовались, она раздавала распоряжения.

В зданиях располагались мамы с детьми. Прямо на сумках спали дети пяти-шести лет и старше, девочки. Мамы готовили каши и супы из пакетиков. Не было ни плача, ни разговоров.

– А что, если облава? – спросила я сестру, когда присели в одном из пыльных и холодных комнат.

– Пока ещё не было.

– Неужели никого не ищут?

– Ищут. Мы хорошо прячемся. Даш, они не ездят в глушь, у них радары. Они поместили нас, как животных. Я попросила тебя выбросить серёжки, в них чипы. Они следят за нами в свои мониторы: чип движется, значит, женщина жива, также, где она находится. Поэтому я облепила их репейником и бросила вдоль тропинки вместе с пирожком. Его найдёт какой-нибудь бродячий пёс: или съест, или прилипнет. Будем надеяться, что серьги ещё походят, и тебя, если и начнут искать, то не здесь. На всякий случай внутри лагеря работает глушитель сигналов. Никакой связи внутри лагеря, никакого риска отслеживания.

Я удивлённо слушала. Как далеко все это от меня. В детстве я любила читать детективы, смотреть фильмы о войне, самопожертвовании, но всегда трусила представить себя на месте героев. Моё время, видимо, пришло, показать из какого я теста и для чего живу на этой земле.

– А где Никины серьги?

– На ошейнике соседкой кошки.

– У вас все продумано.

– Методом проб и ошибок, сестра, проб и ошибок.

Сестра горько вздохнула и отвернулась. Наверное, были горькие ошибки.

Если поддержка не подведёт, и женщины всего мира восторжествуют, ради такого и умереть не жалко. Кто, если не мы, встанем на защиту наших детей, братьев и сестёр? Кто вызволит из домашнего плена матерей, жён? Я сама недавно была запугана и не видела просвета. Точно так же не знают о выборе миллионы рабынь, постепенно умирающих в тисках "заботы" мужчин. Лечить их бесполезно, неизвестно как. Поэтому остаётся захватить, а там посмотрим на возможность лечения. Глядя на воинственно настроенных девушек, женщин, я заразилась их волей к победе. Я тоже хочу изменить этот мир, я чувствую, что сопротивлению не хватало меня.

Глава 8

Прошло три месяца. Мы частями передислоцировались в другое место. Пришла разрядка, что нужно занять позицию поближе к другому нашему лагерю. За три месяца мы выезжали в леса, обучались рукопашному бою, стрельбе из пистолета. Каким-то чудом я отражала любые удары моего инструктора. Было чувство, что я чемпион по самбо, хотя никогда не занималась этим единоборством. Стрельба из пистолета – идеально, я – снайпер. Регина не верила, что я впервые взяла в руки оружие у них. Через пять дней я стала обучать других.

Стоял июль. Солнце пекло, как в Мазамбике. Мы дождались. Поступил приказ сверху о наступлении. Наша задача включала в себя взятие городов: Пенза, Тамбов, Саратов, Ростов со всеми прилегающими территориями. Наша задача, в смысле, задача батальона "Волга-Дон". Конкретно наш лагерь с тремя вспомогательными начинает бунт в городе Пенза и идёт в сторону Мордовии. В Саранске встречается с мордовскими отрядами и движется в сторону севера.

Не ожидавшие восстания, но озлобленные мужчины пытались отбиваться, но ярость и пыл, с которым воевали женщины, был неоспорим. Я лично вступала в схватку с тремя мужчинами, но моё рвение не подавить и десятку мужиков. Что было характерно, это то, что они дрались шаблонно, то

есть злость и похожие движения, угол ударов. Если стреляют, то в голову. Их объединяла ярость к женщинам и страсть к особенной секретной выпивке. Были и такие, кто убегал при отаке.

Мы рывались в дома, освобождали женщин, детей. Они даже не знали о том, что идёт волна освобождений, что существует женское сопротивление. Они были забиты, запуганы, не сразу понимали, что свободны. Мужей, которые не убегали, убивали. Задачей женщин было не просто убивать, а освободить от гнёта, прогнать подальше деспотов, отравляющих жизнь слабой половины человечества.

Мы поделили Россию. Нам досталась Сибирь, Дальний Восток, Поволжье, Дон. Столицы, Север, Урал, Кавказ, Крым мы оставили мужчинам. Не знаю, как им, нам надоело воевать, мы хотим жить свободно, и все. Мы больше не наступаем, мы обороняемся, пусть живут на своей территории. Лидеры обеих сторон договорились о взаимном сотрудничестве и прекращении войны. Так было и в других странах. Официально войны не стало через шесть лет после восстания, но вооруженные нападки отдельных неугомонных мужчин постоянно приходилось гасить нашим солдаткам. На границе по всей территории женщины выстроили стену, обтянули её колючей проволокой и круглосуточно, сменяя друг друга, вели наблюдение. За десять и пять метров до границы было заминировано, в прилегающих посадках были установлены камеры наблюдения, датчики движения. Военное по-

ложение было постоянно. Нападали часто.

За двенадцать лет мы выстроили прекрасный мир внутри стены и назвали свой город Дарникия. Я смело выполняла долг, возложенный на меня, спасла нашего лидера Регину, умело вызволяла пленных женщин, освоила медицину. Город назвали в честь меня и Ники. Я предложила назвать Дарникия, в честь своих детей, но имя мальчика в названии одного из городов женского государства не обсуждалось. Так и назвали новый город Дарникия.

Мы освоили мужские профессии, научились выпускать на заводах оружие, взрывчатки. Мы научились жить без мужчин.

Дети у нас тоже рождались, но только девочки. Мальчиков рожать было нельзя, от них избавлялись, такой закон. Немногочисленные мальчики, которые спаслись с матерями, выросли и выполняли наши боевые задачи. Жили они рядом со стеной на отделенной для них зоне, входить в город им было нельзя. Мы заключали однополые браки, так как нуждались в любви и нежности, а зачатие детей происходило в клиниках, методом ЭКО. Семя брали у пленных мужчин, затем их убивали.

Наш мир за двенадцать лет изменился до неузнаваемости. Наши дети не знали другой жизни кроме как эта. Они ненавидели мужской пол, как мы раньше Гитлера. Когда нашим девочкам нужен был биоматериал, они выходили на охоту. Иногда сами попадались в плен. Но лучше смерть, чем плен.

На этот случай девушки в кулоне носили капсулу с ядом. «Мужчины – это враги, это наше наказание на земле», – думали они и мечтали вырасти и пойти защищать границу, убивая любого приблизившегося мужчину.

* * *

Мужчины же жили на своей стороне. Они яро пытались пробить вражескую защиту для одной единственной цели: им нужна была конкретная женщина, Даша, но они не знали, кого ищут, знали одно – она проявит себя, а пока им нужны были рабыни и сыновья. Мальчиков они водили в специальные школы, где из них делали безжалостных убийц. Но этого было мало. В мужчинах бушевала огромная сила, а человеческое тело не давало возможности воплотить в жизнь все задумки Беса.

В своих лабораториях они держали плененных женщин. Они оплодотворяли их из пробирок. В пробирки помещали опытные образцы, хотели вывести новый тип детей: бесстрашный, неутомимый – детей среднего рода, вечных детей с неисчерпаемым запасом энергии и подлости. Имея в своём шкафу чёрные души, Бес пытался вдохновить в искусственных детей души безумцев и убийц, но пока безрезультатно. Бес расставлял ловушки, в которые непременно должна была попасться Даша, а вернее её неземная душа, которая являлась ключом от конца света. Венерианская сущность с бесконечной добротой в своём роде, всегда появлялась, в какой бы параллели времени ни была, в какой бы линии судеб

ни пряталась Богом. Бес ждал и пытался создать нечто чудовищное, но ему не дано создавать.

Глава 9

– Что за странности тут у вас? – спросила я, войдя в контрольный пункт.

Девчонки разглядывали в мониторы странные объекты. Как минимум двое посторонних копошились возле минных участков. Они привели с собой кого-то с мешком на голове.

– Это ещё что? – удивилась я, пытаюсь разобраться в темени фигуры.

– Парень знакомый, – заметила одна из нас.

– Да, да, он часто тут ошивается, – поддержала вторая. – Пытается пробраться что ли?

– Я стреляла в него сколько раз. Вроде попадала. Он что бессмертный? – заметила третья.

– Так не бывает. Не попадала, значит, – прокомментировала я. – Вопрос, кто с ними.

– Вроде по фигуре – девушка.

– Что они делают? – тупили взор все мы.

– Они хотят пройти. Сколько раз пытались. С заложницей в первый раз, правда. Что-то новенькое.

– Кто это? – гадали мы.

А на вышках ждали сигнал к огню постовые. Мы передали им жёлтый сигнал на пультах, что означало быть готовыми стрелять. Монитор у них наверху тоже есть. Как только на их пультах загорится красная лампочка – огонь по целям.

Противники сняли мешок с головы заложницы.

– Боже мой, это Клара – срочница. Она была застрелена четыре месяца назад, не вернулась с облавы.

– Хочешь сказать, это мертвец?

– Хочу сказать, она жива. Пока.

– Девчонки они хотят пустить её по "полю чудес".

– Лера, со мной, – скомандовала я и добавила, – ничего не предпринимайте, мы попробуем её спасти. Не стрелять, слышите?

– Так точно! – сказали девчонки.

Лера взяла кобуру с пистолетом и двумя гранатами. У меня тоже самое. Пойдём налегке.

Мы знали участки, где можно было безопасно пройти. Карту минных расположений мы знали наизусть. Путь был один, пробрались вдоль кустарников, не всех, каждые два были заминированы, поэтому каждые два куста обходили с другой стороны. Двигались максимально тихо. Сильной растительности не было, и их издалека было видно. Две фигуры прятались за широким тополем, один прикрывал из-за другого дерева неподалёку. Они вышли из укрытия, прямо перед полями и начали махать руками из стороны в сторону. Они смертники? Вышли, чтобы их грохнули? Так уверены, что заложница этому не помеха? Мы всматривались в темноту, нет ли ещё врагов. Как ни странно, больше никого не было. Я пустила Леру вперёд, сама осталась на месте, держала дальнего на мушке. Лера побежала с вытянутым пистоле-

том к мужчине с заложницей, а я выстрелила в другого. Задержали.

– Стой, где стоишь! – скомандовала я, готовая застрелить нарушителя.

– Я стою, – спокойно ответил он. – Обмен?

Он держал в руках автомат. Дуло смотрело вниз. Девчонки были сосредоточены и настроены решительно. Клара плакала, стоя на изможденных коленях.

– О чем ты, урод? Я пристрелю тебя сейчас, – не выдержала Лера.

– Я пристрелю кого-то из вас, – как будто дразнил этот упырь.

– Клара, идём, – решительно сказала я.

Хитрый молодой человек молчал, пристально смотрел на меня. От его взгляда мне стало не по себе. Что он задумал? Если дернется, ему не жить.

Клара медленно встала и пошла в нашу сторону, всхлипывая на ходу. Она была измучена, ободрана, грязна, очень худа. Ее тёмные длинные волосы висели сосульками. На ней было длинное драное платье не ее размера. Лера встретила её, обняла, не спуская глаз и с пистолета врага.

– Стреляйте.

Незнакомец медленно поднял руки вверх, улыбаясь. Он ненормальный? Среди мужчин такого поведения ещё не наблюдалось. Что за чудик?

– Не стрелять! – скомандовала я сосредоточенно. – Мед-

ленно положи автомат на землю.

Он смотрел то на меня, то на Леру и довольно ухмыляться. Не сразу, но он послушался. Очень осторожно снял его с плеча и нагнулся с ним вниз. Наши нервы были на пределе. Разогнулся, также вальяжно встал.

– Топай вперёд.

Я указала пистолетом парню дорогу, по которой мы с Лерой сюда пришли.

– Ты уверена? Какой-то он странный, – насторожилась подруга.

– То-то и оно. Если что, стреляй, – сказала я Лере.

Незнакомец послушно пошагал за мной. Я держала приличную дистанцию на всякий случай. Лера вела его тоже на дистанции. Мы знали, что у нас есть укрытие от стен Дарникии, но все же было страшно, мы конвоировали непредсказуемый экземпляр. Со стен пусть глядят округу. Странно, что они пришли вдвоём.

Наконец, мы вошли внутрь. Клару и гостя приняли наши девчонки. Я сняла каску и вытерла пот со лба.

– Клару в лазарет, в отдельный бокс, под замок. Этого в камеру до утра. Глаз не спускать с обоих. Я домой.

Я дала ряд распоряжений и пошла к своей машине. На сегодня с меня хватит. В машине я впала в какой-то транс. Передо мной стояло смеющееся лицо этого наглого незнакомца. Моё сердце опять громко забило.

– Всё, я заработалась. Домой в тёплый душ, включу спо-

койную музыку, – тараторила я, вырুলывая со стоянки на своей "шкоде".

Дома меня ждал пёс по кличке Макс, золотистый лабрадор. Я нашла его на вражеской территории, рискнула и взяла с собой, не смогла оставить на произвол судьбы. Привезла, отмыла, зарегистрировала, привила. Теперь я его люблю. Ника выросла, сошлась с какой-то подругой-студенткой с юридического факультета. Они живут вместе, трепетно друг к другу относятся. Тринадцать лет назад я бы была против таких отношений, но сегодня это наша действительность, нынешние дети не знают другого, это их свобода.

Мой Даня живёт в отведенной для "сыновей революции" зоне вместе с другими нашими мальчиками. Покидать эту зону им нельзя. Я иногда вижу его. Ему шестнадцать. Он такой красавец: высокий, смуглый, худощавый, серьёзный. Он не помнит меня, это и к лучшему, меньше душевных терзаний.

– Макс, ты голоден, мой хороший, – воскликнула я, увидев радостного пса, бегущего мне на встречу по прихожей. – Хвались, что сегодня ты сгрыз? А?

По дому был разбросана обувь. Он открыл как-то обувную полку и порезвился с моей зимней коллекцией.

– Как я буду выходить из дома? Как? – ласково ругала я песика, зная, что сама виновата, взяла животное, чтобы оно жило в квартире, целыми днями ожидая меня.

Глава 10

В шесть утра раздался звонок. Я нащупала на прикроватном столике телефон. Ночь была ужасная. Меня мучили кошмары. Я ворочалась всю ночь.

– Да.

– Полковник Перова. Клара в лазарете умерла – истекла кровью, – сообщили на том конце связи. – Приезжайте, нужно её осмотреть.

– Не трогайте её, я скоро буду.

Я потянулась, протерла глаза и поднялась. Макс мой спал на коврике в прихожей. Он обрадовался, увидев меня, улыбнулся и поковылял за мной, виляя хвостом.

– Позавтракаем, мой лев.

Я потерла его рыжую спину, он был доволен. Животное мужского пола у нас не возбранялось. Мы брали питомцев, оснащенных подкожными чипами, у специальных заводчиков, регистрировали, оформляли на себя. Это было нужно для того, чтобы за судьбой наших любимцев следила организация по правам животных. Собаки и кошки гуляли на поводках со своими хозяевами. Самок обязательно стерилизовали, а самцов кастрировали. Разводить их в домашних условиях, а тем более выкидывать на улицу, было преступлением. Можно было отдать в питомник, но отчислять деньги на содержание отказника, типа алиментов. Если хотели завести,

делали заказ. Можно было выбрать породу, цвет и ждать. В нашем мире, если брали питомца, брали и ответственность за жизнь такого "ребёночка".

Я приехала на работу. Моя работа заключалась в том, чтобы к нашей части границы не приближался противник. Городов внутри стены было предостаточно. Стена, то есть граница, была поделена на сектора и охранялась военными. Не все девушки посвящали себя военному делу, но все проходили службу в армии, это было обязательным. Два года, а потом решаешь остаться в армии или возвращаться к гражданской жизни. Защищать границу жизненно необходимо, каждый понимал это, находясь два года в казарменных условиях и выполняя приказы командования.

– Покажите запись в её боксе, – попросила я дежурных девчонок на посту в лазарете. – Мне надо увидеть её поведение до и на момент смерти.

Включили запись. Клара лежала на кровати, вытворяя что-то непонятное с одеялом. Она, то накрывалась с головой, то скатывала одеялу между ног. Она ворочалась часа четыре, не могла найти себе места и ныла. Входить к ней дежурные девчонки побоялись, уж слишком странное появление у нее было. В четыре утра она встала. Походила из угла в угол в палате. Затем слезно посмотрела в камеру, закричала что есть силы, набросилась на кровать, раскидала в разные стороны белье, подушку, матрас, начала трясти железный корпус кровати. Спинки у кровати были сварены из тонких ме-

таллических прутьев. Её силы хватило, чтобы вырвать один из прутьев спинки. Клара ещё раз посмотрела в камеру на потолке, держа в руках железный прут. В её глазах застыло безумие. Она замахнулась прутом и вонзила его себе в живот. Силы было приложено много, тупой прут вошёл глубоко. Звука на камере не было, но по её выражению лица было понятно, что она визжала. Она пошвыряла прутом у себя в животе и упала. Густая чёрная кровь окрасила пол в боксе. Свидетели произошедшего были в ужасе, плакали. Я ушла из наблюдательной комнаты. Мне нельзя раскисать.

– Наденьте резиновые костюмы, респираторы, мне один костюм приготовьте, нужно её осмотреть, – скомандовала я, двум девчонкам в манипуляционной.

Через полчаса мы уже входили в бокс. С собой мы привезли каталку, на неё и положили труп Клары. Я начала осмотр. Вынула прут из живота и заметила, что её живот был слегка выпуклый. Посмотрев промежность, я убедилась, что она была беременна. Плод, конечно же, не выжил. Я сделала надрез в области живота, чтобы посмотреть на плод. Что же за жизнь в ней развивалась, что она так обезумела? Что она ощущала, раз убила плод и себя? На эти вопросы я, наверное, не смогу найти ответы. Плод был обезображен, на вид обыкновенный будущий человеческий ребенок, пола ещё не было, недель двенадцать-четырнадцать. Руки и ноги его матери были в синяках и ссадинах, истыканные иглками. Бедолага отмучилась.

Я взяла кровь матери и ребёнка на анализ и велела герметично упаковать обоих в пластиковый мешок, вывести в крематорий и сжечь. Об инциденте ни слова остальным. Нужно сохранить секретность. Паника и вопросы нам не нужны. Пока мы сами мало знаем.

Я поехала в КПЗ при военной конторе, то есть в камеру предварительного заключения. Она находилась севернее, в километре от лазарета. Под охраной там содержался загадочный пленный.

– Как прошла ночка, девочки? – поприветствовала я вскочивших с мест солдаток.

– У нас все спокойно. Пленный всю ночь пролежал на койке с открытыми глазами. В девять встал и сидит на койке до сих пор, будто ждёт чего-то, – отчиталась дежурная.

Я наблюдала за ним монитор. Это был парень лет двадцати, с лёгкой небритостью, жгучий брюнет среднего телосложения и роста, не превышающего метр семьдесят-восемьдесят, в военной форме темно-серого цвета.

Он поднял взгляд, я отвела свой. Мне становилось не по себе от его взгляда. В голове будто начинали мелькать кадры, рябило перед глазами.

– Нужно опросить его. Ночью скончалась Клара. Есть вопросы. Он должен прояснить кое-что, – обратилась я к девушкам-конвоирам.

– Вы сами опросите?

– Да, сама.

Я спустилась в цоколь. Он содержался внизу. Уверенно подошла к его камере, но на дистанции.

– Смелая дама, – поприветствовал пленный и встал.

– Какие манеры. Может, представишься?

– Меня зовут Максим Колесников, но ты пришла не любезничать, – нагло и вальяжно зашагал поближе к решеткам пленник.

– Ты прав. Ты ответишь на мои вопросы.

– Тебе нужны правдивые ответы?

– Только правда.

Он хохотнул. Красивая улыбка – заметила я и тут же одернула себя.

– Ночью Клара покончила с собой.

– Жаль. Я спас её из заточения, привёл сюда, рискуя жизнью. Слабая женщина.

– Она была беременна.

– С женщинами такое случается.

– Я думаю, именно из-за этого она убила себя.

– Гормональный всплеск. Надо было лучше за ней присматривать.

– Издеваешься?! – взорвалась я и достала оружие. – Я застрелю тебя прямо здесь и пойду обедать! Не думай, что ты особенный, и что тебя это спасёт. Я убивала тысячи таких, как ты.

– Не таких, – перебил он. – Я другой.

– Мне не интересно. Если ты не будешь сотрудничать, все

быстро закончится.

– Она была начинена опытным образцом, – начал он неожиданно, – но очень необычным. Мы долго добивались идеального результата, наконец, получилось. У нас начали рождаться такие дети. Они прекрасны снаружи, но созданы убивать. Дети прекращают расти в десять лет, но к этому возрасту у них, как правило, должен быть богатый послужной список, в плане их программы – убивать.

Максим умолк, внимательно следил за моей реакцией. Я слушала шокирующую новость, не моргая. Он упивался моей растерянностью.

– Зачем ты привёл её сюда? Мы же все равно не оставили бы мальчика, которого она носила.

– С чего ты взяла, что это был мальчик?

– Это была девочка?

– А-а, – помотал хитро он головой пошёл прилёг.

– Говори! – приказала я, но он начал мелодично посвистывать в потолок.

Больше он не говорил ничего, как я ни приказывала, и не смотрел в мою сторону. Я ушла, поднялась к своим девчонкам.

Значит, скоро нас ожидают сюрпризы. Дети-убийцы. Они изготавливают их лабораториях и внедряют в пленных женщин. Значит, пленниц больше спасать нет смысла. А какой смысл Максиму сопровождать Клару? Он мог погибнуть на подходе или попасть в плен и погибнуть. Им, скорее все-

го, пожертвовали, чтобы убедиться, что Клара проникнет внутрь. Вопросов было ещё много.

– Не кормить, не поить. Он у меня разговориться, – приказала я девчонкам на стреме. – Если что, сразу звоните.

– Есть! – послышалось в ответ.

Я поднялась на второй этаж здания. Там был мой кабинет. Была ещё кое-какая работа на компьютере.

До шести я проторчала в одиночестве, заполняя отчётность для вышестоящего руководства. Глаза болели, спина ломилась. А дома Макс, голодный. Надо ехать домой.

Попрощалась с дозорными, спросила у них о пленном. Все гладко.

Глава 11

Ворочаюсь. На часах полночь. Кружится голова. Не могу закрыть глаза. Как только закрываю их, возникают картинки. Кадрами мелькают образы, ощущения. Я вижу себя в обнимку с парнем. Это не Лёша. Я молода, мне от силы шестнадцать. Он прижимает меня к себе и целует. Я чувствую, что таю в его объятиях. Я хочу большего. Гоню от себя эти чувства, заставляю себя встать. Это был сон? Так я же не спала. Я подошла к окну, широко раскрыла глаза и глубоко дышала. Парень был мне дорог, но я не могла разглядеть его лицо. Высокий, стройный, загорелый. Я не могла вспомнить, кто это.

Я пошла на кухню за таблеткой от головы. Нужно привести её в порядок. Походив немного из угла в угол, я вновь легла в постель.

Я смогла заснуть, но в четыре утра вскочила от невыносимой сладкой муки. Мои ноги и руки дрожали, сердце готово было вырваться из груди, дыхание было огненным. Во сне я была с молодым человеком, занималась с ним любовью. Его потрясающее упругое тело обвило моё. Его хриплый и мягкий голос, я слышала до сих пор. Вкус его губ... Ммм. Его улыбка. Я знаю, кто это! Это пленный, Максим. Я все это время думала о нем. Он прочно застрял в моем сознании. Я включила телевизор, какую-то скучную переда-

чу и под неё снова уснула. Больше он мне не снился. Через час прозвенел будильник. Я не хотела подниматься, я несколько не выспалась, я была зла. В ванной, когда чистила зубы, снова вспомнила кадры из сладкого кошмара. Меня передернуло, я слишком долго одна. Я никогда ничего подобного не чувствовала к нынешним мужчинам, молодым и старым, убивала без сожаления. Такой страсти я не проявляла даже к мужу за годы брака. Лёша был мне другом. Я выросла с ним вместе, любила его нежно, благодарно, по привычке. Приевшийся супружеский долг в последнее время был в тягость. Я существовала ради спасения общины. А этой ночью я ожила. Я даже не представляла, что могу так чувствовать.

Еду на работу. Хочется быстрее, чем обычно, но не выйдет. В нашем новом женском мире автострады для машин построены на уровне трех метров от земли. Машинам нельзя ездить по земле. Земля – территория пешехода. Природа и чистота, стремление к идеалу, но не без новых технологий – вот программа, которую мы пишем для нового мира. Движусь девяносто километров в час. В двух метрах от меня бампер синей малолитражки. Я обязана ехать в очереди, обгонять нельзя. Я еду на работу, чтобы снова увидеть пленного, хотя убеждаю себя, что мне нужно его опросить.

Парковка при военной части подразумевает под собой огороженную территорию на земле. В приграничной зоне ездить по земле разрешалось спецтранспорту и пароваться автомобилям руководства, но подъезжать к парковке можно

было только по выделенным для них дорогам.

Я приехала, спускаюсь к нему. Задержанный стоял к решётке спиной.

– Доброе утро, – не поворачиваясь, поздоровался он.

– Не соглашусь, – сказала я в ответ. – Так кого носила Клара?

– Клара? Бедная Клара.

Он повернулся. Оброс немного, но его улыбка оставалась бесподобной. Он продолжил:

– Ребёнок без пола. Как смотришь на это. Третий пол. Средний род. Вы бы не убили его из интереса. Вы бы умилились его очаровательности. А он, зная свою миссию, исподтишка вёл бы свои дела, подставляя кого угодно. Сколько бы он жизнью сгубил. – Он изучал меня. Я была ошеломлена услышанным.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Если у вас уже такие дети есть, их было проще пустить к границе и заставить нас врасплох.

– Вы сразу бы их впустили?

– Нет, не сразу. Но мы бы проявили интерес.

– Гораздо надёжнее было, чтобы ребёнок родился внутри, тогда не было бы подозрений. Бомба замедленного действия.

– А то, что он без пола?

– Ошибка природы. Убогих, вы ещё больше любите. Главное, он был бы не мальчик.

– А ты? Зачем ты здесь?

– Это моя миссия: провести Клару, во что бы то ни стало.

– А почему же Клара покончила с собой?

– Эксперименты над женщинами постоянно проваливаются. Что за организм? Она была под действием препаратов, которые должны были её стимулировать до родов.

– Что значит стимулировать?

– Поддерживать её в стрессовом заторможенном состоянии, чтобы она не сопротивлялась развитию плода.

– А почему она должна была сопротивляться?

– Это адски больно без препаратов.

– Значит, она не пила ваши препараты?

– Значит, она где-то схитрила. Чтобы достигнуть нужного эффекта, нужно пропить точную дозировку на расчёт массы и веса первый период беременности.

– Она не проглотила ваше лекарство.

– Раз или два приёма – этого достаточно, чтобы не впасть в транс и чувствовать всю беременность, как плод питается, отскабливая от тебя кусочки.

– Сволочи! Откуда в вас столько ненависти.

– Она не должна была этого чувствовать.

– И умереть при родах? Верх великодушия!

– Великодушие? Что это?

Максим улыбался. Его зелёные глаза блестели. Его выражение лица не было злым, как у остальных. Ни гримас ярости, ни вспышек безумства. Он был великолепен. Пленный продолжил:

– Когда меня убьют?

– Не терпится?

– Это неизбежно.

– Ты ещё нужен.

Я повернулась и ушла. Спиной я чувствовала его проникновенный взгляд. Невольно я повернулась. Он грустно смотрел вслед.

Я вспомнила наши слова из сна: "Я вытащу нас отсюда, верь мне", "Я тебе верю, я тебя хочу", "Я тебя люблю, Лиса". Это был он, такой родной незнакомец Максим.

Я пошагала по лестнице вверх. Почему я вижу его? Почему Лиса? Он пришёл за мной?

Этой ночью я видела, как в Максима выстрелили, и как я плакала над его телом. Я проснулась в слезах. Я долго не могла успокоиться. Я не хотела терять его, я его любила.

Среди ночи я села в машину и поехала в контору. Я почувствовала, что-то страшное, как будто с ним что-то случилось. Я ехала на предельной скорости, лил дождь.

Доехав, я зашла в проходную. Дежурная спала дальше по коридору прямо за столом. Я взглянула на монитор, заключённый лежал неподвижно лицом к стене. Взяв на всякий случай с полки ключ от его камеры, пошла проверить, жив ли он.

Я подошла к решётке, он не реагировал. Назвала его по имени – не слышал. На душе было тревожно. Я поколебалась с минуту, затем отворила камеру. Он так и лежал, не дви-

гаясь. Я дотронулась до его плеча, чтобы повернуть. Он открыл глаза. В это самое мгновение, он вскочил и набросился на меня. Он зажал мне рот, чтобы я не смогла крикнуть, и придавил к стене. Он по-волчьи на меня смотрел, а потом начал говорить:

– Я могу тебя убить. Ты моя последняя мишень. Единственная мишень, которую я так СТРАСТНО хочу убить.

Я отчаянно шевелилась под его натиском, хотела высвободиться, но тщетно, он был невероятно силен. Я смотрела в его глаза и вспоминала, как он меня ласкал во сне. Как эти руки, самые нежные, прикасались к моему телу, и я сторала от жара его близости. Мои ноги подкосились, я готова была сгинуть в его объятиях.

– Ты сдаёшься, так неинтересно, борись.

С этими словами он убрал от меня руки и приготовился к атаке. Я, покрасневшая, замахнулась, чтобы ударить. Он отразил удар, затем другой мой замках, он снова прижал меня к стене. Я не могла больше сопротивляться ему. Если мне суждено сегодня умереть, я умру в его объятиях. Будь, что будет – я вцепилась в его губы страстным поцелуем. Сначала он не отвечал, но был впечатлен. Потом нерешительно поддержал меня. Через некоторое время он ослабил хватку, и я обняла его лицо. Пальцами я гладила его голову, он сжал меня в своих объятиях. Его поцелуи переместились в область шеи, он приятно колот меня своей щетиной, я застонала. Если это моя смерть, я готова. Кепка с моей головы упала, во-

лосы распустились.

– Что мы делаем? – прошептал Максим, не останавливаясь.

– Ты хотел убить меня, – хриплым голосом ответила я, расстегивая ему рубашку.

– Ты – колдунья.

Максим расстегнул мою рубашку и добрался до белоснежного кружевного бюстгалтера. Я положила себе на груди его руки и сжала их. Ему это тоже понравилось. Долой рубашки, долой брюки. Мы оба загорелись первобытным желанием. Я – потому что соскучилась по мужчине, он – потому что в нем осталось что-то от прошлой жизни. Он действительно другой, он умеет чувствовать. Я нащупала его возбужденный орган, начала снимать с него нижнее белье, он снял мое. Когда ничего больше нам не мешало, он легко приподнял меня вдоль стены, придерживая за бедра, и аккуратно вошёл. Я закатила глаза и задрала вверх голову. Он начал двигаться и одновременно целовал мою грудь. Его рельефные бицепсы двигались в такт с нами. Я испытывала долгожданное наслаждение, какое никогда не испытывала. Вдруг он остановился и взглянул на меня, часто дыша.

– Ты хочешь убить меня особым способом?

– Я хочу, чтобы ты не останавливался.

Он повалил меня на койку и начал целовать мой живот, спускаясь к пупку и ниже. Я изогнулась и издала стон, не могла контролировать поток эмоций. Он поводил бородкой

по промежности – изучал моё забытое прошлое, затем погрузился старательно ласкать, доставляя невероятное удовольствие. Когда пик ласк достиг своего апогея, я вернула его к своему лицу. Я отблагодарила его страстным поцелуем, и он снова вошёл в меня. Его движения были сначала медленными, осторожными, потом стали настойчивыми, ритмичными. Мы словно были одни во вселенной. Плевать, если войдут, плевать, если накажут, я счастлива сейчас. Я настолько была счастлива, что хотела плакать. Наверное, потому, что знала, счастье скоро закончится и настанет суровая реальность, в которой мне придётся убить Максима и продолжать жить своей серой жизнью.

– Что теперь? – спросил Максим, лёжа на одном боку рядом со мной после.

– Не знаю, – ответила я, вытирая слезинку.

– Что ты делаешь? – спросил он, заметив слезы.

– Я прощаюсь с тобой.

– Теперь ты меня убьёшь?

– Я не хочу убивать тебя. Ты особенный.

– И ты. Получается, что я провалил все свои задачи?

– С одной ты хорошо справился, – соблазнительно улыбнулась я, проводя пальцем по его груди.

– Надо одеваться, – заметил Максим и встал.

Я тоже начала искать по камере свои вещи. Совсем лишилась головы.

– Ты можешь идти, – виновато предложила я. – Я не хочу,

чтобы ты погиб, ты –хороший.

– Ты это говоришь, потому что между нами были половые отношения?

– И поэтому тоже. Беги. Другой возможности может не быть.

– Если я убегу, тебя убьют.

– Я выкручусь, у меня есть шансы.

– Нет, пока, нет. Иди, не забудь стереть видео.

Глава 12

Я смотрела на мужчину преданными глазами и поражалась, как я могла за несколько часов бесповоротно измениться. Неохотно я закрыла его камеру. Замок щёлкнул. Как же я не хотела уходить. Как мало мне было его. Я прильнула лицом к решеткам и ждала поцелуя. Он спешно поцеловал и погнал меня.

Казалось, что прошла вечность. Прошёл всего лишь час. Дежурная все еще спала, заметила меня, когда я тянулась к компьютеру, вскочила.

– Полковник Перова... – растерянно пробормотала рядовая, –... я закрыла глаза на минутку.

– Я так и поняла. Сходи-ка за кофе лучше, я посмотрю.

– Есть.

Девушка послушно побежала за кофе в пищевой блок. Я, тем временем, остановила ведущуюся запись и стёрла ночной отрезок, вставив вместо него копию записи прошлой ночи. Дело сделано. Следы развратного преступления заметны, теперь можно и кофе.

Сделав пару глотков, я поспешила прочь. Нужно было ещё доехать до дома, принять душ. Теплый душ стёр следы ночного приключения, неповторимых мгновений. Стоя под струями воды, я представляла два человеческих тела, обвитые узами страсти: мужское и женское.

Завтракая с Максимом, я заметила одну вещь:

– Одного Макса накормила, второго – нет. Надо бы организовать ему душ и кухню.

Снова еду к нему. Не на работу, а к нему. На некоторое время моя жизнь обрела краски. По пути созвонилась с Никой, узнала, что у неё все хорошо, что они с Миленой хотят завести кошку персидской породы. Я сказала ей, что это большая ответственность, она обещала не спешить. Зарабатывать ещё на одного члена семьи – это непредвиденный расход. Подрабатывая в университете методистом, особо не разгуляешься. На вопрос счастлива ли она, Ника, не сомневаясь, ответила, да.

Я заехала в лазарет, узнать результаты анализов Клары и плода. В лаборатории девочки посмотрели состав крови, действительно, присутствует мутаген. О природе этого мутагена ничего неизвестно. Я велела им продолжать исследования. Нужно знать, с чем нам предстоит столкнуться в будущем.

После лазарета, я отправилась в военную контору, на нулевом этаже в ней была КПЗ. На дежурстве была другая девушка. При моем появлении она сразу вскочила с места. Я спросила у неё, все ли в порядке, как ведёт себя задержанный. Далее я прошла прямо по коридору в казарменную часть. Это была мини-казарма для личного состава при военной конторе. Рядовые солдатки в количестве тринадцати человек под командованием лейтенанта и сержанта усилива-

ли контроль на данной точке. Их также могли экстренно вызвать для усиления пограничной зоны в случае ЧП.

Меня как полковника знали и при моем появлении вскопчили с мест и построились в ряд.

– Как служба, девушки? – спросила я дежурно.

– Служим женскому сопротивлению! – дружно объявили солдатки.

– Первая, вторая, за мной! – негромко скомандовала я.

По пути вниз рассказала о задаче мероприятия: нужно отвести пленного в обмывочный пункт. Вопросов никто, конечно, не задал, хотя мыть будущего покойника, было не принято. Спустились официально.

– Заключённый, спиной к стене, руки за голову, – скомандовала я.

Максим неспешно, но послушно выполнил требование. Он внимательно рассмотрел меня среди прибывших. Его губы задрожали. Мне было понятно, что он сдерживает улыбку.

Не знаю, о чем он подумал, но я ощущала к нему большое влечение. Открыв камеру и войдя внутрь, я вплотную приблизилась к нему и ощупала. Я делала это неспеша, наслаждаясь процедурой. После я скомандовала вновь:

– Вперёд, на выход.

Он выполнил. По лестнице вверх, прямо по коридору первого этажа до конца и направо находилась душевая комната. Мы запустили туда его. Я вошла внутрь и закрыла дверь,

скомандовав, входить, если будет подозрительный шум. Я объяснила, чтобы не думалось, что это необходимая операция, что пленный здесь пробудет неопределённое количество времени, и что запах грязной плоти при допросах совершенно недопустим.

Вроде бы логично. Дверь захлопнулась, дозорные снаружи. Внутри душевой мы одни.

– Как тебе идея помыться? – соблазнительно приблизилась я к нему.

– Хорошая идея, – сдержанно ответил он. – Неплохо бы бритву.

– Я подумала об этом, – поддержала я и протянула кусочек мыла и свой острый нож из кобуры.

– Не боишься? – спросил он, принимая нож.

– Нет, – уверенно ответила я.

Он взял и пошёл в душ. Включил воду и начал раздеваться, внимательно глядя на меня. Когда снял все, полез под струи воды, на ходу корректируя температуру. Пока он принимал водные процедуры, я не сводила с него глаз. Его прекрасное накаченное в меру тело, было так соблазнительно. Я невольно вспомнила, что оно может творить и задрожала. Жаль, что нельзя присоединиться к нему. Очень хотелось, но нельзя, за дверью охрана.

Он мылся и насвистывал какой-то весёлый мотив, изредка поглядывая на меня, потом начал бриться. Он водил ножом по мыльным щекам, сбривая выросшие на лице волосы.

Побрился, и brutальная бородка испарилась – он стал моложе и слаще.

– Нравится? – подошёл он ближе, закончив бритье.

– Очень.

Я не удержалась, чтобы его не поцеловать. Наш поцелуй был такой страстный, что, я забыла о своей работе, о конвое за дверь, о том, что мужчины – наши враги, в частности и Максим.

– Стоп, – вернул меня на землю Макс, отстранившись, – нельзя, Даш. Ты рискуешь. Не забывай, я вне закона.

– Ты умеешь обламывать, – разочарованно вытерла я губы, стараясь умерить дыхание.

– Даш, я чувствую твои желания, но я ещё и враг. Мне жаль вас. Если вы все такие слабые, то вы обречены.

– Мне тоже жаль, – сказала я в сторону, ненавидя себя за слабость к нему.

Это моё личное поражение. Я считала себя нестигаемой, бесстрашный, сумасшедшей по отношению к врагу. Так считали и окружающие, пока я не вляпалась в него. Я человек старой закалки, я знаю цену настоящей любви. Я ещё не забыла, как можно отдаваться ей без остатка.

Он оделся, я вывела его в коридор. Перед этим в карман сунула бритвенный станок. Там с девочками и с автоматами мы повели его обратно в камеру. Он шёл, не поворачиваясь, держал руки за шеей. За решёткой опустил руки и проводил взглядом нас.

Я сделала вывод, что слишком сильно поддаюсь чувствам. Я занимаю большой пост и не должна рисковать жизнью других, потому что доверяю и хочу. Это по-прежнему, мужчина, прибывший из вражеской стороны.

Пусть сидит, пока не захочет поговорить сам. Я уверена, ему захочется поговорить.

Глава 13

Прошел месяц, как я его не видела. Я лишь дала распоряжение водить его в душ каждые три дня под усиленной охраной и больше решила не искушать себя. Было невыносимо тяжело жить, не видя его, не зная, что с ним. Я была уверена, что он думает обо мне, ждёт меня каждый день. Я тоже ждала, что он вызовет меня, соскучится, потребует. Прошёл месяц, никаких известий.

Поступил звонок из министерства, интересовались загадочным заключённым. По моим отчётам заключённый был важен, но не кололся на допросах. Мы искали способы, воздействия на него, добывали ценную информацию частично.

Министерство добыло ещё кое-какие источники информации, поэтому распорядились утилизировать нашего "гостя".

Новость застала меня врасплох. Я знала, что это неизбежно, но я не была готова к этому.

Его казнь должна была организовать я сегодня до полуночи.

В душе закрутилось отчаяние. Он готов принять смерть, он не задумывается о вечном, он ждет своей участи, на которую его обрекли его собратья. Проклятая судьба. Что она делает? Я не могу больше ждать, хочу увидеть его. Может, в последний раз.

На стоянке возле военной части я выжидаю время. На часах девять вечера. Надо бы ехать домой, к своей размеренной серой жизни, но я не могу думать ни о ком кроме него. Положив голову на руль, я думаю о будущем. В голове снова возникли кадры, которых не было в моей жизни: Я гуляю с собакой, он идёт рядом, ласково смотря на меня: "Как я долго тебя ждал", – говорит он в моем воображении. Он обнимает меня и прижимает к себе. Я чувствую тепло и счастье. Наша собака бежит впереди и подгоняет нас радостным лаем. Это золотистый лабрадор – мечта моего детства.

– Сегодня случится нечто фатальное, – сказала я себе, очнувшись от видения.

Возможно, это мои мечты, которым не суждено сбыться. Я не знала, что делать, как сказать ему слова прощания, я боялась расплакаться. Всё же собралась духом и приказала ногам идти.

В десять тридцать я вошла в военную контору. Войдя, велела дежурной, чтобы она пригласила на выход трех солдат в полной боевой экипировке. В подробности задачи я не углублялась.

– Быть готовыми и ждать на выходе, – скомандовала я.

Сама спустилась в КПЗ. Максим сидел в камере. Он не спал, сидел на койке, смотрел на пол. Похудел. Увидев моё появление, встал и приблизился к решётке.

– Доброй ночи, – поприветствовала я его, опустив взгляд.

– Ты? Зачем ты пришла? Это риск, не стоило.

– Макс, я принесла грустную весть. Я должна тебя казнить... До полуночи.

– Что ж, я готов. Я все понимаю.

Он понимающе закивал головой в знак смирения. Максим, молча, смотрел мне в глаза, не двигался с места. Я нервничала.

– Максим, я постараюсь тебе помочь, я освобожу тебя, – затараторила я максимально невозмутимо.

– Ничего не придумывай, делай, что должна.

Я смотрела на него и хотела зарыдать, броситься к нему, раствориться в его безмятежности.

– Максим, прошу тебя, подыграй мне. Когда я выстрелю мимо, упади и замри.

– Даш, не надо меня спасать, ты погубишь себя.

– Пожалуйста. Я не хочу тебя терять.

Я не могла больше на него смотреть. Для вида я ударила по решётке, чтобы остановить нахлынувшие на глаза эмоции, затем пошла наверх. На посту велела трём ожидавшим рядовым девчонкам конвоировать его на место казни. Казнили у нас в пяти километрах южнее отсюда, у стены возле крематория. Я поехала туда по спецдороге на своей машине, захватила камеру для отчёта.

Мне пришлось прождать их около часа. Я ждала чего угодно, но не реальной казни Максима. Он мог бы попытаться сбежать от конвоя, он же профи. Но зря я на это надеялась, через некоторое время они появились. Я вышла из маши-

ны. Из трех конвойных я выбрала в стрелки самую неопытную, самую неуверенную. Максима мы оставили у стены, сами отошли на девять метров подальше. Мой стрелок стоял с растерянным видом, сжимая в руках автомат. Она не отказывалась стрелять, но ее руки дрожали. На это я и надеялась, когда выбирала её из троих.

– Кишка тонка, сестренка? Учись!

И с этими словами я вытащила свой табельный пистолет. Прежде, чем выстрелить, я несколько секунд целилась и встретила взглядом с Максимом, как бы напоминая о нашем уговоре. Последовал выстрел в стену, чуть выше его головы. К счастью, я метко стреляла, и была ночь. Через две секунды Максим упал на колени, затем лицом на землю. Рядовая снимала казнь на видео. Солдатки были впечатлены моей твердостью.

– Товарищ полковник, спасибо, – сказала девушка-несостоявшийся стрелок. – Я растерялась, а вы поступили, как настоящий командир.

– У тебя ещё будет возможность показать себя, и ты будешь готова, – поддержала её я.

– Спасибо за службу девушки. Можете отправляться в казарму. За трупом приедут из другого отдела, есть ещё пару моментов. О подробностях казни не распространяться, совершенно секретно. Все понятно?

– Есть, – негромко подтвердили девушки.

– Бегом, марш.

Девушки, сдав видеокамеру, скрылись из виду. Я подогнала вплотную машину, вышла, открыла заднюю дверь, отошла к водительской двери, сделала вид, что ищу что-то в салоне. Тем временем Максим залез на заднее сидение и лег на спину. Я села за руль, закрыла заднюю дверь, протянув руку от водительского сидения. Далее выпрямилась и, как ни в чем не бывало, нажала на газ, проделав широкий разворот. Камер наружного наблюдения на этот ракурс не было. Я острожноничала на всякий случай.

– Я умер?

– Ты не умрёшь. Ты ещё мне нужен, – сказала я, самодовольно расплывшись в улыбке. Он видел мою улыбку.

– Ты сумасшедшая, тебя казнят вместе со мной... Куда мы едем?

– Ко мне.

– Ты будешь вечно меня прятать?

– Я найду способ тебя выпустить наружу.

– Наружу? Куда наружу? Что я там буду делать?

– Жить.

– Я не смогу теперь жить там. Кому я там нужен?

– Извини, я не смогу пойти с тобой. Твой мир намного опаснее.

– Ты удивительная женщина, Даша. Я никогда тебя не забуду, что бы ни случилось.

Я перевела на него взгляд на несколько секунд. Хотелось броситься в его объятия. Он был так хорош, искренен в тот

момент. Я продолжила смотреть на дорогу. Автострада была почти пуста. Вскоре мы приехали. Машину пришлось припарковать в специально отведенном месте в ста метрах от дома. Мы спешно вышли из машины, и пошли быстрым шагом к подъезду. К счастью, пошел дождь, и я вспомнила, что у меня в бардачке лежал дождевик, наверное, для этого момента. Это был подарок дочери, но мне как-то он не пригодился. Максим надел на себя розовый дождевик, и мы побежали до подъезда. Уже в подъезде я осмотрелась по сторонам, прислушалась – тишина. Пешком мы поднялись на седьмой этаж и скрылись в квартире. Максик подбежал к нам. Увидев гостя, обнюхал его, зарычал. Максим смотрел то на него, то на меня. На их территории живность жила на улице.

– Почему у тебя дома животное?

– Оно домашнее, – с улыбкой ответила я.

– Это опасно, когда в доме зубастый зверь.

– Он не кусается.

Макс снова зарычал. Я повела его в комнату Ники и заперла там.

– Можешь заходить, зверь не выйдет оттуда сегодня.

Максим зашёл. Я повела его на кухню.

– Ты голоден?

– Нет.

Я направилась к холодильнику. Даже стыдно, он был почти пуст.

– Это хорошо, кроме баночки фасоли и шпротов ничего не могу предложить.

– Я могу долго не есть. В моем мире мы больше пьём, чем едим.

– Что вы пьёте?

– Энергетические напитки, особый состав. Ну, и едим иногда.

– Выпить у меня нечего, придётся давиться шпротами или фасолью.

Я достала баночки и принялась откупоривать. Он остановил меня, приблизившись сзади. Он уткнулся губами мне в шею и провел влажным языком по изгибу до уха. Меня передернуло от возбуждения. Я оставила свое занятие и повернулась. На меня смотрели зелёные красивые глаза, его полуоткрытый рот призвал меня к поцелую. Я впиалась ему в губы страстной настойчивостью. Он приподнял меня и посадил на стол. Баночки полетели вниз, как и кепка с моей головы. Копна русых волос разметалась по плечам и спине. Он ласкал мою шею и медленно расстёгивал замок на моей форме. Я проделывала то же самое – раздевала его, чтобы поскорее насладиться его прекрасным телом. Наконец, когда одежды на нас не осталось, мы соприкоснулись горячими телами. Своей грудью я чувствовала его горячую грудь. Он блуждал своими сильными руками по просторам моего тела, причиняя сладкую муку. Он обследовал все мои выпуклости и впадины, а я дрожала от наслаждения под его старательным

усердием. Мы переместились на диван. Он осторожно уложил меня на мягкую мебель и начал пальцами проникать в меня. Я изогнулась и издала стон удовольствия. Он смотрел на моё поведение и ритмичнее ласкал, доводя меня до безумия. Потом он повернул меня спиной и вошёл. Он держал в руках мою грудь и целовал мое ухо, одновременно проделывая простые движения, но с силой и темпом. Я не могла сдерживать свой голос, я стонала и даже кричала. Мне было настолько хорошо, что я не думала о последствиях. Он великолепно справлялся с этой своей задачей на протяжении длительного времени. Я мечтала, чтобы это не заканчивалось, и это продолжалось. Не знаю, где он научился такому, но он менял позиции и продолжал вновь и вновь. Мой идеальный мужчина. Он знал, как доставить удовольствие, под каким углом, каким темпом и когда. Его орган, будто бы мог изгибаться и доставал до таких мест, что я почти теряла сознание. Я утопала в наслаждении, цепляясь за его спину ногтями, как бы пытаясь не захлебнуться в бездне счастья. Наконец, я почувствовала, как он увеличился внутри меня, стал шире и горячее, затем он издал стон и снова быстро задвигался. Я была в раю. С закрытыми глазами, задыхаясь от нехватки воздуха, я понимала, что рискую забеременеть, что, скорее всего, так и произойдёт. Я согласна. Пусть это произойдёт. Я рожу этого ребёнка, только бы это была девочка.

Под утро мы заснули в моей спальне на белых простынях. Я знала, что скоро раздастся звонок будильника, и мне нуж-

но будет ехать на границу. Чем это обернётся для меня? Не вычислят ли, что казнь фальшивая? Не взболтнут ли вчерашние конвоирки чего лишнего? Сквозь сон я думала об этом. Не прошло и часа, как я закрыла глаза, телефон зазвонил. Мелодия звонка пронеслась по моим нервам. Я вско-чила, выключила сигнал.

Максим спал. Он не оделся, заснул прямо так. Как он был красив: смуглый, подтянутый, с соблазнительной родинкой на шее. Что делать дальше? Нам не суждено быть вместе, я просто тяну время. Освободив из одной тюрьмы, я заключила в другую. Мы привыкаем друг к другу. Так нельзя.

Я написала записку для Максима:

"Я бесконечно благодарна тебе за прекрасную ночь. Мне нужно уехать на работу, пожалуйста, не выходи никуда, жди, я скоро вернусь. Собака запрета в комнате. На кухне найдёшь фасоль и шпроты. Обед привезу, поедим вместе. Уже скучаю. Даша".

Глава 14

На работе я заполнила отчёт о казни пленника. Отправила электронную копию с видеоотчётом по данному мероприятию по электронной почте в министерство. До обеда тянула время – дремала на столе. Стук в дверь вернул меня из страны морфея.

– Войдите, – хрипло ответила я.

– Полковник, звонили из лазарета. Медики работали над образцами крови. Просили вас зайти. Есть любопытные факты.

– Да, я зайду через пятнадцать минут.

– Неважно выглядите. Вы больны?

– Да, наверное.

Я потеряла глаза. В теле чувствовалась ломота. Я просто не спала сегодня.

– Уйду сегодня раньше, голова кружится, – добавила я.

– Вам надо отдохнуть. Вы много работаете.

– Кто жалеет себя в наше время?

– Вы правы.

Дежурная вышла, я начала собираться в лазарет.

– Полковник Перова, приветствуем, – поздоровалась военный врач.

– Что нового?

– Интересное наблюдение, пока это только предположе-

ние. Взгляните.

И доктор повела меня к микроскопу.

– С каплей крови матери, все понятно, мутаген возник в процессе искусственного наращивания мышц, плюс стимуляторы и психотропные обезболивающие неизвестного нам состава. Её ДНК изменён кардинально. А вот ДНК плода... Это не человеческий ребёнок. Это кровососущий мутант. Уже в утробе он имеет зубы и ногти. На этом этапе уже можно их разглядеть. Почему кровососущий? Потому, что в плаценту вместе с питательными веществами поступает ещё и кровь матери. Состав крови плода тоже уникален.

– Спасибо, доктор Макарова. Продолжайте работать.

– Собственно, я больше ничего не могу. Если начнут рождаться такие твари, ничего хорошего нам не светит. Пленных женщин больше спасать нет смысла. Тем более подбирать за границей детей.

– Я распространю эту информацию. Образцы сохранить. Работать в обычном режиме, – я приложила кисть к вписку в знак прощания и пошагала прочь.

Я ехала домой в глубоких раздумьях. Что за биологической оружие разработали мужчины? Мы не знаем, что нас ждёт? Но я предполагаю, что нечто сокрушительное. Нужно выудить у Максима подробности этих экспериментов, и раз уж мы повязаны, пока, нужно подумать о путях решения этого бедствия. Я уверена, что он поможет, он знает, как.

Припарковав машину, я заметила гуляющего без при-

смотря пса. Это рыжий лабрадор, очень похожий на моего Макса.

– Этого не может быть! – воскликнула я, заглушив двигатель.

Громко позвав собаку, я удивилась. Она радостно бежала мне навстречу.

– Максик, ты чего здесь?

Я посмотрела по сторонам. Не с моим ли тайным гостем он гуляет? Нет, этого не может быть. Я взяла за ошейник беглеца и повела домой.

Дверь в квартиру была прикрыта, но не запрета. Я запустила Макса, а сама осторожно начала обходить комнаты. Максима нигде не было. Он ушёл. Куда он мог пойти? Зачем? Столько ещё надо было обсудить. Я подозреваю, что он поступил так, ради моей безопасности. Я искала бы варианты, провести его через границу, рисковала бы. Он искренне любил меня, раз пошёл на такое. От этих мыслей мне стало ещё грустнее. Оставалось надеяться, что Максим не попадётся, иначе у меня будут большие проблемы.

Глава 15

Спустя две недели, я поняла, что точно беременна. Для рожавшей женщины это было очевидно. Ужасная усталость, сонливость, потеря аппетита, тошнота – нет нужды делать тест. Кроме того менструации запаздывала. Пора звонить сестре.

– Аня, привет, моя хорошая, – с искусственной радостью поздоровалась я.

– Да, давненько не созванивались, – поддержала она, – гонимик точно.

– Анюта, я очень плохо себя чувствую, хочу видеть тебя.

– Хочешь, чтобы я приехала? – обеспокоилась она. – Ника тебе хоть звонит?

– Да, у Ники все хорошо. Молодость.

– Говоришь, как древняя старуха.

– Я ощущаю себя ею. Так приедешь?

– Вечером, после работы заеду.

– Регине привет.

– Передам.

Аня работала в центре планирования семьи. Она ушла из армии год назад, после того, как на одной из операций по спасению пленных, чуть не погибла Регина – её боевая подруга, теперь супруга. Они сошлись, как только Регина выпилась из лазарета. Теперь у них во всю планирование се-

мьи. Регина – врач по образованию. Аня тоже подала документы медицинский институт, параллельно подрабатывала в этой же клинике, ассистировала своей супруге.

В этой клинике супружеским парам, желающим завести детей, делают искусственное оплодотворение. Может, мне тоже помогут.

Весь день я провела в бреду. Меня тошнило, меня трясло. Я лежала в постели, а Максик меня утешал своим липким языком. Мой рыжий мальчик.

В дверь постучали. Я очнулась ото сна. На часах восемь вечера. Я проспала четыре часа, как убитая. Кто бы это мог быть?

За дверью стояла Аня.

– Да, сестрёнка, ты паршиво выглядишь, – поздоровалась сестра.

Передо мной стояла высокая стройная молодая девушка, в персиковом плаще, в высоких сапогах. Её светлые волосы были зафиксированы заколкой.

– Это не заразно, заходи, – я пригласила её в квартиру.

Аня пошла за мной в спальню. Макс деловито поковыляла за нами.

– Я прилягу с твоего позволения.

Кружилась голова.

– Что с тобой случилось? Ты обращалась к врачу?

– Ань, я беременна.

Аня была ошарашена моим резким признанием.

– Как беременна? Когда ты успела? И где? Это непростая процедура.

– Простая. Ты даже не представляешь насколько.

– Ты меня пугаешь. Что ты натворила?

– Мы оба знаем, как можно просто забеременеть.

– Не в наше время. Есть законы нового государства...

– Я знаю о законах, не говори мне о них.

– Ты не могла нарушить закон. Это невозможно.

– Возможно.

Аня села на кресло. Она побледнела.

– Как можно быть такой безответственной? Тебя же осудят. Ты была в мужской части?

– Была, – выдохнула я.

– Тебе не удастся скрыть это.

– Я знаю. Поэтому позвала тебя.

– О, нет, ты хочешь, чтобы я тебя провела по клинике?

Что я, якобы, сделала тебе ЭКО?

– Именно, сестра, – умоляюще смотрела я на неё.

– Ты понимаешь, что это преступление? Ты позволила себе глупость. Ну, конечно, Анята только что устроилась в клинику оплодотворения, можно её подставить.

– Ань, я хочу этого ребёнка, помоги мне. Я старомодна и не принимаю однополых браков – не получится.

– Ты не любишь себя? Разве тебя не за что любить? Ты неисправимая дурочка... Ты будешь воспитывать ребёнка одна? Это не собака. Нельзя ребёнка просто запереть в квар-

тире и идти на работу.

– Аня, я мама двоих детей, я справлюсь.

– Это может быть мальчик. Что ты будешь делать тогда? Мы его кастрируем, как Макса?

– Если будет мальчик, сделаем аборт. Я люблю отца ребенка. Это моё решение. Ань, не осуждай, а помоги.

– Своим поступком ты отрицаешь то, за что боролась все двенадцать лет. Женское общество эволюционировало во многом благодаря тебе. Человек перестал быть одной из звеньев природы. Мы сами стали создателями.

– Мы не можем стать выше природы просто потому, что научились создавать детей в лабораториях.

– Мы не зависим больше от мужчин. Нам ничего от них не надо. Мы ушли от патриархата, не поклоняемся животным инстинктам. Именно это делает нас хозяевами своей жизни, а не звеном в механизме природы. Земной шар будет крутиться вечно. Только мы – женщины уже будем его крутить.

– А мужчины в твоём мире истреблены совсем?

– Они служат нам, пока мы не найдём способ обходиться без них в репродуктивном плане.

– Я поняла твою позицию сестра. Это будет нескоро, а мой живот скоро появится. Так я могу положиться на тебя?

– Я сдала бы тебя...но помогу. Не потому, что мы родственники, а благодаря твоим заслугам перед нашим обществом. Я поговорю с Регина. Все зависит от неё.

– Я не останусь в долгу.

– Свой долг ты уже отдала... Лучше займись своим здоровьем. Выпей ромашки или сходи, подыши воздухом.

– Спасибо, Анют. Я знала, что могу на тебя положиться.

– Не обольщайся, я ещё ничего тебе не обещала. Представляю, что скажет на этот счёт Регина. – Аня удивлённо покрутила головой и засобиралась домой. – Ну, раз ты здорова, я пойду.

– Иди. Осторожнее на дороге.

– Да уж, я думала, меня ничем не удивишь, а, нет, удивили. Позвоню.

Сестра в своём репертуаре. У неё всегда на все было свое мнение. Умничка. Олимпиадница. Активистка. Она не подведёт.

Не знаю, каких трудов ей это стоило, но она смогла устроить мне, якобы, оплодотворение. По документам все оформили, на учёт поставили. Самое сложное за четыре месяца беременности было – работать. Все время слабость, тяжесть, тошнота и даже боль. Она больно упирается чем-то в ребра. О ножках и ручках ещё рано говорить, но при движениях ребенок причиняет мне боль. Вот они – последствия недолгой любви. Максима я больше не видела. Я надеюсь, он жив и здоров. Иногда я вспоминаю те жаркие минуты нашей любви. Как мне не хватает их, не хватает его. Потом я утешаю себя тем, что знала, на что иду. Теперь о нем мне будет напоминать наша малышка. Господи, пусть это будет девочка.

Глава 16

Я иду на очередное УЗИ. На первом ультразвуковой диагностике я слушала биение сердца плода. Сегодня мы увидим его пол. Я легла на кушетку и оголила живот. На живот выдавили немного геля, и начали водить прибором. Плод шевельнулся и замер.

– Что за черт? – удивилась доктор Регина Храмова.

– Что такое? – насторожилась я.

– Ничего не разглядеть. Темнота.

– Как это? Может, оборудование сломалось?

– Нет, не сломалось.

Она продолжала водить прибором по животу, но ещё больше изумлялась.

– Почки вижу. Что касается брюшной полости – нет. Все в каком-то темном веществе.

– Как такое может быть? Мы видели ребёнка в прошлый раз. А сегодня аппарат сломался. Регина, я зайду в другой день.

Я начала вставать. В голове мелькала неприятная мысль. Тёмное вещество...

Не кровь ли?

– Это ненормально, Даша, – беспокоилась доктор. – В прошлый раз я видела некую муть, но списала все на аппаратуру. А сейчас могу подтвердить, так бывает, когда в плаценту

попадает кровь. Даша, ребёнок в опасности, и ты тоже...

Я задумалась. Ребёнок, скорее всего, мутант. Он убьёт меня. Или мне придётся убить его. У меня закружилась голова, я потеряла сознание. Те секунды, которые я была в обмороке, меня посетило странное видение: я видела прекрасную малышку, новорожденную, кричащую, с изумрудными глазами. Ребёнок в красной одежде, с красной ленточкой на ручке. Я укачиваю её, и она начинает улыбаться. Моё сердце переполняет счастье.

Придя в себя, я увидела раскрасневшееся лицо Регины и такое же лицо сестры. Видимо, её вызвала доктор Храмова.

– Даша, ты слышишь меня? – обеспокоенно повторяла Аня.

– Да, слышу, – подтвердила я и попыталась встать.

– Я знала, что это не нормально, – причитала сестра. – Слишком плохо ты себя чувствовала. Нужно сделать прерывание, и все. Регин, она ведь восстановится, она сильная.

– Ань, опасно. В моей практике такого не было. Я боюсь, мы потеряем её. Она истечёт кровью.

– Что же делать?

Я слушала их диалог, мне было дурно. Я уже решила для себя, что рискну родить.

– Я пойду, девчонки, спасибо.

– Даш, это патология. Может, случиться все, что угодно: открыться кровотечение или плод замрет, наглотавшись твоей крови. Ложись в стационар, хотя бы будешь под наблюдением.

нием.

– Всю беременность?... Только не сегодня.

Я пошагала к выходу.

– Думаю, ещё пару недель продержусь. Нужно завершить кое-какие дела: Макса пристроить, с Никой пообщаться.

– Не отчаивайся, мы вытащим тебя из этой ситуации, – пыталась рассеять мою разбитость сестра.

– Я верю.

Я вышла из клиники без сил, на автопилоте. Так же села за руль. Мне нужно было заехать на работу, взять на дом бумажной работы из кабинета. Я направилась к границе. При входе в проходную военной конторы опять закружилась голова. Дежурная заметила, что меня шатает и подбежала. Она проводила меня к своему стулу, усадила.

– Вы бледны. Что с вами?

– Я плохо себя чувствую.

– Может, вызвать скорую?

– Нет, не надо. Я была у врача – все под контролем. Пару минут, и все пройдет.

Я сидела, пряча взгляд. Не смотрела на собеседницу, смотрела на мониторы. Их было четыре.

– Поставили дополнительный экран?

– Да, со всех сторон видна территория нашей части.

– Работы прибавилось.

– Так даже лучше, спокойнее, не приходится ночью обходить территорию самой. Всё, как на ладони.

В одном из мониторов я увидела, как мимо проходит наш немногочисленный мужской отряд при сопровождении сержанта Немовой. Всё бы ничего, если бы одно мужское лицо не было так знакомо. Или я сошла с ума, или среди солдат шёл Максим. Я не верила своим глазам. Нет, я не путаю, это он. В нашей форме темно-зеленого цвета, в нашем главном уборе – пятнистой кепке, бодро вышагивает в ногу с молодчиками. У меня челюсть раскрылась. Я хотела было поделиться с дежурной своим наблюдением, но сдержалась, вместо этого, молча, встала и пошла к выходу. Теперь я знала, где можно найти виновника моего плачевного положения. Я пошла догонять отряд.

– Отряд, стой! – крикнула я вдогонку, поняв, что умру, если продолжу их преследовать так стремительно.

Мне было важно убедиться, что это, действительно, был Максим, что мне не показалось, что я не выдумала его.

– Сержант Немова!

Отряд встал. Сержант скомандовала подстроиться в шеренгу, и сама вытянулась, как струна. Ребята стояли смирно. Я подошла. Мы с сержантом поприветствовали друг друга.

– Откуда следуете? – спросила я, деловито разглядывая наших парней.

– Ребята выполняли задание за нашим рубежом. Веду их в расположение.

Я остановилась взглядом на третьем – это был мой сын, добралась до седьмого – это был тот, кого я искала – Максим.

Он смотрел перед собой. Моё сердце затрепетало. Я перевела взгляд на сержанта.

– Их семеро. Где остальные?

– На прошлой неделе остальные наши парни погибли, погорвались на БТР на вражеской территории.

– Вам не объявляли о том, что вылазки на вражескую территорию нужно свести к минимуму?

– Это было спецзадание от высшего командования.

– Есть ещё одно спецзадание. Сержант мне нужен один из ваших бойцов для его выполнения.

– Один?

– Да, самый лучший.

Я снова обошла всех семерых и остановилась на последнем.

– Фамилия, солдат?

– Рядовой Колесников.

– Сержант, мне кажется, это довольно крепкий боец. Я останусь с ним здесь, мне нужно объяснить ему суть задачи. А вы ведите остальных в расположение. После обсуждения я лично сопровожу его.

– Есть, – неуверенно подтвердила немолодой сержант. – Рядовой Колесников, вы поступаете в распоряжение полковника Первой.

– За мной марш, – сказала сержант остальным, и они двинулись дальше.

Я, стерпев болевой спазм в животе, чуточку наклонилась.

На моем лице было написано, что мне нехорошо. Пять секунд, и я выпрямилась, внимательно посмотрела на Максима.

– Прости, – после полуминутного молчания выдавил он, не выдержав моего пристального взгляда.

– За что?

– За то, что ушёл. Ты не смирилась.

– С чего ты взял? Смирилась. Я только не пойму одного. Как я могла забеременеть мутантом из ваших лабораторий?

– Ты беременна?

– Нет, я поправилась, – не смешно пошутила я, указав на свой живот. – Я не виню тебя. Просто, как такое могло случиться? Мы зачали ребёнка естественным путем, а по диагностике видно, что он в крови, и я потихоньку умираю, он съедает меня.

– Даш, я не знаю, что сказать. Я все, что знал, уже сказал. Может, инъекции, которым я тоже подвергался дали такой эффект. Ты не думала, избавиться от этого монстра?

– Я не могу. К плаценте частично прикреплены мои кровеносных сосуды, я истеку кровью... То есть ты не знаешь, как мне не погибнуть?

– Эти дети питаются кровью матери в утробе. Тебе плохо, потому что твой организм теряет много крови. Я говорил тебе, что не ем обычной еды, а питаюсь особым энергетическим напитком.

– Это кровь? Ты пьёшь кровь? – ужаснулась я.

– Да, но я не вампир. У меня такая природа. Мне нужна донорская кровь, еженедельно, около семисот граммов.

– Откуда ты берёшь её здесь?

– Мне помогает сержант Немова, достаёт по своим каналам пакеты по шестьсот граммов. Она поверила мне несколько месяцев назад, когда я ночью пробрался в её квартиру на первом этаже.

– Ты ушёл от меня к ней?

– Даша, я ушёл, потому что ты мне дорога. Я не хотел, чтобы ты пострадала. Ты ослабла рядом со мной. А сержант сначала перепугалась, а потом поняла меня, и теперь помогает.

– Значит, то, что она рискует, это ладно.

– Между нами нет близких отношений. Она попросила меня приглядывать за её сыном в мужском отряде. Он эмоционально ранимый, слабый, а обязан служить. Она не имеет права признаться ему, что его мать, поэтому действует через меня.

– Хорошо. А как ей удалось внедрить тебя?

– В соседнем секторе и в нашем за последние месяцы были большие потери. Она поехала за двумя оставшимися бойцами в соседний сектор для укрепления своего отряда. Один по каким-то причинам не доехал. Я вместо него.

– Весело. Ты – очень везучий. В отличие от меня.

– Я уверен, тебе поможет кровь. Какая у тебя группа крови?

– Третья положительная.

– Надо найти донора или того, кто имеет доступ к банку крови. Я попробую поговорить с сержантом...

– Не надо. Меня сейчас стошнит... Неужели ребята в отряде не видят, что ты другой. Не видят, как ты употребляешь вместо еды, что-то другое.

– Ребята думают, что я чудом выжил, что мне отрезали большую часть желудка, я просто обязан пить это, чтобы не умереть. Особая методика в лечении малокровия... Даша, только это поможет тебе выжить. Это страшное существо, это эксперимент, неизвестно, чем закончится. Я думаю, оно не убьёт своего носителя раньше времени. Но учти, оно растёт, и крови ему нужно будет больше. Ни соков, ни овощей-фруктов – крови.

– Максим, мне страшно, – чуть ли не теряя сознание, произнесла я.

– Как бы я хотел, чтобы все было не так, хотел бы вернуть все назад. Я мог покончить собой в камере.

– Все было прекрасно, не жалею.

– Я опасный, очень опасный экземпляр. Я жалею только о том, что нехотя обрек тебя на страдания. Можно, я пойду. Проводи меня и больше не приходи. Нам нельзя быть вместе.

– Кругом, солдат. Марш, – тихо скомандовала я после двадцати секунд молчания, преодолевая горечь.

Мы пошагали в расположение их части.

– Я так понимаю, спецзадание отменяется?

– Правильно понимаешь.

Я сопровождала бойца в его часть, нашла сержанта Немову и сказала, что он не подходит для выполнения моего задания, после чего спешно ушла.

После этого разговора я смотрела на людей жадным голодным взглядом. Я только сейчас осознала, что очень голодна, и тошнит меня от еды, потому что хочу я кое-чего другого – особый энергетический напиток. Во мне живёт нечто дикое, отныне и я перестану быть прежней.

Я добралась на машине до клиники оплодотворения. Со звонила с сестрой, она была там. Я поднялась к ней на второй этаж.

В кабинете села и, зажав рот, просто сидела, глядела на неё.

– Даш, как ты? – обеспокоенно произнесла она.

– Я попрошу тебя ещё об одной услуге. Я знаю, ты сможешь мне помочь.

– Сделаю все, что в моих силах.

– Ань, нужна кровь, чтобы я не умерла. Третья положительная.

– Переливание?

– Нет. Нужна донорская кровь в пакетах.

– Зачем тебе?

– Мне необходимо её пить, восполнять потери. Я могу числиться у вас. Придумай мне болезнь, при которой нужно переливания.

– Я не смогу снабжать тебя большим количеством крови.

Это невозможно.

– Максимально, по возможности. Я буду звонить.

– Держись, сестрёнка.

Я встала, чтобы уйти, но потеряла равновесие и снова села на кушетку, завалившись на бок.

Запах нашатыря привёл меня в чувства. Рядом стояли Регина и Аня. Потом Аня куда-то побежала. Через некоторое время вернулась с пакетом крови. Она быстро сделала надрез на пакете и приложила к моим губам. Я почувствовала солёный металлический, но очень приятный вкус на губах. Прижала плотнее к губам заветный пакет. Жадными глотками я втянула в себя все содержимое за считанные секунды. Весь подбородок и рот мой стал буро-красным. Девчонки смотрели на меня, как на животное, зверя-хищника или монстра. Внутри меня прокатилась волна энергии. Она смазала боль и все язвочки, саднящие во мне все эти месяцы. Я почувствовала радость и облегчение, впервые за долгие недели мучений.

– Тебе лучше? – глядя на меня, тревожно выговорила Аня.

– Однозначно, – улыбнувшись своими ярко-красными зубами, поделилась я. – Это то, что меня спасёт. Моё самочувствие улучшилось на 110 процентов. Если так пройдёт весь срок, я ещё поборюсь за жизнь.

– Сомнительное облегчение, – наконец, выдавила из себя

Регина. – Время покажет.

– Я вправду ожила, – сказала я и встала на ноги. – Пока, это вариант.

Девушки переглянулись, не зная, как реагировать на мою перемену. Я умылась у них в раковине, вид крови на руках меня напугал. В зеркале я увидела свои розовые щеки и горящие глаза. Аня проводила меня из кабинета, я уехала домой.

Глава 18

Жизнь течёт своим чередом, бьёт ключом, так сказать, иногда больно. Уже три месяца прошло с тех пор, как я впервые попробовала кровь. Ни сладкого мне не хотелось за это время, ни кислого, ни экзотических фруктов, ни мела, я сходила с ума от солёного металлического вкуса с нотками томата. Так сказать, жить не могла без красненького положительного. Каждый вечер приходил упадок сил, меня ломало, как наркоманку, как вампира, я ощущала тошноту и чувство голода. В таком состоянии меня обнаружила моя дочь однажды, когда пришла меня проведать. Я не отвечала на звонки. Ника была в шоке, когда увидела моё состояние. Она, конечно, знала, что я беременна, она бывала у меня раньше, когда я выглядела бодрее. Меня выручали время от времени Аня с Региной, привозили мне "питание", даже шли на то, чтобы кормить меня своей кровью через надрез в плече. А тут Ника. У неё, кстати, тоже третья группа крови. Она ругалась, что я ей не сказала, что больна, ругалась за Макса, что не кормлю и не гуляю с ним, за квартиру, запущенную и загаженную. Я, воодушевившись её появлением и жалобой, что ничего ей не рассказываю, поделилась своим недугом. Конечно, не все ей выложила, а самое необходимое. Мне срочно нужно было подкрепиться, а это просто идеальная возможность. В голову пришла история, о которой мне когда-то

рассказал Максим, о болезни малокровии, резвившейся в связи с беременностью. Когда я сказала, что умру, если она мне не поможет, Ника расплакалась. Она была шокирована известием. Поговорив по телефону с Аней, чтобы убедить-ся в том, что я не обезумела, Ника согласилась быть моим донором. Я профессионально стиральным ножичком сделала крестообразный надрез на плече. Ника охнула и съежилась. Хлынула заветная красная жидкость. Я припала губами к ранке и, не спеша, стала втягивать свой энергетик. Главное, не переборщить. Когда почувствовала, что Нику шатает, отстранилась. Ранку я потеряла спиртом и заклеила пластырем. Ещё один день жизни.

Так летели мои дни. Меня посещали мои благодетели. Благодаря ним я жила.

На улице зима. Я уже месяц нахожусь в декретном отпуске. О Максиме я больше ничего не узнавала. Он был прав, ни к чему хорошему наша любовь не привела и не приведёт. Я гуляю с собакой, часто это делаю в последнее время. Обожаю своего Максика. Что бы я делала дома долгими вечерами, если бы не он. Квартиру я прибрала, ждала результатов анализов, но они ничего не прояснили. Ребёнок по-прежнему причинял мне боль, когда был голоден. Он словно когтями впивался в мои внутренности. Я надеялась на хороший исход, но не исключала и летальный. С малышом я разговаривала, гладила живот, все-таки в нем есть и моя частичка. Думала, что будет, если рожу этого мутанта, прекрасного

убийцу, как пророчил Максим. А может, это будет обычный ребёнок, мальчик или девочка. Я хотела скорее родить его, наверное, потому что боялась родов, или потому что хотела поскорее увидеть свое прекрасное дитя.

Ночью у меня крутил живот. Ничего необычного, я привыкла к ощущениям, что мне хотят сломать ребра, что меня кусают изнутри, карябают. Но этой ночью это не прекращалось до пяти утра. Я выла от боли во сне, поглаживала живот, даже попила крови из пакета, оставленного Аней – ничего не помогало. До родов ещё месяц, рано тревожиться. Под утро я уснула. В девять зазвонил телефон, я вскочила брать трубку. Как только дошла до телефона, полилось. Я залила комнату кровью. Из меня её вылилось литров пять. Какое счастье, что до трубки я успела добраться. Звонила Аня.

– Ань, началось, Аня, – стиснув зубы от боли и страха проговорила я.

– Что? Роды? – перепугалась сестра.

– Да, я истекаю кровью. Ужас. Больно.

– Мы едем к тебе, Даш, держись. Дыши глубоко, постарайся успокоиться.

– Быстреей, Ань.

Не думала я, что сегодня решится моя судьба. Я была не готова. Боже, как страшно, я рожаю монстра. Мой живот стал меньше, по ногам струилась кровь. Макс беспокойно, лаял, видя, что хозяйка встревожена. Боль отпускала ненадолго, а потом вновь накрывала. Живот дергался и не хотел

дождаться подмоги. Ребёнок рвался в мир и рвал все вокруг себя. Боль была такая, что я вгрызалась в белую, испачканную кровью, простыню. Чтобы соседи не вызвали полицию, я кричала в подушку. У Ани были ключи, я дала их ей на всякий случай, поэтому она даже не стучала, а открыла дверь сама. Предстала картина не для слабонервных, будто меня порезали ножом. Пол, постель окрашены в красно-бурый цвет, и я, вся крови, корчусь от боли на бело-красных простынях. Помню, приближающиеся силуэты в прихожей, знакомые беспокойные голоса. Я доверилась этим людям, закрыла глаза. Боли больше нет, я ушла в себя.

Глава 17

Меня привёл в чувства детский плач, звонкий, продолжительный и голоса Ани и Регины. Я попыталась открыть глаза, найти источник звука, но не смогла сфокусироваться. Всё перед глазами плыло и кружилось. Я шептала, что-то невнятное. Сначала шептала, потом голос прорезался. Я услышала в ответ голос Ани:

– Не дергай рукой, собьешь капельницу.

Я попыталась привстать, сил не было, зато я почувствовала боль в теле. Спина, поясница, ноги – все ломило.

– Лежи, тебе нельзя вставать. Ты потеряла много крови. Мы восполняем потери, все будет хорошо. Теперь точно будет.

– Я родила? – невнятно произнесла я, меня поняли.

– Да, ребенок здесь. Не спеши, отдыхай.

Я успокоилась и снова закрыла глаза.

Через несколько дней я могла уже вставать. Аня и Регина по очереди дежурили у моей постели. Ребёнка я пока не разрешила забирать. Пока. Ребёнком я называла то, что я родила спустя восемь месяцев дикого помешательства. На первый взгляд это был ребёнок, только с ярко-зелёными глазами, несвойственными для новорожденных. Ещё несвойственно было то, что он был без определённого пола: ни половых губ, ни мужского пениса, мочевыделительная систе-

ма проходила рядом с анусом. Тем ни менее дитя выглядело трехмесячным: с волосами, зубами и твердыми нестигаемыми пятимиллиметровыми закругленными ногтями, на пальцах были твердые пупырья, взгляд уверенный, игривый. Мои доктора не хотели мне его оставлять, чтобы я к нему не привыкала. Когда встала на ноги, когда начала соображать, я выпросила у них один день с малышом. Было много опасений с их стороны, много причитаний, но я уговорила оставить мне дитя до вечера. Сегодня вечером я навсегда распрощаюсь с плодом недолгой, но незабываемой любви. Я хочу запомнить это существо, которое изменило до неузнаваемости мою жизнь.

Я стою возле большой плетёной корзины, в которой лежит мой ребёнок. Он внимательно и серьёзно глядит на меня, а немного погодя издаёт крик и улыбается мне. У него чёрные волосы и изумрудные глаза, как у папы. Я держу в руках эту маленькую ручку. Малыш сжимает мне палец своими шершавыми пальцами, уже пытается подтянуться. Стремительное развитие. Боюсь, я не узнаю, что будет с ним через пару лет. О чем я говорю, я не знаю, будет ли он жив завтра. Моё сердце сжалось от боли.

В дверь постучали. Я вздрогнула от неожиданности. Кто это может быть? Ника? Без предварительного звонка? Нет, она без звонка не пришла бы. Пусть идут к черту. Стучали настойчиво. Были уверены, что я дома. Барабанили, как будто пожар. Я не выдержала и пошла открывать.

За дверью стоял Максим. Он тяжело дышал, будто бежал от кого-то. Его лицо было красным, глаза безумными, волосы взъерошенными.

– Где ребёнок? – недовольно спросил он и без приглашения вошёл в квартиру, не обращая внимания на лающего пса.

Он не церемонился с приветствиями, он искал по комнатам ответ на свой вопрос.

– Что с тобой? – успела спросить я, преследуя его. Он увидел корзину на комодe и замер на мгновение. Затем подошел, изучил. Я тоже наблюдала.

– Его вечером заберут, – сказала я виновато.

– Не вечером, – лишь сказал он и схватил корзину.

Максим направился к выходу. Его дерзкое поведение застало нас с Максом врасплох. Я попыталась остановить Максима, но это было невозможно. Он легко швырнул меня в сторону и скрылся за дверью. Ребёнок заплакал из-за такой резкой тряски, из-за криков родителей и лая пса. Я не сдавалась, я бежала за ним, в чем была, то есть в голубой пижаме.

– Максим, стой, так нельзя, – кричала я ему вслеп, уже не переживая, что нас услышат.

Максим не думал о своей безопасности, уже не о чьей безопасности. Он прыгнул в машину, положив на пассажирское сиденье корзину.

– Что ты задумал?

Я вцепилась в дверь его машины, не давая её закрыть.

– Поедешь со мной? – внезапно не своим голосом спросил

Максим.

– Куда?

– Поедешь или нет?! – крикнул он.

Мне ничего не осталось, как сесть на заднее сиденье и закончить это дело до конца.

Мы помчались. На ходу я стала успокаивать надрывающегося малыша. Максим выжимал максимум из своего транспорта. Он куда-то спешил.

– Максим, поговори со мной, – попросила я, дотронувшись до его плеча.

Его плечо было, как камень, твёрдое и холодное. Максим не реагировал, лишь внимательно смотрел вперёд и что-то шептал себе под нос. Я испугалась. Я надеялась, что у него появился план, относительно нас. Поэтому он приехал за нами. А сейчас я уже так не думаю. Этот человек сильно изменился. А человек ли это? По его поведению, выражению лица видно, что он не в себе. Я запаниковала.

– Останови машину. Это бессмысленно. Куда ты нас везешь?

– Домой.

– Максим, какой ещё дом?

Я забила его по каменным плечам, он отшвырнул меня. Мы двигались в сторону небоскребов – стоэтажек. В седьмом микрорайоне их было немало. Он повернул во дворы. Вокруг никого не было, ни души. Максим остановился. Я попыталась опять с ним поговорить, но он резко ударил меня

локтем в лицо, что я потеряла сознание.

Глава 18

Я слышу голоса: один встревоженный, а другой спокойный и уверенный. Открыв глаза, я повертела головой, поняла, что нахожусь на крыше небоскреба, вокруг меня ночное небо, а передо мной огромное проецированное изображение. Картинка шла из наручного браслета, аккуратно расположенного на пьедестале. На видео какой-то странный организм, похожий на инопланетянина, тревожно пытается вызвать помощь. Он показывает тело, которое рассыпается на глазах и превращается в тлен. Затем показывает существо на потолке, похожее на птицу. Он удивляется ей, боится её, гонит. Она мелькает в кадре, будто призрак. Далее две странные фигуры, не моргая, наблюдают апокалипсис. Огромный взрыв золотистой планеты. Эти инопланетяне встревожены и обращаются в нем на непонятном языке. Каждое их предложение дублируется переводом, мужским выразительным голосом.

– Земляне, потомки, если вы слышите это послание, значит, есть ещё шанс на спасение. Мы последние венерианцы. Наша планета разрушена, и мы вынуждены обживать новую планету, созданную для нас светлым Божеством. Мы стали свидетелями того, что есть и разрушающая сила. Она не остановится, пока не разрушит жизнь во Вселенной. Земляне, боритесь за свою планету, не поддавайтесь тёмному со-

здателю. Иначе все живое вокруг погибнет. Сберегите сущность. На Земле только в ней кроется спасение жизни.

– Хорошо, что придумали перевод, да?

Справа от меня возник Максим. Я будто пришла в себя, увидев его, как будто внутри меня что-то зашевелилось. Я попыталась вырваться, дергала руками, всем телом, но не смогла, я была крепко привязана. Я лежала на высоком ложе, словно парализованная. Видео продолжало идти. Максим заговорил вновь.

– Ты поймана в силки, птичка. Я долго тебя искал.

– Что меня искать? Я не пряталась. Что ты задумал?

Нервно проговорила я, осознав горькое свое положение. Слева от меня, так же лежал мой ребёнок. Он был без сознания или мёртв. Он не шевелился, не подавал никаких признаков. Я сопротивлялась, дергалась из стороны в сторону. Неужели я сегодня умру? Неужели здесь? Так?

– Мне нужна сущность, которая прячется внутри тебя.

– Ты больной. О чем ты?

– Он не мог прятать тебя вечно. Ты выдаёшь себя. Я нахожу тебя вновь и вновь. Во многом благодаря Адлару.

Мужчина в чёрном указал на себя.

– Ты ошибаешься. Адлар? Мы не те, кто тебе нужен, одумайся, – взмолилась беспомощно я.

– Это ты ошибаешься. Ты многого не понимаешь. Давай-ка я рассею твои сомнения. Ты, наверняка, все время чувствовала себя особенной, за что бы ты ни бралась, все у

тебя выходило, тебя слушали, с тобой советовались, но внутри у тебя всегда было беспокойно. Ты хотела помочь всем нуждающимся, изменить мир в лучшую сторону, покончить с болезнями, несправедливостью. Но как только на твоём горизонте возникал Адлар, венерианская сущность сдавала перед чарами любви. Проявлялась загадочная татуировка на ладони, и ты начинала угасать от недостатка чувств, больше не хотелось творить. Люди не умеют любить, драгоценная моя. Они непостоянны, порочны, эгоистичны.

Слова этого странного человека с белым, как бумага, лицом, вызвали во мне бурю эмоций и воспоминаний. Опять замелькали кадры перед глазами. Девушка в мальчиковой одежде: в драповом пальто, в кепке, в мужских ботинках идет по аллее и кормит голубей с рук. Мне кажется, я её знаю. Но кто она? Снова воспоминания о Максиме. Девушка стоит с ним в обнимку, целует его. А мне кажется, что это я его целую. Другой кадр: врач-женщина оперирует пациента, колет ему в плечо укол, потом опускает медицинскую маску, вижу чужое женское лицо, а кажется, что это я смотрю на пациента. Кадр из далёкого прошлого: маленькая девочка, внимательно следит глазами за сильным воинственным парнем. Так это же... Максим? Максим, только на коне и похож на древнего индейца. Вокруг песок. Передо мной предстали глаза страшного старого вождя. Такие чёрные, горящие. В них я видела языки пламени. А его руки были в крови, потом девочка их ему отрубила. Далее девочка бежит в тём-

ный лес, придерживая большой кижал. Она до смерти боится. Или это я боюсь? Мои страхи рассеиваются тогда, когда я набегу взмываю вверх и парю над спящей землёй. Я закрыла глаза и долго пыталась вытряхнуть из головы эти картинки. Я словно сошла с ума. Откуда столько непонятных воспоминаний? Это было в моей жизни? Вроде бы и было. А может, это был сон? Голос вернул меня к реальности.

– Ну, да, ты необыкновенная. У всех одно тело, одна жизнь, а у тебя их было, аж четыре. Сколько бы ещё было, если бы ты не попалась. Мне было не сложно тебя поймать. Ты всегда клюешь на одну и ту же удочку. Моя наживка – Адлар. Братец мой не учёл того, что ты создана любить. Адлар твой избранный, я это понял с начала времен. В чьём бы теле ты не пряталась, сколько бы лет не прошло, Адлар всегда тебя находит.

– Я не знаю Адлара. Мой избранный – Максим. Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Максим. В прошлой твоей жизни он был Паша, а ещё в одной – Костя. Братец мой менял города, тела, параллели времени, но я со своей неизменной куклой все же добился своего. Впрочем, ладно.

– Зачем? Я, так же как и все, хочу любить и быть любимой? Как любой человек на Земле.

– О, ты точно не человек. Это тело где-то в области груди скрывает сгусток огромной энергии, нужной мне для завершения одного очень важного дела, срочного дела. Твоё те-

ло умерло ещё, когда Венера процветала. Удивительная венерианская душа, способна паразитировать в любом теле, смещая хозяина. Это по мне. Я очень увлекаюсь коллекционированием душ. Моя коллекция стремительно пополняется. Очень скоро тёмные души умерших людей заполнят всю прилунную орбиту. Пока они находятся в некой апатии, угасают, замерзают. А мне нужно, чтобы они были активны, более того чувствовали, жили в постоянной пульсирующей боли. Я и новое место уже для них организовал, запустил новую планету – четвертую. Я жду уже сотни тысяч лет, чтобы заселить её. Но мне всегда не хватало одного, двух элементов – венерианской души, белой, невероятно сильной энергии и... Скоро мы переместимся на Луну. Мои подопечные, завидев тебя, сильно обрадуются. У них появится такой стимул. Твой страх, твои мытарства зажгут в них силу. На Луне, моя дорогая, ты никуда не денешься. Сущность попытается спастись, вылетит, но, сколько она не будет стремиться вперёд, она не найдёт ни человеческих тел, ни выхода из орбиты, по одной простой причине: Луна – моя резиденция, и я, наконец, завершу, что запланировал давным-давно.

– Зачем тебе ребёнок? Оставь его в покое. Тебе нужна я.

– Ритуал. Я должен окропить лунную поверхность её кровью. Её сердце должно остановиться вместе с Землей, а точнее, сердце великой прародительницы людей. Забавно, с неё все началось, на ней и закончится. Я дождался! Все сошлось.

Этот оборотень радовался. Оборотень, потому что сидел в

теле Максима. Отдалённо я понимала, что это мой Максим, но его взгляд был тяжёлый, насупившийся, глаза его были черны, как космос. Он тянул время. Видимо, ждал определённого часа. Часа, когда на небе воцарится Луна. На одном из пьедесталов аккуратно были разложены ритуальные атрибуты: кинжал с рубином на рукоятке, видеоочки из прошлого, вытянутый глиняный сосуд. Этот фанатик, возомнивший себя всемогущим карателем, подошёл к кинжалу, взял его в руки.

– Знакомая вещица? – спросил он меня, гордо демонстрируя превосходное оружие.

Я вспомнила, как когда-то ловко рубила им руки людям. Я зажмурилась от солёного вкуса крови на губах.

– Ты ее помнишь. А я ненавижу её. Ты рушила им мои планы. Этот кинжал украл у меня мой братец Бог и спрятал в тебе. Его унаследовало наше дитя. Я вернул свое сегодня.

– Что ты, упырь, будешь делать с ним? Убьешь меня? Или брата?

Вы все обречены. Я заберу все, что принадлежит Богу. Всё вокруг только моё. Он же на моей планете будет висеть на столбе, а души будут кидать в него камни и протыкать кольями. Здорово я придумал. Это я пытался внедрить уже очень давно, но сценарии срывала ты.

Он взглянул на меня презирающим взглядом, указал пальцем, затрясся от злости, и кожа на нем будто вздрогнуло, затем успокоилось. Он перевёл взгляд на Луну.

– Пора будить ребёнка, – хитро изрёк он.

Бес щёлкнул пальцем, ребёнок проснулся. Малыш начал плакать. Его жалобный плач рвал мне сердце.

– Да, кричи Ману, пусть услышат мои демоны. Их нужно зарядить.

Тем временем во мне что-то заёрзало. В моей груди, словно заползал червь. Я ощутила жгучее желание защитить своего ребёнка. Плач становился громче, упырь радовался и смотрел на ночное небо. Я почувствовала ярость. Во мне будто закипал вулкан. Прилив невероятных сил бурлил во мне. Я попыталась вырваться, раскачивалась из стороны в сторону, пытаюсь вытянуть узлы на толстых веревках, которыми были связаны мои руки и тело. Бес поставил под ложе ребёнка священный сосуд. Поглядел с минуту на полную Луну, затем вознес над визжащим малышом кинжал.

– Пусть кровь Ману вдохновит моих демонов. Я чувствую, что они застыли в ожидании перемены. Сейчас... сейчас начнётся новая эра.

Я наблюдала тёмную спину Максима, управляемого Бесом. Он вознес над своей головой кинжал и был готов опустить его на маленькое тельце. Но мешкал, будто связывался с пленными темными душами.

Я изо всех сил потянула вверх кулаки с веревками. У меня получилось вытянуть узлы, что мои кисти при помощи акробатической ловкости и военного опыта пролезли сквозь веревочные узы. Свободными руками я развязала ноги и в

два прыжка набросилась на его спину. Он был ошеломлен. Он недооценил слабую, обреченную на смерть, брошенную и одинокую женщину. Именно женщину. Пусть даже в чужом теле, пусть даже одинокую, но женщину. Бес не видел венерианок-мам, он и не представлял, насколько сильна любовь венерианки к собственному дитя. Материнская любовь несравнима с любовью к мужчине. Любовь матери делает её непобедимо сильной. Об этом Бес знать не мог, но Бог знал. Это было его беспроегрышной последней ставкой в игре, заветной завистливым темным братом.

Бес покрутился со мной и сбросил меня на пол. Мои попытки задушить его были безуспешны, он только выронил в противоположную сторону от меня кинжал.

– Не сопротивляйся, это твоя судьба. Я написал её конец, как и конец света на этой планете.

Он шёл ко мне, а я бегала глазами по этой крыше. Странно, это уже была не крыша высотки, а какая-то плоская поверхность где-то высоко-высоко в небе. Вокруг мерцание звезд, а Луна стала огромной. Мы приближались к ней. Бес хотел схватить меня, чтобы снова привязать, но снова завязалось баталия. Я ерзала в его руках, вытворяла со своим телом сокращения, что смогла выскользнуть из его рук. Я упала прямо на кинжал. Рукоять с рубином врезалась мне в левую лопатку. Бес разозлился и кинулся за мной в то же мгновение. Его лицо исказилось в ярости, глаза были готовы поглотить меня. Он был похож на монстра. Не думая ни

секунды, я выхватила кинжал из-под лопатки и выставила его острием вперёд. Кукла-Максим, управляемый Бесом, не успел затормозить перед кинжалом, хоть и видел направленное на него острое лезвие. Кинжал легко вошёл в сердце куклы. Тяжёлое мужское тело завалилось на меня. Я выкарабкалась из-под него, встала на ноги, тяжело дыша, не отдавая до конца отчёт своим действиям. Не веря в то, что он мёртв, я перевернула его. Я ждала, что он набросится на меня вновь. В чёрном прилунном пространстве возникло изображение. Оно открылось из рубина, что в рукояти кинжала, торчащего из груди Максима. Венерианка-Ману обращалась ко мне из возникшего монитора.

– Есть один шанс победить тёмного создателя. Только один. Если все ходы сойдутся, мы спасём Землю. Вселение Богов в тела людей очень опасно, потому что есть риск застрять в них навсегда. Умерев, например, от удара колюще-режущих предметов, высшие существа блокируются внутри тела, пока не вынуть предмет убийства из него или не проделать новое отверстие в этом теле.

– Значит, Бес в нем застрял. Что теперь делать? Сжечь его что ли? Что?

– Рисунок – есть определённый ключ к запуску конца света, он же для его остановки.

Ману на экране показала рисунок, который есть на моей ладони. Тату, проявившееся у меня несколько месяцев назад, не что иное, как пусковой элемент на экране Беса. Он

хотел запустить обратный отсчет на Земле.

– Приложи рисунок к монитору. Активность Луны уже началась.

– Как? Ладонь приложить?

Я приложила руку к монитору, в то место, где был этот рисунок. Ещё на расстоянии я ощутила тепло. Когда я дотронулась до экрана, меня ослепил яркий свет. Произошло что-то масштабное. Я почувствовала лёгкость полёта. Знакомое чувство, я перемещалась куда-то в яркую даль. Меня слепило и тянуло туда, в белое пространство, в родную обитель, седьмое измерение. Моё путешествие длилось долго. Я не ощущала времени, я ощущала счастье. Я открывала и закрывала глаза, не вспоминая о последних событиях. Для меня все было в норме, даже это перемещение.

Глава 19

Наконец, я стою перед человеком. От него веет добром и лаской. Я счастлива. После молчаливого приветствия, радостного лицезрения, он заговорил мягким негромким голосом:

– Ты – чудо, моё лучшее творение. Как тебе реабилитация? Ты долго пребывала в прострации.

– Я не чувствую веса. Что со мной?

– Ты освободилась.

– От чего?

– От груза ответственности за жизнь всего мира. Ты спасла планету от гибели. Теперь ты заслужила покой.

– А что случилось с Максимом? То есть с Бесом?

– Тебя интересует Максим или Бес?

– Оба.

– Бес заключён в своей резиденции. Ты закрыла его собственноручно. Он будет там, пока не исчезнет от бессилия его последний подопечный. А я тем временем подумаю, как же поступить с ним.

– Он исправится?

– Не думаю. Он всегда будет сеять смерть и горе.

– А что ждало Землю? Я не поняла, от чего спасала ее?

– Луна должна была начать вращаться быстрее и сместится со своей орбиты, что привело бы к колоссальным изме-

нениям на Земле. Вода на планете внезапно начала бы выходить из берегов, смена погоды и сезонов колебалась бы ежедневно и даже по несколько раз в день. В конце концов, Луна слетела бы с орбиты, что привело бы к катастрофе в космосе: приблизившись к орбите Земли, Луна распалась бы на мелкие кусочки, образовала бы жёлтые кольца, как кольца Сатурна. Жизнь на голубой планете была бы завершена. Тёмные души, зарядились бы этой энергией и переместились на следующую планету – Четвертую. Бес уже запустил её. На всякий случай он запустил ещё и другие. Он подготовился основательно, но, как всегда, был слишком самоуверен и предсказуем.

– А Максим? Он умер?

– Ты очень хочешь это знать?

– Нет, лучше не знать, – передумала я.

Это пройденный этап. Только сейчас я оглядела себя, хотела поднять кверху руки, но их не было, были эфемерные крылья. Бог увидел моё удивление.

– Тебе ещё непривычно, но это вопрос времени. Тело было не твоё. Мы воспользовались им, так как была уважительная причина.

– У Даши все будет хорошо? Она продолжит жить одна?

Тут я вспомнила о ребенке. Всё моё существо забилося, мне кажется, я даже поменялась в цвете.

– Малышка Ману... я понял. Видишь ли, эта параллель времени, где я тебя спрятал в Даше, располагалась в буду-

щем, в том будущем, где из-за проделок моего брата случилась женская революция. Я планирую исправить все его губительные начинания на мирной планете, и Даша обретёт другую судьбу. Она будет счастлива, обещаю тебе. Она родит ребёнка, но не Ману. Ману больше не родится, ее эра прошла.

Я опустила взгляд, ощутила смену цвета – я стала темнее. Почему то мне стало грустно.

– Венерианская душа, Мун, ты несчастна? Ты сможешь мне восстановить мир.

– Я должна быть счастливой, и буду, я постараюсь, – запорхала я по белой комнате, изображая радость, в ожидании работы, но мой цвет не менялся.

Бог опять молчал, глядел на меня, улыбаясь, потом изрёк:

– Работой я лишь накажу тебя. Венерианская сущность... Я создал тебя для любви, здесь ты не будешь счастлива... Знаешь, я могу справиться и один, я люблю свое дело. Будешь моей помощницей на Земле?

– Я... я не знаю.

– Максим... Знаешь, Максима больше нет.

Мои глаза снова загрустили, я перестала пахать и опустилась на пол.

– Но... в одной из параллелей жизни остался Костя. Я думаю, он тебе подойдёт, – заулыбался Бог и протянул ко мне свои светлые руки.

– В Мордовии. Я помню, – обрадовалась я и припомнила,

как мы стоим в обнимку около камина. От воспоминаний я снова изменилась в цвете, заискрилась блёстками.

– Вот оно счастье! Венерианская сущность, я подарю тебе жизнь. Собственное человеческое тело. Ты будешь жить на Земле, и исправлять ошибки, корректировать сбившихся со своего пути людей. Ты не против ещё послужить мне?

– Я буду только рада.

– С Богом.

Мое существо наполнилось неисчерпаемой радостью, что я думала, оно польется из меня через край. Я сияла, искрилась, наблюдая, как единственный взмах руки Бога, снова опустил меня в протрацию. Я словно почувствовала вкус железа на губах. Мое тело начало вытягиваться. Я чувствовала боль, но знала, что боль эта – мое новое рождение. То, что я обретала собственное тело, должно было принести мне долгожданное счастье. Я верила, что в этот раз найду свое место, не чье-то, а свое законное место, свое законное счастье.

Лилечка – любимая

Глава 1

Жуткая боль во всем теле. Я не могу открыть глаза, ощущаю холод. Не чувствую рук и ног. Как сквозь толщу воды, слышу голос мамы. Он тяжело давит мне на грудь. Не могу выплыть из мути, в которой нахожусь. Голос мамы манит меня, я мечусь в поисках выхода. Мама подала мне руку, и все ее тепло пролилось на меня, заполнило коридоры моего тела. Теперь я вижу свет. Я открываю глаза и тут же отворачиваюсь, закрываю лицо руками от жуткой рези в глазах. Снова голос мамы.

– Я здесь, я с тобой, тише, – шептала она мне, глядя меня по голове.

Я боюсь посмотреть на нее. Я не понимаю, что происходит. Пытаюсь вспомнить. В подсознании всплывают очертания худого старика, мое падение с высоты, боль. Вспомнила Ташкент. Как Лилино умирающее тело в зеленом узбекском платье нашли на улице. Она отравилась, чтобы не выходить замуж. Остановка сердца. Реанимация. Потом я вспомнила доброе лицо Бога, его благословление на жизнь среди людей... А, я же спасла планету от гибели. Венерианка. В голо-

ве – хаос, но я все вспомнила. Я теперь Лиля. Хочу открыть глаза. Открываю. Не могу разглядеть маму. Она сладко шепчет мне, потом убрала свои руки, собиралась отойти. Я вцепилась в нее, боясь не проснуться, не выбраться из подсонания.

– Не уходи, – я нечетко увидела ее заплаканные глаза и не сдержалась, тоже прослезилась, то ли от радости, то ли от боли. Она тут же обняла меня, очень осторожно, как котенка и принялась, плача, успокаивать.

– Не надо плакать, доча, – тряслась от слез мама, сама все приговаривала. – Нельзя плакать, тише, – похлопывала по плечу, как ребеночка.

– Мама, – только могла я сказать в промежутках между всхлипами. Как она изменилась, как постарела. Я ее дочь, Лиля, вернулась, чтобы все исправить. Тепло маминых рук, ее родной запах, меня сводил с ума, я не могла насытиться им. Я будто приросла к ней не в силах оторваться, не в силах вновь наблюдать ее измученное лицо, белое, как ее же халат.

Когда я немного успокоилась, мама выпрямилась, разглядывая меня и красиво улыбаясь, сказала:

– Ты похорошела, я не сразу тебя узнала, – сказала мама, не отпуская моих рук. – На тебе было длинное зеленое платье и куча всяких украшений, – мне даже показалось, она ждет моих комментариев, но я промолчала. – Как ты себя чувствуешь? – и вновь обняла, пытаясь скрыть пробившуюся слезинку.

– Я отлично себя чувствую рядом с тобой, мама, – я не соврала, мне было тепло, как никогда, даже несмотря на то, что мы находимся в больничной палате. Только жаль, что пришлось так много пережить. Я так виновата.

– Невероятно, – покачала головой мама, – я почти смирилась с тем, что не увижу тебя больше.

– Ничто нас больше не разлучит, – успокаивала ее я и вспомнила еще один фрагмент из моей жизни, недостающий фрагмент. Где Костя и Марина? – Мам, а где Марина? – Мама помрачнела.

– Ее мама тоже ищет ее. Примерно месяц назад Марина пропала.

– А Костя? – в отчаяние спросила я, но мама и понятия не имела, кто это.

Я почувствовала, как заныла грудь. Я восстановила полную картину моей жизни, правда, пока не уверена, что она была одна. Я вспомнила про Костю, и все остальное отошло на второй план. Я должна его увидеть. Ведь я живу ради него. Мои глаза загорелись, и я вскочила с постели.

– Мам, мне надо уйти ненадолго, – сказала я, в надежде, что она мне поможет, но я, видно призабыла ее характер.

– Никуда ты не пойдешь, – запротестовала мама и перегородила мне дорогу. – Только через мой труп. Я вообще никуда тебя теперь не пушу, – решительно сказала мама и проводила меня обратно в кровать. – Тебя нашли в другой стране. Ты чуть не умерла. Понимаешь, я могла никогда тебя не

увидеть.

– Мама, это вопрос жизни и смерти. Ты должна мне помочь выбраться отсюда, –продолжала я стоять на своем.

– Вопрос смерти закрыт. Тебе что, угрожает опасность? – испугалась мама, я глубоко вдохнула. – Не томи, скажи что-нибудь.

– Может быть, если я не найду одного человека, – это маму не убедило. – Я, вправду, должна его найти прямо сейчас. Потом может быть слишком поздно, – отчаялась я. Если уже не поздно.

– Лилечка, ну, как я могу тебя опять отпустить? Ты еще так слаба, – расстроилась мама и вновь заплакала, предчувствуя неизбежное.

– Мамочка, я клянусь, что скоро вернусь. Осталось одно очень важное дело. Важнейшее дело моей жизни. Ты должна вывести меня отсюда, – мама сдалась. Я горела желанием поскорее завершить задуманное. Найти того, ради кого я вернулась.

– Может,ждемся папу? Он должен прийти с минуты на минуту, – с надеждой предложила мама, но я не могла больше ждать, я и так долго ждала. Внутри меня бегали мурашки и щекотали мне нервы. Я до конца не понимала, что происходит, но чувствовала, что должна торопиться. Я так много пропустила в этой своей жизни.

Глава 2

Мы вышли из больницы, как ни в чем не бывало. Сели в такси и поехали домой за деньгами. Наш сосед дядя Миша встретился нам по пути. Он уже много лет занимался частным извозом. Его машина с шашечкой стояла на обочине, рядом с подъездом. Он и отвезет меня в Шацк, – обрадовалась я. Мне почему-то казалось, что Костик именно там, и Марины с ним нет. Я надеялась, что нет. Иначе я умру от горя. На этот раз точно. Мысленно, я уже с моим Костей, несмотря на присутствие мамы и мелькающие за стеклом объекты.

– Что я скажу твоему отцу? – переживала, выходя из такси, мама. Мы подъехали к дому.

– Ты знаешь, что сказать, – ободрила я ее и поторопила.

Мы поднялись домой. Я воспользовалась моментом и прошлась по комнатам. Везде порядок, как всегда, только как-то чуждо. Раньше, кажется, было светлее и теплее. Просто папы не хватает, для полноты, – отдернула я себя.

Мама стояла у меня за спиной в прихожей и молчала. Я повернулась, – она улыбнулась.

– Дом, милый дом, – шепнула мама. – Он пуст без тебя. Возвращайся скорее, – вытерла мама слезу.

– Я вернусь, – обняла я свою любимую мамочку. Вернусь, потому что меня здесь любят и ждут мои родители, ... кото-

рых я почти потеряла, ... которых я могла никогда не обрести.

Дядя Миша спал в машине, когда я постучалась. Как я предполагала, он меня не узнал. У меня сейчас длинные волнистые волосы, а Лиля и длинные волосы были когда-то понятиями несовместимыми. По крайней мере, так было раньше. Дядя Миша узнал маму, которая увязалась меня провожать, и слава Богу. Я забыла, что для всех я пропала без вести – умерла. Он впустил нас. Мама рассказала ему, что я нашлась, но мне очень нужно прямо сегодня в рязанскую область. Он долго удивлялся, разглядывал меня, но, как и предполагалось, не отказал. Я обрадовалась, что почти запрыгала от радости на заднем сидении. Еле выпроводила просившуюся со мной маму из машины, и мы тронулись. С собой была одна сумка, в которой лежали узбекское платье и украшения, на всякий случай. На спидометре была отметка 100, но моя душа, казалось, ехала всю дорогу в обгоняемых нас машинах.

– Дядя Миша, – обратилась я тревожно, – а побыстрее, нельзя? – через час стемнеет. Я чувствовала тревогу, боялась, что если не увижу его, в ближайшее время, то произойдет непоправимое. В последнее время я ничему уже не удивляюсь. Если раньше я совершенно не знала, чего хочу, то сейчас, как никогда, боялась не успеть, занять свое законное место в жизни.

– Если побыстрее, боюсь, мы на одних колесах до места доедем, – сказал дядя Миша через плечо. Его «Волга», на-

верное, старше меня. Он всю жизнь на ней ездит.

Через пять часов подъехали к Шацку. На часах было почти десять часов вечера. Дядя Миша спросил, куда поворачивать дальше. Тут-то и загвоздка. Не помню точное направление. Все дома похожие друг на друга, все белые. Сначала плутали на чужой улице, потом решили свернуть на следующем повороте. Я искала глазами серые высокие ворота и крышу дома с балконом. Напротив, у соседнего дома, должен стоять оранжевый КамАЗ. Я паниковала – неужели не найду. Вскоре мы проехали мимо курящего мужчины в знакомой рыжей дубленке. Мое сердце будто остановилось. Я не могла его не узнать – это был Костя. Только на фоне синих ворот, и оранжевого КамАЗа напротив не было. Я могла поклясться, что это был он.

– Дядя Миша, приехали! – остановила я его, готовая выпрыгнуть, не дожидаясь остановки.

– Слава Богу, я уж думал до утра продется искать, – выдохнул этот пухлый мужичок.

– Как договаривались, – я протянула ему деньги за доставку и поблагодарила.

– Точно тот дом? Давай провожу, поздно уже, – волновался дядя Миша. Я уверила, что в порядке и спешно вышла. Ворота оказались открыты, я вошла. Двор немного изменился и дом тоже. Внизу, в одной из комнат горел свет. Я огляделась по сторонам – никого. Присела на крыльцо. Я чувствовала, как бешено колотилось мое сердце. Мне хотелось

побыстрее его увидеть, обнять. Как я соскучилась! Но есть и страх. Что если он отвергнет меня? Вдруг я не нужна ему на самом деле. А вдруг, он не один, – стукнула я себя по лбу, – он же может быть с Мариной. Почему-то я сбросила ее со счетов. Я просто хочу быть с Костей. Я его люблю. Я поняла это, поменяв пару жизней, потеряв его ни один раз. Не хочу больше ждать, я и так потеряла много времени. Если он с Мариной, я заставлю его выбирать. Что за сомнения? Я же здесь, чтобы, наконец, обрести свое счастье.

Глава 3

Я встала, отряхнулась и уже хотела нажать на кнопку звонка, но вновь не решилась. Это важнейший момент в моей жизни, от него зависит моя судьба. Мои губы задрожали. Какая я трусиха! Я отошла от дома, чтобы взять себя в руки. Свет в окне погас. Я отмерила несколько раз шагами двор и обратила внимание на большое зеркало, стоящее в углу ворот. Я взглянула на себя. Я уже не та серая мышка Лиля, которую все знали раньше. Теперь я не смешна. Темные длинные локоны свисают на плечи, свежий макияж, который я успела нанести, пока ехала. Мое лицо преобразилось. Вижу, я стала уверенной, взрослой, красивой. Меня можно узнать, лишь по джинсам тех времен, по джинсовке и коротенькой куртке. Я разозлилась на несоответствие моего нового образа и старой одежды. Костя даже дверь мне не откроет, как только в глазок посмотрит, – подумала я, и вдруг, меня осенило. У меня же с собой в сумке узбекское платье. Может, незря я ее с собой захватила. Представляю его удивление. На секунду я вновь замешкалась, но выбора нет. Я моментально вывалила содержимое сумки. Переодевалась прямо на улице – плевать, что мороз. Возле крыльца нацепила последний браслет и накинула куртку. Больше сомнений не было, или я настолько замерзла, что, незамедлительно, нажала на звонок. Дело сделано. Зажегся свет, и в коридоре кто-то затопал.

Я не шевелясь, ждала своего принца... и дождалась. На пороге появился Костя, хотя я уже начала воображать, кого угодно, только не его.

Сначала он угрюмо и недовольно уставился на меня, потом, оглядев с головы до ног, выпрямился и принялся разглаживать свои растрепанные волосы, терев лоб. Он не мог проронить ни слова, как и я. На нем были измазанные в краске трико и расстегнутая рубашка. Я вновь видела его темное пятнышко на шее – магнит для меня. Он, тоже остолбенев, наблюдал за мной, только глаза его блуждали по мне в поисках ответов. Он меня не узнал? Он очарован мной. Я не скажу ни слова, дабы не выдать себя и не разрушить волшебство этой ночи. Только нашей ночи.

– Как такое может быть? – молчание прервал смущенный Костя, чувствуя, что неловкая пауза затянулась.

Я улыбнулась и только. Умру, если не поцелую. Внутри все зашевелилось, я приняла это, как толчок к действию. Холодными губами я страстно прильнула к его теплым губам и прижалась к нему всем замерзшим телом так, что чувствовала, как бешено колотится его сердце. В следующий момент Костя подхватил меня на руки, ногой захлопнул дверь и понес в дом. Наконец, я трогаю его, ласкаю вновь, как в первый раз, ощущаю его каждой клеточкой своего трепещущего тела. Господи, я счастлива. Ради этого стоило бороться. Ради этого я отказалась от вечности и не жалею. Я хочу быть счастливой. Я – Лиля Тайнова, необычная женщина, но уже

земная и любимая.

Я прижимаюсь к нему, чувствую его страсть, его теплое дыхание на своей шее, целую его. Его сильные руки гуляют по моим бедрам, от чего я теряю благоразумие и практически срываю с него рубашку. Неужели это правда? Я любима и жива. Я – нежный цветок, который распускается с каждым его влажным поцелуем. Кажется, не осталось мест, где он не ласкал меня, и не осталось сил сдерживать жгучее желание внутри. В следующий момент, меня пронзила резкая боль в паху, далее последовало сладкое обезболивающее в виде поцелуя. Это значит, что я жива, что Костя самый лучший в мире. Как же я его люблю! В ритм сердцебиения перешли наши ласки. Они набегали, как волна на волну, застилая наш берег удовольствием и радостью.

– Я люблю тебя, – сказала я хрипловатым голосом, лишенная сил, лежа на его груди, некоторое время спустя.

– Я так тебя ждал, я не поверил своим глазам, когда увидел сегодня, – признался Костя, смотря в потолок и накручивая себе на палец мой светлый длинный локон. – Ты моя богиня, ты явилась, чтобы спасти меня. Я запутался в жизни. Кажется, я бы угас со дня на день.

По моим щекам покатались слезы. Я не ошиблась в нем. Он ждал меня. Он мой.

Костя тревожно посмотрел на меня и принялся покрывать поцелуями мое мокрое лицо, перечисляя ласковые слова.

– Солнышко мое, сладкая моя девочка, что не так? – об-

нял он меня, я улыбнулась сквозь слезы.

– Я боюсь, что все может закончиться, – грустно призналась я.

– Кто сказал? – всполошился Костя. – Ты теперь моя, я никому тебя не отдам. – Я же окунулась в его теплую шею, прильнула к его родимому пятнышку, которое совсем недавно было для меня недосягаемо.

– Люби меня, – прошептала я ему на ухо, он тут же накрыл мои губы своими. Он знал, как сделать меня счастливой.

– Только не исчезай из моей жизни, как появилась, – прошептал он в ответ, и, целуя, опустился до груди. Я закрыла глаза и доверилась своему избраннику.

Я одолею тысячу демонов, убью любую нечисть, но буду возвращаться к тебе вновь и вновь, – думала я, растворяясь в его объятиях.

Глава 4

– Лилечка, любимая, – мешал мне одеваться мой обнаженный любовник, покрывая поцелуями мою спину и волосы, – ты чудо, сон, рай, ты покорила меня в секунду, я твой раб, – он восторженно любовался мной. При свете дня он казался мне самым родным. Я нашла себя. Вот судьба, которую я выбираю. Я хочу быть уникальной лишь для него. Он для меня – целый мир.

– Я боялась, ты меня отвергнешь, – вновь ухнулась я на кровать рядом с Костей.

– Хочешь, я озвучу все мои мысли с первой секунды нашей вчерашней встречи?

– Ты был ошарашен, – я вспомнила его вчерашнее выражение лица, когда он только открыл дверь.

– Ошарашен и сбит с толку. Твоей необыкновенной внешностью.

– Ты о платье, – скромно предположила я, – так и думала, что перебор.

– Я уже почти уснул, когда ты вдруг, откуда-то возникла на моем пороге. Мы об этом еще поговорим. Так вот, открываю дверь настроенный на мат, ведь никого не хотел видеть. Вижу прекрасную незнакомку в специфическом и ярком платье, правда, не по сезону надетую, – почесал он лоб, придавая своим словам артистичность. Я засмеялась.

– Ты подумал, что перед тобой либо цыганка, либо сумасшедшая, – весело хохотала я.

– Нет, я сразу же обратил внимание на ангельское личико, эти карие глаза, молящие о любви, испытывающие меня. А твои сочные розовые губки, просто созданные для поцелуев. Перевел взгляд на твои светлые локоны, обрамляющие прекрасное личико. Я, как зомбированный, захотел подойти и запустить в них свои пальцы. Я думал: «Эта прекрасная принцесса мне напоминает мою Лилию. Мою».

– Твою? – я игриво облизнула его сосок.

– Честно говоря, я до последнего не мог поверить, что эта ты, – он запустил таки, свои пальцы в мои волосы и помассировал. И опять все сначала. Поцелуи, игры и любовь, жаркая, страстная. Я вошла во вкус, бросалась в огонь нашей любви, отдавала всю себя без остатка и получала то же взамен. Удивительно, что мне было суждено спасти мир и исчезнуть, так и не пожив в любви. Сейчас все произошедшее со мной кажется каким-то ведением, страшным сном, ведь я сегодня любима, я люблю.

Я долго думала, как начать разговор о Марине. Я не знала, куда она делась. Я рассказала Косте, что Тимур прятал меня у себя на родине. Он был удивлен, лживости Тимура, ведь сдружился с ним в последнее время. Я не стала его защищать.

– Где сейчас Марина? – скрывая интерес, спросила я.

– Это долгая история, – вздохнул тяжело Костя, хотел пе-

ревести разговор, но я настояла.

– Она моя подруга, Расскажи мне.

– Я украл ее у Тимура, вместе с машиной, – неохотно начал он. – Я как раз уезжал из Саранска. Без настроения. Тимур предложил забрать Марину из наркологического диспансера и проводить меня. Я согласился. Марина тогда лечилась от наркозависимости. – Костя запнулся, я молчала. – Когда Тимур вышел поговорить по телефону, Марина надумила немедленно пересесть за руль и уезжать. Я решился не сразу, успокаивал ее, но она была очень напугана и убедила меня принять решение. Она сказала, что Тимур заплатил врачам в больнице, чтобы они лечили ее электричеством. Не знаю, как. Сказала, что он всячески изводит ее, мучает, что только она знает его истинное лицо. – Костя усмехнулся, глядя мне в глаза. – Она пообещала быть со мной. Сказала, что отказала изначально, боясь за меня, когда я сам ей предлагал уехать со мной. Я хоть и не поверил, но зачем-то пошел у нее на поводу. Я привез ее сюда, всю дорогу каясь в содеянном. Я, правда, уже не хотел быть с ней, – поклялся он мне. Я, понимающе, кивнула. – Как оказалось, я ей не нужен был вовсе. Она ждала Мансура...

– Кого-кого? – не выдержала я. Мансуром звали двоюродного брата Тимура. Так и оказалось.

– Ночью, этот буйвол, набросился на меня с кулаками, а потом благополучно уехал, прихватив с собой Мариночку. Она только ручкой мне помахала. Вот и все, – этими слова-

ми Костя встал с места и начал одеваться, а я осталась переваривать рассказ Кости. Все сходится. – Тебе сюда подать завтрак? – спросил в дверях галантный кавалер.

– Я подумываю об обеде, – вскочила я с места, и, накинув Костину рубашку, догнала его возле кухни.

– Я могу предложить свежемороженые пельмени. Выбора у тебя нет, – игриво констатировал Костя.

– А я не привередливая.

Моему избраннику, видно, понравился мой вид в его рубашке, и он облизнулся. Я нагнулась ниже, осматривая содержимое холодильника. Костя взвыл.

После обеда, я предложила Косте съездить в Саранск, ведь нас ждут там родители. Костя недовольно на меня посмотрел.

– Ты шутишь? Боюсь, если я еще хоть раз встречусь с Тимуром, кто-то из нас не переживет этой встречи, – Костя не в курсе переворотов в Тимурином бизнесе. Еще он не в курсе, что я работаю на Бога. Ему предстоит вместе со мной менять мир к лучшему. Не знаю, как он на это смотрит, но он обречен жить в лучшем мире. Добравшись до финала, я точно знаю, как победить зависимость от запрещенных веществ: от алкоголя, наркотиков, табака и тому подобных. Я уникальна. Я разработаю вакцину от людских слабостей к запрещенным веществам. Рубить конечности на этот раз я не буду, я введу венерианский материал из своих пальцев в плечи мужчинам, женщинам и подросткам. Уверена, должно сработать. Начну

с Мордовии.

– Давай, съездим к твоим, – предложила как бы спонтанно я.

– Меня разыскивают. Идея не очень.

– Не переживай, мы окольными путями, туда и обратно.

Теперь, я так понимаю, здесь наш дом? – прижалась я к нему, наблюдая за огнем в камине.

– Наш с тобой, – он поцеловал меня в макушку, – теперь здесь можно жить? – окинул он взглядом преобразившуюся гостиную. Даже тот старый диван, и тот нашел свое место в коридоре. – Только осталось заплатить за него два миллиона. За это не переживай. Я всегда мечтал заниматься модернизацией автомобилей. Заработаю.

Я хитро улыбнулась.

– А покажи мне свой автомобиль.

Я вспомнила о деньгах, которые я припрятала под заднее сидение. Там должно быть миллионов пять. Не думаю, что их нашли. Позже я вытащила из-под сидения сверток с деньгами. Хорошо, что тогда я не успела о них сказать. Костя был приятно удивлен и чуть не удушил меня в объятиях. Все, что ни делается, все к лучшему. Деньги нам пригодятся. Это подарок небес. Началась наша история любви, которую мы назовем Лилия и Константин +.

Эпилог

За окном солнышко. За окном капает. За окном поют птицы, прямо, как и у меня в душе. Растрепанная девочка-весна, вступила в свои права. Но это за окном. Погода в доме давно уже летняя.

В родительской квартире сегодня яблоку негде упасть. Огромный стол собран в честь свадьбы Константина и Лилии. Костя как никогда великолепен в белой рубашке и черных брюках. А я, по настоянию Кости, в зеленом узбекском платье, с кучей разных украшений с головы до ног. По правде говоря, платье мне стало немного узко по некоторым причинам. Я жду ребенка. Уже три месяца. Костя был невероятно счастлив, узнав. Он удвоил свою нежность, внимательность, заботу. Он готов посадить меня в инвалидную коляску, чтобы исключить любой риск – даже не по себе иногда от его заботы.

Мы сидим в начале стола, любуясь друг другом. Наши матери не скрывают радости, они об этом мечтали. Пропустив по паре рюмочек водки, исчезли все социальные неравенства. Заслуженный скульптор Мордовии и ветеран труда, наладчик технологического оборудования, выпивали вместе за счастье молодых. Слов напутствий, советов, было сказано очень много и вчера, и сегодня. Красиво высказался отчим Кости, который попросил прощения у него за годы непони-

мания, за свою чрезмерную гордость. Не могу сказать, что Костя его простил, но его тронули слова отчима.

– Хочу подхватить тебя на руки и убежать к нам домой, – шепнул Костя мне на ухо, я кивнула.

– Я люблю тебя, муж мой, – одарила я его ласковым взглядом.

– Спасибо, за то, что ты зажглась в моей жизни, солнце. За то, что наполнила мою жизнь смыслом, – говорил он, искренне, прямо в глаза. – Спасибо, что подарила мне счастье, моя Лилечка, моя любимая.

Я, безусловно, уникальна. Я появилась на свет определенно с миссией. Их даже несколько. Быть счастливой – одна из них. Я долго искала себя. Я часто делала глупости. Были моменты, когда я не видела выхода, мне просто не хотелось жить. Во всех своих бедах я винила высшие силы, молила о помощи, ждала чуда, не подозревая, что мое счастье всегда было в моих руках. Часто я ходила не теми тропами. Я ходила по лезвию ножа. Однажды, когда спасла мир, потеряла себя. Я могла выбрать все, что угодно: вечность, божественность, могущество, но выбрала всего лишь возможность любить и быть любимой. Многие скажут, что это глупость, что в мире можно быть счастливой, лишь имея много денег, за деньги можно купить счастье. Но это ошибка, ошибочное суждение, и я постараюсь это исправить. Я, первый в мире человек, у которого реально есть возможность построить новый светлый мир. Из многомиллионного противобор-

ства, из отчаяния и радости, из поражений и побед установится долгожданный идеальный мир. Такой, какой задуман был изначально.